

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

Батыршина Ксения Анатольевна

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ ДОКТРИНЫ
«СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ И
ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

Специальность: 12.00.07 – Корпоративное право;
конкурентное право; энергетическое право

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
юридических наук

Научный руководитель:
кандидат юридических наук,
доцент
Крылов В. Г.

Москва - 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ДОКТРИНЫ «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ И ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.....	17
1.1. ПОНИМАНИЕ ДОКТРИНЫ КАК ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ.....	17
1.2. ГЕНЕЗИС ДОКТРИНЫ «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ ПРАВЕ.....	29
1.3. ГЕНЕЗИС РАЗВИТИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ДОКТРИНЕ «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ И РОССИЙСКОМ ПРАВЕ.....	73
ГЛАВА 2. МОДЕЛИ «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ И ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСНОВНОЙ (МАТЕРИНСКОЙ) КОМПАНИИ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ЕЕ ДОЧЕРНИХ КОМПАНИЙ.....	116
2.1. ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСНОВНОЙ (МАТЕРИНСКОЙ) КОМПАНИИ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ЕЕ ДОЧЕРНИХ КОМПАНИЙ В ПРАВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ.....	116
2.1.1. АНЛИЙСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОСНОВНОЙ (МАТЕРИНСКОЙ) КОМПАНИИ И ДОЧЕРНЕЙ КОМПАНИИ.....	117
2.1.2. ПРИМЕНЕНИЕ ДОКТРИНЫ «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» К ОТНОШЕНИЯМ МЕЖДУ МАТЕРИНСКОЙ КОМПАНИЕЙ И ЕЕ ДОЧЕРНИМИ КОМПАНИЯМИ.....	123
2.2. ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСНОВНОЙ (МАТЕРИНСКОЙ) КОМПАНИИ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ЕЕ ДОЧЕРНИХ КОМПАНИЙ В ПРАВЕ США.....	138
2.2.1. АМЕРИКАНСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОСНОВНОЙ (МАТЕРИНСКОЙ) КОМПАНИИ И ЕЕ ДОЧЕРНЕЙ КОМПАНИИ.....	139

2.2.2. ПРИМЕНЕНИЕ ДОКТРИНЫ «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» К ОТНОШЕНИЯМ МЕЖДУ ОСНОВНОЙ (МАТЕРИНСКОЙ) КОМПАНИЕЙ И ЕЕ ДОЧЕРНИМИ КОМПАНИЯМИ.....	145
2.3. ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСНОВНОЙ (МАТЕРИНСКОЙ) КОМПАНИИ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ЕЕ ДОЧЕРНИХ КОМПАНИЙ В ПРАВЕ ГЕРМАНИИ.....	159
2.3.1. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ ЗАВИСИМОСТИ, ПОДКОНТРОЛЬНОСТИ КОМПАНИЙ.....	160
2.3.2. ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ ПРАВА КОНЦЕРНОВ В ЧАСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСНОВНОЙ (МАТЕРИНСКОЙ) КОМПАНИИ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ДОЧЕРНЕЙ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ.....	168
2.4. ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ НА ОСНОВЕ ДЕЙСТВУЮЩЕГО КОРПОРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	199
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	201

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

На сегодняшний день отношения экономической и корпоративной зависимости в современной деловой практике являются нормой. Данный вид отношений относится к правовому регулированию и корпоративному управлению холдингов.

Холдинговая структура организации бизнеса получила мировое распространение благодаря наличию двух основных преимуществ: снижению коммерческих рисков за счет их распределения среди лиц, входящих в структурное образование и возможности оперативной продажи бизнеса по частям. Данные Статрегистра Росстата за июнь 2016 г. по количеству учтенных юридических лиц в г. Москве составляют 1 134 805 единиц¹, что подтверждает динамику роста относительно предыдущих периодов. На 01 июля 2016 г. количество зарегистрированных юридических лиц по России – 4 770 106 единиц². Если обратиться к статистике десятилетней давности, то количество зарегистрированных юридических лиц ниже – 3 249 667³. Однако ни база данных Статрегистра Росстата, ни база данных Единого государственного реестра налогоплательщиков не отражают статистику холдинговых структур, образованных основными и дочерними хозяйственными обществами. Несмотря на отсутствие официальной статистики, распространение холдинговой организации бизнеса в современной России подтверждают мониторинг СМИ⁴, обобщение существующей судебной практики, участие в деловом обороте и т.п.

¹Данные Статрегистра Росстата в городе Москве на 01.07.2016 г. URL: http://moscow.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/moscow/ru/statistics/accounting/ (Дата обращения: 20.07.2016).

²Данные Федеральной налоговой службы РФ на 01.07.2016 г. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/5953348/ (Дата обращения: 20.07.2016).

³Данные федеральной налоговой службы РФ на 01.10.2006 г. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/4171560/ (Дата обращения: 20.07.2016).

⁴Например, данные информационного агентства РБК. URL: <http://www.rbc.ru/search/?project=rbcnews&query=%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B3> (Дата обращения: 20.07.2016).

Еще на рубеже XIX-XX веков было установлено, что экономическая зависимость между связанными субъектами и привилегия в виде принципа ограниченной ответственности самостоятельной юридической личности способны привести к многочисленным злоупотреблениям со стороны контролирующих лиц, умаляющим права и интересы кредиторов. Возможность предотвращения такого рода злоупотреблений относится к сфере действия ответственности по гражданско-правовым обязательствам.

Впервые англо-американские суды стали применять доктрину «снятия корпоративной вуали» для того, чтобы привлечь к ответственности недобросовестных лиц, прикрывавшихся легально предоставленным щитом в виде принципа ограниченной ответственности юридической личности ради достижения собственной выгоды вопреки интересам кредиторов. Позднее в Германии был разработан ее аналог под названием «пронизывающая, проникающая ответственность» («Durchgriffshaftung»). Между тем как классику применения доктрины «снятия корпоративной вуали» и ее альтернатив можно рассматривать случай, когда результатом чрезмерного влияния основного хозяйственного общества на деятельность дочернего является возложение ответственности на первого субъекта указанных отношений. В этой области опыт зарубежных стран насчитывает более ста лет, что достаточно для проведения сравнительно-правового исследования с целью выявить возможность адаптации его отдельных положений в отечественное право. Необходимость такой адаптации вызвана тем, что в силу исторических особенностей отношения экономической и корпоративной зависимости в современной России находятся только на этапе формирования.

Институт ответственности основной компании по обязательствам дочерней компании в современном российском законодательстве представлен в виде солидарной ответственности, субсидиарной ответственности и ответственности лица, имеющего фактическую возможность определять действия юридического лица, за причиненные по его вине убытки. При этом последний вид ответственности применяется только с 1 сентября 2014 г., а второй вид

ответственности подвержен обновлению. Несмотря на то, что данные действия отражают в целом динамику процесса реформирования корпоративного законодательства Российской Федерации, выбранный законодателем путь реформирования тернист и долог, поскольку действующее правовое регулирование вопроса ответственности между экономически связанными юридическими лицами не учитывает всех реалий современного делового оборота, значительную долю участия которого составляют основные и дочерние хозяйственные общества, образующие холдинги. Фрагментарный путь реформирования рассчитан на долгосрочную перспективу, актуальность которой теряется из-за стремительного экономического роста. Неэффективность обращения к такому методу продемонстрировали последние нововведения в корпоративное законодательство Российской Федерации, которые, нельзя оценить со знаком «плюс»: изъятие определения «обязательный» из условия о даче указания, включение согласия основной компании на совершение той или иной сделки ее «дочкой» не упрощают порядок привлечения к ответственности, а только усложняют (пункт 2 статьи 67.3 ГК РФ). Сложившееся судебная практика задает тенденцию узкого толкования влияния основной компании на деятельность дочерней, поскольку необходимо предоставить документальное подтверждение в виде зафиксированной формулировки о том, что основное общество наделено полномочиями либо определять решения дочернего общества, либо давать обязательные указания на совершение конкретной сделки⁵.

Проблема ответственности основной компании по обязательствам дочерней

⁵ См., напри., Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 (ред. от 24.03.2016) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=195825&rnd=214990> (дата обращения: 02.07.2016); Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 09.07.2015 № 10 АП-5532/2015 по делу № А41-12726/15. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=867052&rnd=214990> (дата обращения: 02.07.2016); Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.10.2015 № 17АП-12956/2015-АК по делу № А60-10095/2015. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS017&n=137661&rnd> (дата обращения: 02.07.2016); Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 11.05.2016 № 02АП-2323/2016 по делу № А17-3495/2015. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS002&n=68373&rnd=214990.41390071037733844&SEARCHPLUS> (дата обращения: 02.07.2016).

не нашла должного решения в российском праве, поскольку ни на уровне законодательства, ни на уровне судебной практики нет правовых механизмов, гарантирующих защиту кредиторам холдингов. Существующие варианты ответственности обладают «иллюзорной» степенью защиты, что негативным образом отражается на стабильности гражданского оборота. Слабым звеном является солидарная ответственность, для возложения которой требуется предоставление сложной доказательственной базы, которая тяжелым бременем ложится на плечи кредиторов, что свидетельствует о формальном подходе российского суда, не отражающем разбирательств дел по существу.

Соответственно, решение продемонстрированной проблематики кроется в кардинально ином методе реформирования корпоративного законодательства, поиск которого и входит в цель настоящего исследования.

Кроме того, актуальность диссертационного исследования подтверждается общественным интересом к доктрине «снятия корпоративной вуали», который выражается через организацию и проведение конференций, круглых столов, употребление в судебной практике специальной терминологии, многочисленные обращения председателя ВАС Российской Федерации в отставке А. А. Иванова и т. п.

Гипотеза, цели и задачи исследования.

Предполагается, что предложенный в научно-исследовательской работе механизм рецепции конструктивных элементов доктрины «снятия корпоративной вуали» и ее аналогов позволит обеспечить защиту прав и законных интересов участников корпоративных отношений в Российской Федерации.

Основной целью настоящего исследования является разработка направлений по совершенствованию действующего порядка привлечения к ответственности основных хозяйственных обществ по обязательствам дочерних путем обращения к доктрине «снятия корпоративной вуали» и ее континентальным аналогам.

Достижение поставленной цели представляется возможным с помощью решения следующего ряда задач:

- ✓ определить роль и значение правовой доктрины среди всего многообразия доктрин;
- ✓ изучить историю происхождения и становления доктрины «снятия корпоративной вуали» и ее континентальных аналогов с позиции сравнительно-правового анализа;
- ✓ исследовать модели «снятия корпоративной вуали» в праве Великобритании, США, Германии, а также выявить условия и особенности привлечения к ответственности основной компании по обязательствам дочерней компании в названных странах;
- ✓ установить возможность адаптации российским корпоративным правом зарубежного опыта по применению доктрины «снятия корпоративной вуали» и ее континентальных аналогов;
- ✓ систематизировать зарубежный опыт применения доктрины «снятия корпоративной вуали» и ее континентальных аналогов по критерию оценки сильных и слабых сторон;
- ✓ изучить российское корпоративное законодательство и судебную практику на предмет наличия тенденций к пренебрежению корпоративной личностью;
- ✓ внести конструктивные предложения по реформированию действующего российского законодательства в области привлечения к ответственности основной компании по обязательствам дочерних компаний.

Объект и предмет исследования.

В настоящей диссертационной работе **объект** исследования составляют правовые отношения в области применения доктрины «снятия корпоративной вуали» и ее альтернативных конструкций в российском праве и праве зарубежных стран относительно случая привлечения к ответственности основного общества по обязательствам дочерних.

Предмет исследования составляют отечественное и зарубежное законодательство, регулирующее привлечение к ответственности основного общества по обязательствам дочерних, доктрина «снятия корпоративной вуали» и

ее аналоги, судебная практика, а также теория цивилистической науки.

Методологическая основа диссертационной работы состоит из общенаучных методов познания, в частности, диалектический метод, исторический метод, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции и другие.

Для достижения цели и решения задач настоящего исследования применены также частнонаучные методы познания. К ним относятся методы правовой статистики, правового прогнозирования, сравнительно-правовой метод, историко-правовой метод, нормативно-логический метод и другие.

Теоретическую основу исследования составляют работы отечественных и зарубежных правоведов.

К первой группе относятся такие ученые как: Т. Ф. Арабова, С. В. Бошно, С. Н. Братусь, С. Л. Будылин, Д. Д. Быканов, А. А. Васильев, А. Н. Верещагин, А. В. Габов, Ю. С. Гамбаров, Л. Л. Герваген, И. В. Григораш, О. В. Гутников, М. Ю. Емелин, А. Н. Захаров, И. С. Зеленкевич, А. А. Зозуля, Ю. Л. Иванец, Т. В. Кашанина, В. Г. Крылов, Д. В. Ломакин, С. Д. Могилевский, И. А. Покровский, И. А. Самойлов, Е. А. Суханов, Ю. В. Тай, В. Д. Федчук, И. М. Хужокова, Г. Ф. Шершеневич, И. С. Шиткина, и др.

Ко второй группе относятся такие ученые как: Х. Баллантай, С. Бейнбридж, Ж. А. Бержель, А. А. Берли, Ф. И. Бламберг, Р. Давид, Э. Дженкс, К. Жоффре-Спинози, П. Л. Коттрелл, Д. Крэндел, К. Крэндел, Р. Маккуин, Д. Х. Мэтисон, Д. Тодд, Р. Томпсон, И. М. Уомсер, У. Флетчер, Ф. Фридланд, В. Цельнер, А. Чандлер, Т. Ченг, и др.

Научная новизна.

Зарубежный опыт применения судами англо-американской доктрины «снятия корпоративной вуали» и ее континентальных аналогов является фундаментальной базой для проведения реформирования корпоративного права Российской Федерации с элементами рецепции правовых конструкций, регулирующих межкорпоративную зависимость основной (материнской) компании и ее дочерних компаний, через процесс разработки и внедрения специального блока норм, устанавливающих презумпцию ответственности

контролирующего лица, а также усовершенствования действующих конструкций, что позволит существенным образом сократить нарушенный дисбаланс интересов между участниками корпоративных отношений.

На защиту выносятся следующие положения и выводы:

1. Разработана концепция частичной рецепции доктрины «снятия корпоративной вуали» и немецкого правового механизма «проникающей ответственности» в российское корпоративное право. Она состоит из адаптации сильных сторон названной доктрины и ее континентального аналога с учетом национальных особенностей системы права Российской Федерации, реализация которой позволит обеспечить адекватную защиту прав и законных интересов участников корпоративных отношений, соответственно, и развитие корпоративного права в Российской Федерации.

2. Установлены тенденции пренебрежения корпоративной личностью как на уровне законодательства, так и на уровне судебной практики Российской Федерации, которые допускают проведение частичной рецепции доктрины «снятия корпоративной вуали» и ее континентального аналога в систему российского права при сочетании двух методов реформирования норм корпоративного законодательства Российской Федерации: радикального и фрагментарного.

Ниже в разъяснительных целях приведены дефиниции данных методов.

Под радикальным методом реформирования понимается процесс внедрения комплекса правовых норм, предполагающий коренные преобразования в той или иной области корпоративных правоотношений, в которой подобное регулирование ранее отсутствовало.

Под фрагментарным методом реформирования корпоративного права понимается процесс усовершенствования действующих правовых норм корпоративного законодательства Российской Федерации путем усечения, расширения, реабилитации, изменения, дополнения, преобразования, а также исключения таковых, который воплощает в себе функцию редактирования.

3. В рамках радикального метода реформирования корпоративного

законодательства Российской Федерации разработан механизм возложения ответственности при межкорпоративной зависимости, который заключается в привлечении контролирующего лица к солидарной ответственности, ограниченной периодом в пять лет с момента образования данных отношений, и в соблюдении обязанности по формированию компенсационных фондов подконтрольных лиц, основное предназначение которых состоит в полном или частичном удовлетворении обязательств подконтрольных лиц.

4. Обоснован вывод о необходимости внедрения в корпоративное законодательство Российской Федерации путем радикального реформирования комплекса правовых норм, регулирующих договоры между предприятиями о подчинении (об отчислении прибыли): разработаны дефиниция, порядок заключения, изменения, прекращения таких договоров.

В частности, под договорами подчинения (отчисления прибыли) следует понимать соглашения между юридическими лицами, предусматривающие обязательное условие о подчинении руководства общества (товарищества) другому обществу (товариществу), о перечислении, объединении полностью или частично прибыли общества (товарищества) другому обществу (товариществу), об обязанности вести дела общества (товарищества) за счет другого общества (товарищества), о сдаче в аренду общества (товарищества) другому обществу (товариществу) либо иным образом уступить общество (товарищество) другому обществу (товариществу).

5. В рамках фрагментарного реформирования корпоративного законодательства Российской Федерации реабилитированы определения контролирующего лица и его подконтрольных лиц в усовершенствованной форме, а также исключены из текста Гражданского кодекса Российской Федерации положения об аффилированности.

Усовершенствование названных определений предусматривает использование иной терминологии, а именно устанавливается не возможность определять действия другого лица, а способность оказывать прямое или косвенное влияние; а также закрепление конкретных признаков прямого и

косвенного влияния на основе обращения к доктрине «снятия корпоративной вуали» и ее немецкого аналога, что позволит суду рассматривать дела не только с формальной стороны, но с позиции проведения экономического анализа конкретных отношений.

6. Внесено предложение о применении льготного налогообложения в отношении подконтрольных лиц, под которым понимается освобождение от налогов, начисляемых за каждую нечетную сделку за квартал относительно обязанности по формированию компенсационных фондов на период действия данной обязанности. Если такая обязанность в силу тех или иных обстоятельств исполняется контролирующим лицом за подконтрольное, то предоставить ему аналогичное право.

7. Обоснован вывод о расширении прав кредиторов контролирующих и подконтрольных лиц в отношениях межкорпоративной зависимости.

В частности, целесообразно предоставить кредиторам право предъявления прямого иска к контролирующему лицу, а также по общему правилу возложить бремя доказывания на последнего субъекта, а в исключительных случаях — на первых. При этом предотвратить увеличение судебной нагрузки возможно путем адаптации американского опыта, а именно наделить судей полномочиями взыскания с недобросовестной стороны судебных расходов оппонента за подачу явно необоснованного иска.

В результате исследования разработаны следующие предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации:

1) исключить из текста Гражданского кодекса Российской Федерации статью 53.2., регулиующую аффилированность;

2) вместо положений об аффилированности в статью 53.2. Гражданского кодекса Российской Федерации поместить нормы об ответственности контролирующих лиц в рамках холдинговых отношений:

- Закрепить определение контролирующего лица и его подконтрольных лиц. Под контролирующим лицом понимается лицо, способное оказывать прямым путем либо косвенным влиянием на другое лицо. Подконтрольное лицо зеркально

отражает признаки контролирующего лица.

- Конкретизировать, что отношения контролирующего лица и его подконтрольных лиц составляют межкорпоративную зависимость; при этом лица, заключающие сделки с указанными лицами, относятся к категории отношений, связанных с данными.

- Перечислить признаки прямого и косвенного влияния.

Прямое влияние определяется путем заключения договоров между предприятиями, указывающих на зависимое положение лица либо в случае, если не менее чем 50 % общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли) подконтрольного лица принадлежат контролирующему лицу или находятся у него в доверительном управлении; момент образования межкорпоративной зависимости совпадает с датой заключения таких договоров либо определяется с даты регистрации уполномоченным органом 50 % голосующих акций (долей) за контролирующим лицом. Под косвенным влиянием понимается наличие следующей совокупности обстоятельств: систематическое финансирование компании контролирующим лицом, являющееся единственным источником ее деятельности; систематическая компенсация контролирующим лицом убытков компании; централизованное введение бухгалтерского учета в нескольких компаниях; пересечения в органах управления юридических лиц, в использовании помещений, располагающихся по одному и тому же адресу, в привлечении одних и тех же наемных работников; несоблюдении корпоративных формальностей в части соответствующего оформления решения и действия органов управления подконтрольного лица, а также устава и внутренних документов подконтрольного лица и иные обстоятельства; момент образования такой зависимости определяется судом после факта установления достаточной совокупности обстоятельств в порядке индивидуального производства.

- Возложить на контролирующее лицо солидарную ответственность по обязательствам подконтрольных лиц, обусловленную пятилетним периодом действия с момента образования межкорпоративной зависимости, а также предусмотреть ответственность в порядке регресса при нефункционировании

компенсационных фондов.

- Установить необходимость создания специальных компенсационных фондов подконтрольных лиц; при этом детальный порядок их функционирования поместить в специальное законодательство, например, в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью», Федеральный закон «Об акционерных обществах» и т.д.

- Зафиксировать возможность обеспечения исполнения обязательств кредиторов подконтрольных лиц за счет компенсационных фондов, которая представляет собой удержание до момента полного исполнения обязательств на специальном банковском счете контрагента по сделке определенной денежной суммы, перечисленной из компенсационного фонда подконтрольного лица.

- Применить специальный срок исковой давности, шесть месяцев с момента нарушения права, к отношениям, вытекающим из межкорпоративной зависимости и связанной с ней.

- По общему правилу возложить бремя доказывания на контролирующее лицо, в исключительных случаях на кредиторов.

- Установленную в статье 67.3. Гражданского кодекса Российской Федерации субсидиарную ответственность при банкротстве изложить с позиции контролирующего лица и его подконтрольных лиц. Содержание данной ответственности оставить в неизменном виде, поскольку она урегулирована в действующем законодательстве достаточно полно.

3) включить в Гражданский кодекс РФ статью 67.2 прим. или отдельную статью, регламентирующую договоры между предприятиями, указывающие на зависимое положение лица, под которыми понимаются соглашения, предусматривающие обязательное условие о подчинении руководства общества (товарищества) другому обществу (товариществу), о перечислении, объединении полностью или частично прибыли общества (товарищества) другому обществу (товариществу), об обязанности вести дела общества (товарищества) за счет другого общества (товарищества), о сдаче в аренду общества (товарищества) другому обществу (товариществу) либо иным образом уступить общество

(товарищество) другому обществу (товариществу). Сторонами данных договоров могут быть только юридические лица, заключение договоров с членами правления или с отдельными наемными работниками общества (товарищества) является ничтожной сделкой;

4) статью 67.3. Гражданского кодекса Российской Федерации удалить, а также по тексту всего Гражданского кодекса термины «основное» и «дочернее» общество заменить на «контролирующее» и «подконтрольное» лицо.

5) включить в специальное законодательство положения, отражающие общие нормы Гражданского кодекса в части контролирующих и подконтрольных лиц относительно организационно-правовой формы юридических лиц;

6) в Налоговый кодекс Российской Федерации поместить нормы, предоставляющие льготное налогообложение для следующей категории лиц:

- для подконтрольных лиц, исполняющих обязанность по формированию компенсационного фонда;

- для контролирующих лиц, обязанность по формированию компенсационного фонда по тем и иным причинам не исполнена подконтрольными лицами.

Научная и практическая значимость диссертационной работы состоит в том, что полученные в ходе проведения настоящего исследования результаты, выводы могут быть использованы в научной, преподавательской, законотворческой деятельности, а также учтены судом в процессе отправления правосудия.

Апробация результатов исследования.

Настоящая диссертационная работа выполнена на кафедре предпринимательского, трудового и корпоративного права юридического факультета им. М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации, где она прошла рецензирование, обсуждение и была одобрена.

По теме диссертационного исследования были подготовлены и

опубликованы статьи в периодических изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации, а также результаты проведения настоящей работы апробировались на научно-практических конференциях:

1. Батыршина К. А. Особенности формирования и становления доктрины «снятия корпоративной вуали» в англо-саксонской системе права: историко-правовой аспект // Гражданское право. – 2015. - № 1. – С. 43.

2. Батыршина К. А. Применение доктрины «снятие корпоративной вуали» в условиях российского права // Юрист. – 2015. - № 24. – С. 40.

3. Батыршина К. А. Теоретические аспекты «снятия корпоративной вуали»: познание правовой природы данного явления // Юрист. - 2016. - № 4. С. 41.

4. Батыршина К. А. Роль и значение правовой доктрины «снятия корпоративной вуали» в процессе систематизации законодательства Великобритании // Систематизация законодательства: общетеоретические и отраслевые аспекты: Материалы III Международной научно-практической конференции. – Кзн. : Изд. Академии наук Республики Татарстан ; КФ ФГБОУВО «РГУП» . : Казань , 2016. – С. 269.

5. Батыршина К. А. Соотношение института «аффилированности» и доктрины «снятия корпоративной вуали» в праве Российской Федерации // Вопросы современной юриспруденции: Материалы LIX Междунар. науч.-практ. конф. № 3 (54). - Нск. : Изд. АНС «СибАК» . : Новосибирск , 2016. – С. 21.

6. Батыршина К. А. Рациональность принятия изменений в положения пункта 2 статьи 67.3 ГК РФ // Вопросы современной юриспруденции: Материалы LXII Междунар. науч.-практ. конф. № 7 (58). - Нск. : Изд. АНС «СибАК» . : Новосибирск , 2016. – С. 22.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ДОКТРИНЫ «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ И ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

1.1. ПОНИМАНИЕ ДОКТРИНЫ КАК ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ

Термин латинского происхождения «доктрина» прочно вошел в повседневный обиход российского общества. Употребление данного термина можно встретить и в научной литературе, и в официозных, и в официальных документах, и даже в религиозных текстах. Причиной такой поливариантности является множественность точек зрения, разноплановость подходов к определению понятия доктрины.

Итак, под доктриной понимается «учение, научная концепция (обычно о философской, политической, идеологической теории)»⁶; «учение, научное, философское или политическое утверждение, положение»⁷; «учение»⁸; «совокупность постулатов, которые служат основой экономической теории»⁹; «совокупность официально принятых взглядов на какую-либо проблему и характер средств её решения»¹⁰; «систематизированное политическое, идеологическое или философское учение: концепция, совокупность принципов»¹¹; «философская, политическая, религиозная концепция, теория, учение, система воззрений, руководящий теоретический или политический

⁶Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=6875> (дата обращения: 15.10.2014).

⁷Ушаков Д. Н. Толковый словарь Ушакова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/792014> (дата обращения: 15.10.2014).

⁸Брокгауза Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/37778 (дата обращения: 15.10.2014).

⁹Словарь экономических терминов. URL: http://economics_ru.academic.ru/1311 (дата обращения: 15.10.2014).

¹⁰Ефремова Т. Ф. Толковый словарь Ефремовой. Т. Ф. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/159371> (дата обращения: 15.10.2014).

¹¹Савченко В. Н., Смагин В. П. Начала современного естествознания. Тезаурус. URL: <http://estestvoznanie.academic.ru/442/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0> (дата обращения: 15.10.2014).

принцип»¹²; «учение, научная или философская теория, система, руководящий теоретический или политический принцип»¹³; «систематизированное учение, целостная концепция, совокупность принципов, используемых в качестве основы программы действия»¹⁴, «взгляды, завоевавшие признание общества, ученых, государства»¹⁵ и т. п.

Вышеприведенные определения хорошо демонстрируют многоаспектность такого общенаучного понятия как доктрина, что позволяет выделить следующие виды доктрины:

а) религиозная; б) политическая; в) философская; г) правовая. Данные виды доктрин являются относительно самостоятельными явлениями, поскольку обладают специфическим набором черт. Например, для религиозной доктрины характерны следующие признаки:

- в процессе регулирования общественных отношений наблюдается тесное взаимодействие с социальными нормами;

- деятельность авторитетных богословов-правоведов касательно толкования священных писаний, иных религиозных текстов к постоянно меняющимся социально-экономическим и политическим реалиям;

- официальное признание через воплощение ее основных положений в источниках религиозного характера, нормативно-правовых актах, официальных документах и т. д.; представляет возможность быть источником права.

При этом выделенные разновидности доктрин допускают определенного рода пересечения. В частности, для стран религиозной правовой семьи одним из характерных источников права является религиозная доктрина, а для стран социалистической правовой семьи — политическая и т. п. Тем не менее, возможность такого рода пересечений не влияет на относительную

¹²Википедия. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/24929> (дата обращения: 15.10.2014).

¹³Санжаревский И. И. Политическая наука: Словарь-справочник. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/958> (дата обращения: 15.10.2014).

¹⁴Энциклопедия социологии. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/922/%D0%94%D0%9E%D0%9A%D0%A2%D0%A0%D0%98%D0%9D%D0%90> (дата обращения: 15.10.2014).

¹⁵Бошно С. В. Доктрина как форма и источник права // Журнал российского права. 2003. № 12. С. 71.

самостоятельность определенного вида доктрины, поскольку для каждого вида доктрины характерна своя специфика.

Учитывая многоаспектность такого общенаучного понятия как доктрина, в наши планы не входит пристальное изучение каждого аспекта, поскольку в рамках настоящей диссертационной работы рассматривается только один — правовой аспект.

Итак, обращаясь к названию некоторых юридических доктрин, например, доктрине «исторических вод», «чистой доски», «снятия корпоративной вуали», сложно понять какое отношение имеет к ним право. Несмотря на отсутствие в их названии четко сформулированной юридической терминологии, при детальном изучении содержания данных доктрин можно установить очевидную связь с правом. Доктрины «исторических вод» и «чистой доски» активно применяются в международном праве, а доктрина «снятия корпоративной вуали» - в корпоративном праве. В настоящем параграфе не будем углубляться в детальное изучение содержания вышеперечисленных доктрин, для начала определим, что входит в само понятие правовой доктрины.

В юридическом значении доктрину можно понимать как «идеи и высказывания авторитетных ученых-юристов, изложенных ими в научных трудах, которым придается общеобязательное значение и из которых выводятся правила поведения, имеющие представительно-обязывающий характер»¹⁶; «особую форму права, представляющую собой труды выдающихся ученых-юристов или общепризнанные правовые учения, на которые можно официально (с одобрения государства) ссылаться в процессе применения правовых норм»¹⁷, «систему идей о праве, признаваемых в качестве обязательных официально государством или юридической практикой в силу их авторитета и общепринятости, выражающих определенные социальные интересы и определяющих содержание и

¹⁶Рассолов М. М. Теория государства и права: учебник для вузов / М. М. Рассолов. — М. : Издательство Юрайт, 2010. С. 356–357.

¹⁷Малько А. В. Большой юридический словарь. URL: http://big_law.academic.ru/1036/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0 (дата обращения: 15.10.2014).

функционирование правовой системы и непосредственно воздействующих на волю и сознание субъекта права»¹⁸, «первичный, ведущий источник права, которому должны соответствовать другие источники права, в том числе конституция и законы»¹⁹, «относительно самостоятельный, сложный (многоаспектный) элемент правовой системы государства, который представляет собой научно обоснованные, авторитетные воззрения и теории по поводу остальных элементов правовой системы и юридической деятельности, имеющие научно-прикладной характер и непосредственно регулятивные возможности²⁰, и т. п. Между прочим, о сложном характере правовой доктрины писал еще в начале прошлого столетия отечественный правовед Ю. С. Гамбаров: *«Представляет ли собою такое право... самостоятельный источник права или оно входит составной частью в обычное и законодательное право - этот вопрос чрезвычайно спорен и исполнен до сих пор неясностей»*²¹.

Принимая во внимание общую направленность данных определений, внесем некую ясность: правовую доктрину можно понимать в двух значениях. Во-первых, правовая доктрина представляет собой мнения авторитетных ученых-юристов по какому-либо вопросу, правовой проблеме, которые могут выступать в качестве источника права и быть положены в основу судебного решения. Во-вторых, под правовой доктриной подразумеваются общие концепции, разрабатываемые учеными или судами в процессе правоприменения. Понятно, что предложенное смысловое деление не имеет абсолютного характера, поскольку «в юридической науке, широко оперирующей термином «доктрина», на сегодняшний день не сложилось не только единого понимания ее сущности, выполняемых функций, места в системе источников (форм) права, но и консенсуса по вопросу об общем векторе выработки такого понимания, несмотря

¹⁸Васильев А. А. Правовая доктрина как источник права : историко-теоретические вопросы : дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007. С. 37.

¹⁹Бошно С. В. Указ. соч. С. 77.

²⁰Мадаев О. Е. Доктрина в правовой системе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2012. С. 11.

²¹Курс гражданского права: Часть общая. Т. 1 / Гамбаров Ю.С. - С.-Пб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. С. 334.

на настойчивые призывы сформировать парадигму юридической доктрины XXI века»²². Тем не менее, данное смысловое деление вносит некую стройность при изложении материала, поэтому многие правоведы в процессе исследования правовых доктрин руководствуются предложенным делением, например, А. А. Васильев²³.

Помимо разнопланового характера перечисленных выше дефиниций юридической доктрины необходимо учитывать факт того, что доктринально-правовое поле представляет собой многообразие доктрин, которые можно объединять, систематизировать по тому или иному основанию в определенные группы, виды, подвиды, т. е. классифицировать. Классификация является одним из методов научного познания, который помогает установить наиболее важные, общие качества и свойства объектов и предметов исследования. Необходимо пояснить, что в рамках настоящей работы не представляется возможным привести все классифицирующие основания, поскольку многочисленное количество доктринальных разработок не позволяют вести какой-либо специализированный учет правовых доктрин. Несмотря на это, исследователи предпринимают попытки и вполне успешно классифицируют правовые доктрины по следующим основаниям:²⁴

- *по происхождению* (правовые доктрины, воспринятые национальной правовой системой из системы международного права и международно-правовой науки, правовые доктрины, заимствованные и развитые в связи с вхождением в романо-германскую правовую семью, правовые доктрины, унаследованные из советского периода развития отечественной юриспруденции, правовые доктрины досоветского периода, возрожденные после 1991 г., правовые доктрины, сформированные в рамках отечественной юриспруденции в современный период (после 1993 г.) и т.п.);

²²Зозуля А. А. Доктрина в современном праве : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 3.

²³Васильев А. А. Указ. соч. С. 3-58.

²⁴Мадаев О. Е. Указ. соч. С. 64-100 ; Васильев А. А. Указ. соч. С. 15 ; Любитенко Д. Ю. К вопросу о классификации правовых доктрин / Д. Ю. Любитенко // Вестник Пермского университета. 2010. № 4. С. 22-26.

- по степени их научной абстрактности и широте охвата явлений правовой действительности (общезначимые теоретико-правовые доктрины, концептуальные конституционно-правовые доктрины, отраслевые правовые доктрины и т. п.);

- по характеру участия в юридической практике (доктрины–источники права в материальном смысле, доктрины–формы права и т.п.);

- по форме внешней фиксации и механизма реализации регулятивных возможностей (доктрины, реализуемые путем закрепления их положений в законодательстве в форме декларативных норм, дефинитивных норм и норм-принципов, документов политико-правового характера типа «доктрина», «концепция», доктрины, реализуемые через акты официального толкования права в текущей правоприменительной практике при разрешении юридических коллизий, восполнении пробелов в законодательстве, использовании предоставленного законодателем права судейского и иного правоприменительного усмотрения и т.п.);

- по степени влияния внешних факторов (правовые доктрины, подвергшиеся воздействию религиозной доктрины, правовые доктрины, подчиненные господствующей государственной идеологии, правовые доктрины духовно-нравственного толка, собственно правовые доктрины, равноудаленные от иных типов доктрины и т.п.);

- по типу правопонимания (доктрины, основанные на юридическом позитивизме, на концепциях социологической юриспруденции, на теории естественного права и т. п.);

- по способу фиксации (на объективированные и необъективированные доктрины);

- по сфере действия (на доктрины международного права и доктрины национального права, сфера влияния);

- по отношению к их авторской принадлежности (на персонифицированные и неперсонифицированные);

- по характеру содержания (на доктрины, в которых в формально-юридическом смысле воспроизводится и (или) обобщается содержание источников права и доктрины, которые непосредственно оказывают регулятивное воздействие на общественные отношения и не являются источниками познания других форм права);

- по степени влияния (влиятельные и маловлиятельные);

- по продолжительности влияния (долгосрочные и краткосрочные);

- по форме выражения (писанные и неписанные);

- по юридическому значению (обязательные и рекомендательные);

Представленное многообразие свидетельствует не только о сложном характере данного явления, но и о некой аморфности. Так, правовая доктрина находится в тесной связи со многими юридическими категориями, признаками, понятиями. Иногда бывает непросто разграничить понятие правовой доктрины и юридической науки. Зачастую многие авторы рассматривают данные понятия с позиции синонимов. К примеру, М. И. Абдулаев понимает под правовой доктриной (юридическую науку) – изложение правовых принципов, правил поведения в трактатах, трудах авторитетных представителей юридической науки и практики, которым придается общеобязательное значение²⁵.

Тем не менее, «анализ свойств и признаков науки и доктрины позволяет утверждать, что это все же разноплановые явления»²⁶. В свою очередь, Б. В. Николаев, М. Ю. Емелин, анализируя в контексте своей работы соотношения науки и правовой доктрины, поясняют, что значимым критерием выделения правовой доктрины из системы правовой науки является авторитетность концепции, претендующей на звание доктрины, которая устанавливается на уровне государственных органов²⁷. Помимо авторитетности в ходе анализа

²⁵Абдулаев М. И. Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений. – М. : Финансовый контроль, 2004. С. 227.

²⁶Зеленкевич И. С. Правовая доктрина и правовая наука: некоторые вопросы соотношения и использования в качестве источников права. URL: http://idea.svgu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=82:2011-03-17-22-55-17&catid=36:2011-03-16-22-58-12&Itemid=54 (дата обращения: 10.01.2015).

²⁷Николаев Б. В., Емелин М. Ю. Понятие правовой доктрины в правовой системе США / Б. В. Николаев, М. Ю. Емелин // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. С. 143.

соотношения правовой доктрины с такими смежными категориями и понятиями как принцип, комментарий, идеология, концепция, идея, теория, ценности. Е. О. Мадаев выделил и другие отличительные признаки правовой доктрины, которые можно разделить на две группы: а) основные, сущностные; и б) дополнительные, факультативные. К сущностным признакам доктрины относятся научная обоснованность, авторитетность, научно-прикладной и практический характер, наличие регулятивных возможностей. К дополнительным (факультативным) признакам доктрины относятся формальная определенность, прогностичность, масштабность, декларативность, самодостаточность»²⁸. А. А. Васильев в своей работе также приводит признаки правовой доктрины, среди которых достоверность, обоснованность, общепринятость, гибкость, доступность для субъектов права и правоприменителей, авторитетность, добровольность действия, индивидуальность, прогностические и регулятивные качества²⁹.

Кроме того, небезынтересно отметить, что применение доктрины в разных правовых системах мира осуществляется с учетом определенных особенностей. Ввиду сравнительно-правовой перспективы настоящей исследовательской работы, считаем необходимым в лаконичной форме изложить данные особенности на примере двух правовых систем: континентальной и англо-американской.

В романо-германских странах правовая доктрина оказала и продолжает оказывать существенное влияние на формирование законодательства. Начиная еще с закона Императора Валентиниана III «О цитировании юристов» (426 год), отдельные положения, высказывания римских юристов (*jus respondendi*) приравнивались к тексту закона. Такой статус получили, в частности, сочинения Папиниана, Павла, Ульпиана, Гая, Модестина и др.³⁰. «В течение длительного времени доктрина была основным источником права в романо-германской правовой семье; именно в университетах были главным образом выработаны в

²⁸Мадаев О. Е. Указ. соч. С. 54.

²⁹Васильев А. А. Указ. соч. 9.

³⁰Поляков. А. В. Общая теория права: Учебник / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. – СПб. : Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. С. 298.

период XIII-XIX веков основные принципы права. И лишь относительно недавно с победой идеи демократии и кодификации первенство доктрины было заменено первенством закона»³¹. В современной системе континентального права нормативные акты, как правило, отражают в себе положения той или иной доктрины, поскольку на стадии законотворческого процесса невозможно избежать влияния тех или иных доктринальных разработок. Например, прямое законодательное закрепление получили положения общепризнанной доктрины правового государства. Так, нормы статей 20 и 28 Основного закона ФРГ 1949 года поясняют, что «Федеративная Республика Германия является демократическим и социальным федеративным государством», а также «конституционное устройство земель должно соответствовать основным принципам республиканского демократического и социально-правового государства в духе настоящего Основного закона». В Конституции Испании 1978 года, в пункте 1 статьи 1 закреплено, что Испания – это «социальное, правовое и демократическое государство, высшими ценностями которого являются свобода, справедливость, равенство и политический плюрализм». В Конституции Российской Федерации 1993 года³² также приведены положения доктрины правового государства: статей 3, 4, 7, 8, 9, 10, 13, 12 и т. д. При этом необходимо заметить, что идеи связанности государства правом, господства права и т. п. разрабатывались еще Д. Локком и его современниками.

Иной пример отражения доктринальных разработок приводит французский правовед Ж. Л. Бертель. Он поясняет, что современная реформа в сфере семейного права и в вопросах поражения в правах во многом обязана Карбонье³³.

Ко всему прочему, необходимо понимать, что далеко не все доктринальные разработки находят свою нормативно-правовую регламентацию. Так, разработанная Э. Б. Мельниковой и другими учеными модель ювенальной юстиции не получила своего нормативно-правового отражения в системе

³¹Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози ; пер. с фр. В. А. Туманова. М. : Международные отношения, 1999. С. 105.

³²Конституция Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.08.2016).

³³Бертель Ж. А. Общая теория права / Ж. Л. Бертель. М. : Note Bene, 2000. С. 133.

российского права³⁴, хотя и был подготовлен соответствующий законопроект. Однако по определенным причинам принятие проекта закона о ювенальной юстиции в Российской Федерации не состоялось. Следовательно, отсутствие соответствующей нормативно-правовой регламентации не позволяет концепцию модели ювенальной юстиции назвать доктриной, поскольку на государственно-властном уровне не был признан авторитет данной концепции.

Теперь перейдем к рассмотрению значения и роли правой доктрины в системе англо-американского права. Влияние правовой доктрины на систему права в англо-саксонских странах является не менее существенным, чем в системе континентального права. Однако в отличие от континентального права доктринальное воздействие в англо-американском праве проявляется в основном на стадии правоприменения: учитывая прецедентный характер, авторитет за доктринальными разработками признается судом в процессе принятия судебных решений. На эту тему А. А. Васильев приводит следующее замечание: «В силу необходимости в возникновении юриспруденции, которая бы систематизировала английский судебный процесс, труды английских ученых стали признаваться источниками права – трактатами, которые в силу их авторитета и значения приобрели обязательность для судей и сторон, участвовавших в рассмотрении спора... Произведения английских юристов, признанных источниками права, получили название авторитетных книг – work (books) of authority»³⁵. А точнее говоря, помимо первичных источников права (судебные прецеденты, статутное право, обычаи, право справедливости) в процессе правоприменения англо-американский суд активно прибегает к таким источникам как правовым словарям (Legal Dictionaries), правовым энциклопедиям (Legal Encyclopedias), аннотированным отчетам по праву (Annotated Law Reports), правовой периодике (Legal Periodicals), правовым трактатам, книгам и учебникам, сводам прецедентов, правовым каталогам (Legal Directories) и т. п., которые и составляют основу правовой доктрины англо-саксонской системы права. К примеру, в деле *Marbury*

³⁴Мельникова Э. Б. Проект концепции российской модели ювенальной юстиции // Правозащитник. 1996. № 1. С. 42.

³⁵Васильев А. А. Указ. соч. С. 38–39.

v. Madison³⁶ приводится заимствованная из письма Т. Джефферсона, (Jefferson's Letter to the Danbury Baptists. Jan. 1. 1802) фраза, призывающая к свободе вероисповедания и невмешательству государства в дела церкви, которая в дальнейшем и стала основой для доктрины отделения церкви и государства. Естественно, данная доктрина не ограничивается разработками Т. Джефферсона и делом Marbury v. Madison. Скорее всего, дело Marbury v. Madison является «отправной точкой» в процессе доктринального становления, а дальнейшая детализация и развитие доктрины отделения церкви и государства наблюдается не только в научных трудах, но и во многих судебных делах³⁷.

Так, в ходе судебных разбирательств решается судьба той или иной концепции, а именно определяется ее возможность получения статуса доктрины. В частности, даже некоторые исследователи права, перечисляя доктрины «государственных действий», «явной и наличной опасности», «вредной направленности» и т. п., полагают, что применительно к англо-американской системе права доктрине больше подходит название не «правовой», а «судебной», поскольку формирование данного явления именно связано с деятельностью судов³⁸. С нашей точки зрения, считаем, что в соответствующем контексте данное суждение конечно же имеет здравый смысл. Тем не менее, понятия «правовой доктрины» и «судебной доктрины» находятся на разных уровнях: в сравнении со вторым первое более широкое, поэтому данные понятия не составляют синонимический ряд. При этом такая черта как формирование доктрины в непосредственной связи с деятельностью судов является особым проявлением правовой доктрины в системе англо-саксонского права.

На самом деле продемонстрированный подход установления особенностей проявления правовой доктрины в континентальной и англо-саксонской системе права является несколько условным, поскольку необходимо понимать, что «доктрина знаменует собой категорию, которую невозможно или нецелесообразно исчерпывающим образом отразить законодательным путем, в

36Marbury v. Madison, 5 U.S. 137 (1803).

37Everson v. Board of Education, 330 U.S. 1 (1947) ; Sherbert v. Verner, 374 U.S. 398 (1963).

38Николаев Б. В., Емелин М. Ю. Указ. соч. С. 145.

любом случае основное влияние на ее формирование оказывают судебная практика и юридическая наука»³⁹. Например, в Великобритании доктрина добрых нравов и публичного порядка сформировалась в процессе правоприменения, однако впоследствии она получила соответствующую нормативно-правовую регламентацию⁴⁰. Во Франции доктрина добрых нравов и публичного порядка сначала получила законодательное закрепление⁴¹, а затем судебное: содержание приведенной доктрины дополняется и корректируется непосредственно судом⁴². Следовательно, несмотря на серьезное различие между континентальной и англосаксонскими правовыми системами, для систем обоих типов характерно восприятие правовой доктрины с позиции значимого явления правовой действительности.

Таким образом, обобщая информацию по настоящему параграфу, можно утверждать, что доктрина как правовая категория со свойственной ей сложным и аморфным характером представляет собой одну из фундаментальных единиц права, существующей в виде научных разработок, идей, концепций, признанных в силу определенного авторитета в той или иной мере государством, обществом, судебной практикой, и действующей с учетом особенностей правовых систем мира. Соответственно, исследование конкретной правовой доктрины большой теоретический и практический интерес. В настоящей работе уделяется пристальное внимание англо-американской доктрине «снятия корпоративной вуали», под которой понимается устанавливаемая в судебном порядке совокупность обстоятельств, которая позволяет в исключительных случаях пренебречь принципом ограниченной ответственности корпоративной личности и привлечь к ответственности контролирующих лиц, заинтересованных в получении необоснованной выгоды.

³⁹Хужокова И. М. Доктрина добрых нравов и публичного порядка в договорном праве: сравнительное исследование / И. М. Хужокова. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. С. 13.

⁴⁰Наприм., Gaming Act 1845. P. 109.

⁴¹Code civil. Version consolidee au 26 fevrier 2010.

⁴²Наприм., Cass. soc. 8 janv. 1964: D. 1964. 267, Paris, 21 janv. 1972: Gaz. Pal. 1972. 1. 375; Cass. req. 5 fev. 1902: DP 1902. 1. 158 ; Cass. Req. 5 mars 1911 ; DP 1911. 1. 382.

1.2. ГЕНЕЗИС ДОКТРИНЫ «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ ПРАВЕ

Первое употребление термина «piercing the corporate veil» («прокол корпоративной вуали») относится к 1912 году. В издании американского журнала «Columbia Law Review» появилась статья И. М. Уормсера⁴³ под названием «Piercing the Veil of Corporate Identity» («Прокол корпоративной вуали корпоративной личности»), в которой речь шла о тенденции пренебрежения принципом ограниченной ответственности корпорации, а также о возможной перспективе ее развития. Несколько позже термин «piercing the corporate veil» был применен и в Великобритании, но в иной интерпретации «lifting the corporate veil» («подъем корпоративной вуали»). Несмотря на то, что первое употребление данного термина состоялось в США, считаем, что изложение материала настоящей главы исследования логичнее всего начать с истории зарождения и становления доктрины «снятия корпоративной вуали» в праве Великобритании, поскольку именно в стране-родоначальнице Общего права был утвержден принцип ограниченной ответственности, имеющий непосредственное отношение к «проникновению за корпоративный занавес».

История зарождения и становления доктрины «снятия корпоративной вуали» («piercing/lifting the corporate veil») или иными словами доктрины «прокалывания корпоративной занавесы», «приоткрытия корпоративной занавесы», «проникновения под корпоративный покров», «срывания корпоративной маски» в праве Великобритании следует рассматривать совместно с историей становления и развития концепции современного корпоративного лица («the corporate entity theory»), поскольку данная концепция исходит из принципа ограниченной ответственности компании, члены которой «спрятаны под занавесом корпоративной личности», оберегающим их от личной ответственности по соответствующим обязательствам.

⁴³Wormser I. M. «Piercing the Veil of Corporate Identity». 12 Columbia L. Rev., 1912. P.

Концепция корпорации как самостоятельного юридического лица с ограниченной ответственностью по мнению Ф. Бламберга вошла в английскую правовую систему задолго до американской революции⁴⁴. Сегодня она является одним из основных принципов корпоративного права Великобритании и «представляет собой, как указывал лорд Селборн (Lord Selborne), одну из простых абстракций права (a mere abstraction of law)»⁴⁵.

Итак, история современной английской корпорации началась с «квазиправительственных внешнеторговых компаний», активно применяемых для осуществления исследований, колониальных захватов и торговли в Новом Мире в XVI - XVII веках⁴⁶. Флетчер поясняет, что, скорее всего, такие «торговые компании представляли собой не организационное единство, а публичные агентства, в обязанности которых входило регулирование внешнеторговой деятельности»⁴⁷. На смену «квазиправительственным внешнеторговым компаниям» в XVII веке пришли неинкорпорированные акционерные компании (joint stock companies), для создания которых уже не требовалось королевского декрета. Причем они осуществляли эмиссию оборотоспособных акций. В 1834 году парламент, уполномочив корону, даровать «письменный патент», фактически осуществил легализацию акционерных компаний, а в 1844 году он принял Акт об акционерных компаниях, в соответствии с которым был учрежден пост регистратора акционерных компаний, основная обязанность которого состояла в проведении поэтапного процесса регистрации компании: корпоративный статут присваивался компании только по результату второго этапа. Помимо этого Акт 1844 года обязал товарищества, имеющие более двадцати пяти участников и допускающие куплю-продажу паев собственности, пройти процедуру регистрации. В итоге к основным преимуществам английской акционерной компании того периода времени можно отнести легкость передачи

⁴⁴Blumberg P. I. The Corporate Entity In An Era Of Multinational Corporations. 15 DEL. J. CORP. L. 283, 1990. P. 299.

⁴⁵Palmer F. B., Morse J. Palmer's company law. 25 Sweet & Maxwell, 1992. P. 2205.

⁴⁶Ballantine. H. W. Ballantine on corporations. Chicago: Callaghan and Company, 1946. P. 31.

⁴⁷Fletcher. W. Cyclopedia of the law of private corporations. Rev. perm. ed. 1983 & Supp., 1988. P. 3.

прав собственности, устойчивость управления, не зависящего от персонального состава группы, управление через доверенных лиц, а не через самих собственников. Однако главный ее недостаток заключался в том, что члены (участники) такой компании продолжали нести неограниченную ответственность по ее долгам. Так, согласно П. Л. Коттреллу *«серьезным препятствием для инвесторов - отсутствие ограниченной ответственности, которое «ограничивало» акционерные банки...»*⁴⁸. Ко всему прочему, проведенные в первой половине 1850-ых годов парламентские расследования выявили только одно основание свободного создания корпораций с ограниченной ответственностью *«для того, чтобы иметь привилегию ограниченной ответственности ...небольшое, но все растущее число компаний основываются за рубежом»*⁴⁹.

По мнению Ф. Бламберга решить проблему неограниченной ответственности помогла железнодорожная промышленность. *«Железные дороги проложили дорогу к ограниченной ответственности. Стремление железных дорог к получению серьезных инвестиций, ведущее к созданию активного рынка ценных бумаг в Англии, а также их «открытость» деликтной ответственности привели к широкому распространению принципа ограниченной ответственности»*⁵⁰. Так, учитывая стремления железнодорожной промышленности, Парламент Соединенного Королевства Великобритании принимает Акт об ограниченной ответственности (the Limited Liability Act of 1855), основное значение которого — введение ограниченной ответственности на уровне статутного права. По мнению Пальмерстона, принятие Акта 1855 года вызвано *«противостоянием свободной торговли и монополии»*⁵¹. Положения Акта 1855 года допускали возможность применения ограниченной ответственности к компаниям, число участников (акционеров) которых было более 25. В название компании в обязательном порядке включалось слово «ограниченный» («limited»),

⁴⁸Cottrell P. L. Industrial Finance, 1830-1914. New York : Methuen, 1980. P. 47-50.

⁴⁹Cottrell P. L. Op. cit. P. 44.

⁵⁰Blumberg P. I. The law of corporate groups. 3d ed., 1997. P. 584.

⁵¹Saville J. Sleeping Partnerships and Limited Liability, 1850-1856. The Economic History Rev., 1956. P. 430.

в тоже время зарегистрированным по Акту 1844 года компаниям разрешалось пользоваться преимуществами ограниченной ответственности при получении от Совета торговли сертификата платежеспособности и при соблюдении обязательных требований, установленных Актом 1855 года.

Вслед за Актом 1855 года Парламент Великобритании принимает Акт об акционерных компаниях 1856 года (the Joint Stock Companies Act of 1856), пересматривающий установленную Актом 1844 года систему регистрации компаний. Положения Акта 1856 года ввели достаточно простую административную процедуру без каких-либо требований к минимальному размеру уставного капитала и к раскрытию информации, допускавшей регистрацию компаний с ограниченной ответственностью группе лиц в количестве не менее семи учредителей.

Введенные вышеупомянутыми Актами преобразования стимулировали индивидуальных предпринимателей и партнерства использовать для ведения бизнеса более удобную форму — акционерные компании. Кроме того, Фрэнсис Палмер утверждал, что любой *«бизнес смог бы получить преимущества от организационно-правовой формы компании, в то время как основным и самым важным преимуществом была ограниченная ответственность»*⁵². Это преимущество способствовало развитию общества и избавлению *«от тирании неограниченной ответственности»*⁵³. В действительности бизнес сообществом ограниченная ответственность рассматривалась как преимущество, которое существенным образом оказало влияние на темпы роста акционерных компаний. Согласно статистическим данным за период 1856 - 1914 годов число акционерных компаний в Соединенном Королевстве Великобритании выросло: 1856 – 700, 1865 – 3,000, 1883 – 7,800, 1907 – 39,600, и 1914 – 58,900⁵⁴. Такое резкое увеличение акционерных компаний с ограниченной ответственностью в социально-

⁵²Palmer F. B. Op. cit. P. 3.

⁵³Palmer F. B. Private Companies, Their Formation and Advantages, Or, How to Convert Your Business Into a Private Company, and the Benefit of So Doing: With Notes on Single Ship Companies. URL : <https://www.goodreads.com/book/show/31649614> (дата обращения: 09.06.2015).

⁵⁴Todd J., Some Aspects of Joint Stock Companies, 1844-1900. The Economic History Rev., Vol. a4, No. 1, 1932. P. 62.

экономическом развитии Великобритании того периода наметило две тенденции. **Во-первых**, широкое распространение публичных компаний привело к увеличению капитала, предназначенного для реализации научных и технологических достижений. **Во-вторых**, планируемый экспоненциальный рост частных компаний в условиях нестабильной экономической ситуации в период Великой депрессии (Great Depression) последней четверти XIX века произошел в несколько ином ракурсе. Несмотря на явное намерение законодателя по применению положений корпоративного законодательства 1844 — 1862 годов к акционерным компаниям с большим количеством участников (акционеров), на практике организационно-правовую форму компании, в том числе и ограниченную ответственность, стали применять и в отношении индивидуальных предпринимателей, партнерств, семейных предприятий⁵⁵.

Однако в условиях английской системы права проведенных на статутном уровне преобразований было недостаточно для полноценного утверждения концепции корпорации как самостоятельного юридического лица с ограниченной ответственностью. Ее полноценному утверждению по причине признания в Великобритании в качестве основного источника права судебного прецедента способствовало принятие судом именованного решения с прецедентным характером. Так, в 1897 году Палата Лордов вынесла общеизвестное решение по делу *Salomon v. A. Salomon & Co Ltd*⁵⁶. Исходя из фабулы названного дела, Соломон, изготовитель обуви и продавец кожаных изделий, создал совместно с его женой и пятью детьми компанию, спустя некоторое время компания подверглась процедуре ликвидации в связи с финансовыми трудностями. При этом возник вопрос об удовлетворении требований кредиторов за счет собственных средств господина Соломона. Тщательно изучив обстоятельства вышеназванного дела, Палата Лордов посчитала отказать в возложении на мажоритарного акционера, господина Соломона, ответственности по долгам компании по причине того, что обанкротившаяся компания в силу закона является лицом, отличным от ее

⁵⁵McQueen R. A Social History of Company Law: Great Britain and the Australian Colonies 1854–1920. URL : <https://www.academia.edu/8816146> (дата обращения: 09.06.2015).

⁵⁶*Salomon v. A. Salomon & Co Ltd.*, A. C. 22 (H. L.) at 22 (Eng.) (1897).

акционеров, имеющих свои права и обязанности. Выявляя значение дела *Salomon v. A. Salomon & Co Ltd.*, правоведы пришли к достаточно противоречивым выводам. Отто Кан-Фройнд охарактеризовал вышеприведенное решение «бедственным» по причине того, что кредиторы остались в незащищенном положении, не получив от ограниченной ответственности никакой привилегии⁵⁷. При появлении массовых нарушений прав кредиторов настоящее критическое замечание звучало весьма убедительным. Симон Вилле предположил, что принятое решение по делу *Salomon v. A. Salomon & Co Ltd.* сыграло значительную роль в сохранении небольшого и среднего бизнеса, что препятствовало развитию масштабного управленческого капитализма⁵⁸. Роб Маккуин утверждал, что большинство вопросов, рассмотренных по делу *Salomon v. A. Salomon & Co Ltd.*, были предметом горячих дискуссий на протяжении многих лет, однако основное значение настоящего решения заключалось в том, что английское право утвердило компанию одного лица и начало воспринимать компанию отдельно от ее акционеров⁵⁹. Комитет Дженкинса, резюмируя данные отчета по осуществлению реформы права компаний, заключил, что принятое решение по делу *Salomon v. A. Salomon & Co Ltd.* активизировало процесс по учреждению компаний одного лица⁶⁰.

Несмотря на такую неоднозначную реакцию, принятие решения по делу *Salomon v. A. Salomon & Co Ltd.* и проведение корпоративной реформы 1844-1856 годов позволили ввести в гражданский оборот **принцип ограниченной ответственности**, на основании которого **концепция самостоятельности юридического лица** приобрела заверченный вид. Под самостоятельностью юридического лица можно понимать способность *«компания представлять собой совокупность индивидуумов, которую следует трактовать как единое лицо, совершенно отличное от тех индивидуумов, которые являются ее*

⁵⁷Kahn-Freund O. Some Reflections on Company Law Reform. 7 Modern Law Rev., 1944. P. 54.

⁵⁸Simon Ville, Judging Salomon: Corporate Personality and the Growth of British Capitalism in a Comparative Perspective (1999) 27 Federal Law Review 203 at 212-215.

⁵⁹McQueen R. Life without Salomon. 27 Fed Law Rev., 1999. P. 181-183.

⁶⁰Cmnd. 1749 (1962) para. 147.

членами»⁶¹. Из чего следует, что независимость юридического лица проявляется именно в возможности самостоятельно отвечать по обязательствам компании обособленным от учредителей (участников) имуществом, а также, обладая собственной волей, действовать в своем интересе⁶². Наличие такой возможности гарантирует созданную в рамках ограниченной ответственности надежную степень защищенности бизнеса: учредители (участники) компании не отвечают отдельно от юридической личности перед ее кредиторами, то есть они не несут личной ответственности по ее долгам; что, в свою очередь, положительно влияет и на рост объемов инвестиций, и на повышение уровня конкуренции и т. д.

Кроме того, В. Д. Федчук отмечает, что *«признание независимости юридической личности компании послужило катализатором разработки в английской доктрине и судебной практике различного рода принципов построения взаимоотношений между учредителями компаний и самими компаниями»*⁶³. Среди данных принципов автор выделяет **принцип принадлежности имущества компании**, в соответствии с которым имущество компании принадлежит ей, а не ее акционерам; **принцип обладания компанией бессрочным правопреемством**, в силу которого «смерть кого-либо из членов компании или продажа каким-либо членом компании своих акций не влияет по общему правилу на факт существования самой компании»; **принцип обращения компании за судебной защитой**, в соответствии с которым «именно компания, а не ее члены, уполномочена на предъявление исков в случае нарушения ее прав»; **принцип принятия решений в компании**, отражающий порядок принятия решений компании в строгом соответствии с ее учредительными документами⁶⁴.

⁶¹Дженкс Э. Английское право. Источники права. Судоустройство. Судопроизводство. Уголовное право. Гражданское право : Перевод с английского / Дженкс Э. ; Предисл. : Исаев М. И., Лунц Л. А. (Пер.) - М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. С. 127.

⁶²Следует отметить, что сформированная в Великобритании концепция самостоятельности юридического лица подтверждает теорию реального существования юридического лица, к представителям которой относят О. Гирке, Д. И. Мейер, Д. М. Генкин, В. А. Рахмилович, О. А. Красавчиков и др.

⁶³Федчук В. Д. De facto зависимость de jure независимых юридических лиц: проникновение за корпоративный занавес в праве ведущих зарубежных стран / В. Д. Федчук. - М. : Волтерс Клувер, 2010. С. 194.

⁶⁴Федчук В. Д. Указ. соч. С. 194-196.

При всей важности данных принципов в правопорядке Англии они носят определенно **факультативный характер**, поскольку обязаны своему появлению только концепции корпорации как самостоятельного лица с ограниченной ответственностью. По этому поводу вполне уместно высказывание Ф. Бламберга: *«Концепция независимости корпорации в течение длительного времени является одним из базовых принципов корпоративного права Великобритании»*⁶⁵.

Помимо перечисленных принципов концепция корпорации как самостоятельного юридического лица с ограниченной ответственностью «породила» доктрину **«снятия корпоративной вуали»**. Происхождение и формирование данной доктрины в праве Великобритании следует отнести к концу XIX века началу XX века, в период, когда распространение организационно-правовой формы частной компании с неограниченной ответственностью стало результатом умелого применения бизнес-средой законодательных актов (Акт об ограниченной ответственности 1855 года, Акт об акционерных компаниях 1856 года). Например, положения Акта об акционерных компаниях 1856 года в части отсутствия каких-либо требований к минимальному размеру уставного капитала и раскрытию информации позволяли зарегистрированным компаниям фактически действовать в качестве партнерств с ограниченной ответственностью. Ко всему прочему, с первых дней после принятия решения по делу *Salomon v. A. Salomon & Co Ltd.* учредители (акционеры) компаний, используя преимущества ограниченной ответственности, а именно возможность уклонения от личной ответственности, стали активно злоупотреблять организационно-правовой формой частной компании. В результате чего потенциальные кредиторы оказались в абсолютно незащищенном положении. Изучая прессу того периода времени, в частности, публикацию Лондон-Таймс, можно понять паническое настроение потенциальных кредиторов:

«Ничто не может быть так несправедливо как нескольким лицам, приумножающим свое состояние, предложить вложить часть собственных средств, направленных на создание компании, затем поиграть с этими

⁶⁵Blumberg P. I. Op. cit. P. 299.

средствами – для придания авторитета собственному имени и оформить кредит на имя компании, далее, если средств, включенных в резервный фонд компании, будет недостаточно для удовлетворения всех требований кредиторов, то участники останутся в безопасном положении, не подвергаемому риску, и, тем самым, оставят приманку на съедение бедной обманутой рыбе»⁶⁶.

Итак, сразу же после принятия решения по делу *Salomon v. A. Salomon & Co Ltd.* всякая компания понималась как независимое образование, члены которой спрятаны за неким занавесом. Учитывая ущербное положение кредиторов, в рамках судебного производства предпринимались попытки по уничтожению установленного ограниченной ответственностью корпоративного занавеса. Такие попытки привели к тому, что при определенных обстоятельствах не исключалась возможность «снятия корпоративного занавеса» для достижения целей справедливости.

Процесс «проникновения за корпоративную вуаль» в английском праве по мнению Томаса Ченга⁶⁷ составляет три периода. В свою очередь, полагаем, что изучение истории происхождения и становления доктрины «снятия корпоративной вуали» в правовом порядке Великобритании при помощи обращения к периодизации улучшит восприятие информации и позволит выделить ключевые аспекты, направления исследуемого вопроса. Принимая во внимание факт того, что процесс привлечения членов компании к ответственности по ее долгам в английском праве довольно труден и занимает продолжительное время, воспользуемся в настоящем параграфе названным выше приемом исследования.

Т. К. Ченг в истории становления доктрины «снятия корпоративной вуали» выделил «экспериментальный» период, «золотой» период и период «упадка», в качестве основания периодизации он предложил частоту принятия судами положительных решений касательно «проникновения за корпоративный занавес». По нашему мнению выбранный правоведом критерий наиболее ярко

⁶⁶Editorial, Times (London), May 25, 1824.

⁶⁷Cheng T. K. The Corporate Veil Doctrine Revisited : A Comparative Study of the English and the U. S. Corporate Veil Doctrines. 34 B. C. Int'l & Comp. L. Rev., 2011.

подчеркивает исключительный характер «снятия корпоративной вуали» и позволяет выявить акт применения данной доктрины в условиях того или иного периода времени. Ко всему прочему, рассматривают периодизацию истории становления доктрины «проникновения за корпоративный занавес» по аналогичному критерию и другие авторы. Например, Радхика Силам,⁶⁸ систематизируя материал по тому же основанию, выделила три периода истории становления исследуемой доктрины в Великобритании: с 1897 года по 1966 год, с 1966 года по 1989 год, с 1989 год по настоящее время. При этом очерченные Ченгом⁶⁹ и Силам временные рамки периодов не совпадают, для них характерна разница в несколько лет. Считаем, что данная погрешность вполне допустима, поскольку для выбранного исследователями основания периодизации присуща некая относительность. В свою очередь, будем придерживаться в процессе оценки периодов становления доктрины «снятия корпоративной вуали» в праве Великобритании установленных Томасом Ченгом временных рамок.

Итак, **первый период** можно охарактеризовать «экспериментальным», на протяжении которого, с 1897 года, после прецедентного дела *Salomon v. A. Salomon & Co Ltd.*, и вплоть до конца Второй мировой войны, английские суды практиковали применение различных приемов, методов и даже подходов в части допустимого игнорирования юридической личности и принципа ограниченной ответственности. Успешное «снятие корпоративной вуали» в данный период наблюдается в следующих делах: *Gilford Motor v. Horne*⁷⁰, *In re Darby, Brougham*⁷¹, *Trebanog Working Men's Club and Institute*⁷², *Rainham Chemical Works*,

⁶⁸Seelam R. Lifting the Corporate Veil: The English and Indian Laws. URL : <http://www.legalindia.com/lifting-the-corporate-veil-the-english-and-indian-laws/> (дата обращения: 09.06.2015).

⁶⁹Cheng T. K. The Corporate Veil Doctrine Revisited : A Comparative Study of the English and the U. S. Corporate Veil Doctrines. 34 B. C. Int'l & Comp. L. Rev., 2011.

⁷⁰*Gilford Motor v. Horne*, Ch. at 943 (1933).

⁷¹*In re Darby, Brougham*, 1 K.B. at 100, (1911).

⁷²*Trebanog Working Men's Club and Institute*, 1 K.B. 576 at 582 (Eng.) (1940).

*Ltd. v. Belvedere Fish Guano Co*⁷³ и т. д. Рассмотрим подробнее некоторые из вышеназванных дел.

Сперва суды игнорировали юридическую личность и принцип ограниченной ответственности в делах, где установлен факт уклонения от уплаты налогов. К примеру, в деле *Apthorpe v. Peter Schoenhofen Brewing*⁷⁴ «проникновение за корпоративную вуаль» обусловлено уклонением от уплаты налогов при помощи следующей схемы: управление английской компанией через продажу активов осуществляла иностранная компания (американская компания). Следовательно, данная компания вела деятельность на территории Великобритании, которой вменялось обязательство по уплате соответствующих налогов. Однако такая обязанность не исполнялась американской компанией. Аналогичные обстоятельства установлены в деле *St. Louis Breweries v. Apthorpe*⁷⁵.

Затем, суды игнорировали юридическую личность и принцип ограниченной ответственности в государственных интересах, а именно, когда лицом фактически контролирующим и управляющим компанией являлся гражданин враждебной страны. Например, в деле *Daimler Co Ltd v. Continental Tyre and Rubber Co (Great Britain) Ltd*⁷⁶. суд применил доктрину «снятия корпоративной вуали» в период Первой мировой войны, чтобы выявить национальность той или иной компании: необходимо было установить среди акционеров зарегистрированной в Англии компании представителей Германии.

Кроме того, суды «проникали за корпоративный занавес» в случаях, когда компания представляла собой «фасад», прикрывавший мошенничество или подлог. В частности, в деле *In re Darby, Brougham*⁷⁷ два пресловутых мошенника при помощи сложной схемы с учреждением компании в юрисдикции острова в проливе Ла-Манш и создания ее дочерней компании привлекли государственные инвестиции в «нежизнеспособную компанию». В результате чего

⁷³*Rainham Chemical Works, Ltd. v. Belvedere Fish Guano Co*, 2 A.C. 465 (H.L.) at 466–67 (appeal taken from Eng.) (1921).

⁷⁴*Apthorpe v. Peter Schoenhofen Brewing*, 15 T.L.R. 245 (A.C.) at 245 (Eng.) (1899).

⁷⁵*St. Louis Breweries v. Apthorpe*, 15 T.L.R. 112 (Q.B.) at 112 (Eng.) (1898).

⁷⁶*Daimler Co. Ltd. v. Continental tyre & rubber Co. Ltd.*, 2 A.C 307 (1916).

⁷⁷*In re Darby, Brougham*, 1 K.B. 95 at 103 (Eng.) (1911).

государственные инвесторы были введены в заблуждение и потеряли свои вложения, а они, соответственно, извлекли незаконную прибыль. Суд принял решение о «проникновении за корпоративную занавесу» на основании факта мошенничества. В деле *Gilford Motor Co. v. Horne*⁷⁸ суд «приоткрыл корпоративную занавесу» вследствие установленных мошеннических действий господина Хорна. Так, господин Хорн при приеме на работу на должность управляющего директора подписал контракт, одним из условий которого был запрет на оказание услуг клиентам компании по их защите в спорах с его работодателем. Работник после увольнения из компании попытался уйти от исполнения данного пункта контракта путем создания юридического лица, которое оказывало те же услуги, что и компания его бывшего работодателя. В этом случае суд признал созданную компанию неким «покрывалом» его деятельности и выдал судебный приказ («injunction») для принудительного исполнения ограничения.

Выше приведенные случаи наглядным образом демонстрируют попытки английского суда по применению таких понятий общего права как «агентство», «деликт», «введение в заблуждение», «мошенничество», «фикция» и т.п. относительно «снятия корпоративной вуали». Продолжив экспериментировать, в деле *Smith, Stone and Knight v. Birmingham*⁷⁹ судья Аткинсон применил новаторский подход относительно решения вопроса, связанного с возможностью в качестве исключения игнорировать юридическую личность и ограниченную ответственность. Он указал, что деятельность дочерней компании фактически осуществляла материнская. Следовательно, она владела помещениями, в которых осуществлялась данная деятельность. Соответственно, материнская компания вправе получить компенсацию в случае принудительного выкупа местными властями таких помещений. Кроме того судья сформулировал вопросы, при ответе на которые можно охарактеризовать связь между двумя компаниями одной

⁷⁸*Gilford Motor Co. v. Horne*, Ch. 935 (A.C.) at 956 (Eng.) (1933).

⁷⁹*Smith, Stone & Knight Ltd. v. Birmingham*, 4 All E.R. 116 (K.B.) (Eng.) (1939).

группы как агентские отношения. Ниже приведен примерный перечень таких вопросов:

- (1) Кто в действительности управлял бизнесом?
- (2) Относилась ли полученная прибыль к прибыли основной компании?
- (3) Была ли основная компания определяющей коммерческой организацией?
- (4) Решала ли основная компания вопросы по определению основной деятельности, а также много ли инвестиций она вложила в развитие бизнеса?
- (5) Получила ли основная компания прибыль, полученную в результате проведения ею корпоративной политики и управления?
- (6) Кроме того, был ли у основной компании действительный и постоянный контроль?

Вопросы в заданном направлении представляют собой своеобразный тест, который помимо установления обстоятельств конкретного дела позволяет сделать выводы касательно необходимости привлечения к ответственности основных компании по обязательствам дочерних. Стоит отметить, что проведение подобных тестов в большей степени является прерогативой для права США, нежели чем для права Великобритании. Несмотря на исчерпывающий характер, обращение к подобному роду тестов относительно «снятия корпоративной вуали» в последующей практике Соединенного Королевства в большинстве случаев не происходило. Одним из объяснений этого факта является то, что, применяя доктрину «проникновения за корпоративный занавес», английские суды, как правило, предпочитали прибегать к традиционным принципам общего права.

За первым этапом последовал **второй**. Томас Ченг⁸⁰ охарактеризовал его «золотым» периодом в истории «проникновения за корпоративный занавес» в праве Великобритании по причине того, что в данный период частота обращения судов к доктрине «снятия корпоративной вуали» достигла своего максимума. Временные рамки данного периода ограничиваются 1945 — 1978 годами. В это время успешное «снятие корпоративной вуали» наблюдается в следующих делах:

⁸⁰Cheng T. K. Op. cit. P. 338.

*In re FG (Films)*⁸¹, *Jones v. Lipman*⁸², *Firestone Tyre and Rubber v. Lewellin*⁸³, *Merchandise Transport v. British Transport Commission*⁸⁴ и т.д.

В деле *In re FG (Films)*⁸⁵ суд указал, что учреждение британской компании в качестве дочерней компании преследовало цель обхода законодательного запрета на показ иностранных фильмов на территории Соединенного Королевства, и, применяя концепцию агентских отношений, привлек материнскую компанию к ответственности. При аналогичных обстоятельствах осуществлено «проникновение за корпоративный занавес» в деле *Firestone Tyre and Rubber v. Lewellin*⁸⁶, в котором одна компания признана агентом другой.

В деле *Jones v. Lipman*⁸⁷ суд пришел к выводу о том, что господин Липман ушел от принятого на себя обязательства по продаже земельного участка господина Джонса путем создания «притворной» компании, которой и был продан участок. Кроме того, судья посчитал, что созданная Липманом компания является неким «фасадом», прикрывающим деятельность несоответствующую справедливости, и выдал приказ об особом исполнении.

В деле *Merchandise Transport v. British Transport Commission*⁸⁸ выявлена необходимость в пренебрежении корпоративной личностью и ограниченной ответственностью в том случае, когда характер компании, или природа людей, контролирующих ее, является релевантным признаком. При этом суду необходимо определить, кто стоит за юридическими лицами, которые не в состоянии что-либо сделать без их решения, одобрения.

Помимо принятия положительных решений относительно «проникновения за корпоративный занавес» в этот период времени особую роль играет

⁸¹*In re FG (Films)*, 1 W.L.R. at 483 (1953).

⁸²*Jones v. Lipman*, 1 W.L.R. 832 (1962).

⁸³*Firestone Tyre and Rubber v. Lewellin*, 1 W.L.R. 464 (H.L.) at 464 (appeal taken from Eng.) (1957).

⁸⁴*Merchandise Transport v. British Transport Commission*, 2 Q.B. at 173 (1962).

⁸⁵*In re FG (Films)*, 1 W.L.R. at 483 (1953).

⁸⁶*Firestone Tyre and Rubber v. Lewellin*, 1 W.L.R. 464 (H.L.) at 464 (appeal taken from Eng.) (1957).

⁸⁷*Jones v. Lipman*, 1 W.L.R. 832 (1962).

⁸⁸*Merchandise Transport v. British Transport Commission*, 2 Q.B. at 173 (1962).

деятельность Лорда Деннига, «величайшего судьи XX века»⁸⁹. Принятые им решения по следующим спорам: *Scottish Cooperative Wholesale Society v. Meyer*⁹⁰, *Littlewoods Mail Order Stores v. Inland Revenue Commissioners*⁹¹, *Wallersteiner v. Moir*⁹², *D.H.N. Food Distributors Ltd. v. Tower Hamlets London Borough Council*⁹³ и т.д., стали основой для теории *единого экономического устройства* (the single economic unit theory), посредством которой возможно рассматривать материнскую и дочернюю компанию в качестве единого целого. Применение данной теории обусловлено игнорированием личности корпорации и принципа ограниченной ответственности. Однако не следует забывать о том, что сам термин «единое экономическое устройство» введен еще А. А. Берли⁹⁴.

Обращаясь к основным постулатам теории «единого экономического устройства», Лорд Деннинг пояснил, что отношения внутри холдинговой организации фактически построены как в партнерстве: эти компании — партнеры, следовательно, они не должны рассматриваться отдельно⁹⁵. Применяя в качестве обоснования положения вышеназванной теории, Альфред Деннинг заявлял требования о «снятии корпоративной вуали». Так, в деле *Wallersteiner v. Moir* юрист потребовал возложить ответственность на господина Валлерстайн, поскольку данное лицо организовало в Лихтенштейне деятельность компаний в качестве агентов: «Он дергал их за ниточки, а они ... танцевали по указанию кукловода...иначе они были его агентами, исполняющие все его команды»⁹⁶. Лорд Деннинг установил такую связь на основании фактов «смешения» активов и несоблюдения корпоративных формальностей.

⁸⁸URL :<http://www.independent.co.uk/news/lord-denning-the-centurys-greatest-judge-dies-at-100-1078587.html>. (дата обращения : 12. 12.2016 г.).

⁹⁰*Scottish Cooperative Wholesale Society v. Meyer*, A.C. 324 (H.L.) at 364 (1959).

⁹¹*Littlewoods Mail Order Stores v. Inland Revenue Commissioners*, 1 W.L.R. 1241 (A.C.) at 1254 (Eng.) (1969).

⁹²*Wallersteiner v. Moir*, 1 W.L.R. 991 (A.C.) at 993, 1013 (Eng.) (1974).

⁹³*D.H.N. Food Distributors Ltd. v. Tower Hamlets London Borough Council*, 1 W.L.R. 852 (A.C.) at 857 (Eng.) (1976).

⁹⁴Berle A. A. *The Theory of Enterprise Entity*. 47(3) *Columbia Law Review* 343, 1947.

⁹⁵*Pierelli Cable Holding NV v. Inland Revenue Comm'rs*, UKHL 4, 1 W.L.R. 400 (H.L.) (Eng.) (2006).

⁹⁶*Wallersteiner v. Moir*, 1 W.L.R. at 1013 (Eng.) (1974).

Суть дела *D.H.N. Food Distributors Ltd. v. Tower Hamlets London Borough Council*⁹⁷ Альфред Деннинг сформулировал как «три в одном», «три компании в одной», «одна в трех», «одна группа из трех компаний». В соответствии с фабулой данного дела решался вопрос о наделении правом на получение компенсации вследствие принудительного приобретения Лондонским муниципалитетом земельного участка, принадлежащего на праве собственности дочерней компанией, а также использовавшегося материнской компанией для ведения внешнеторговой деятельности. В итоге апелляционный суд, полагаясь на теорию «единого экономического устройства», посчитал, что материнская и дочерняя компании должны пониматься как одна компания, что служит существенным основанием для выплаты соответствующей компенсации.

Несмотря на принятое решение по делу *D.H.N. Food Distributors Ltd. v. Tower Hamlets London Borough Council*⁹⁸, в 1978 году Палата Лордов рассмотрела дело *Woolfson v. Strathclyde Regional Council*⁹⁹, в котором она отказала в выплате компенсации компании за «помехи», причиненные в момент осуществления прав на землю, принадлежавшей на праве собственности одному из ее акционеров. Причину отказа суд обосновал тем, что не установлено существенных оснований для «проникновения за корпоративный занавес», поскольку компания не являлась «фасадом» деятельности ее акционера. С принятия этого решения начинается **третий период** в истории «снятия корпоративной вуали», который продолжается по сегодняшний день. Т. К. Ченг¹⁰⁰ охарактеризовал его как период «упадка», поскольку в практике английского суда резко снизилось принятие решений о «проникновении за корпоративный занавес». Несмотря на такое заметное снижение, английские суды полностью не отказались от применения доктрины «снятия корпоративной вуали» по причине того, что она способствует

⁹⁷*D.H.N. Food Distributors Ltd. v. Tower Hamlets London Borough Council*, 1 W.L.R. 852 (A.C.) at 857 (Eng.) (1976).

⁹⁸*D.H.N. Food Distributors Ltd. v. Tower Hamlets London Borough Council*, 1 W.L.R. 852 (A.C.) at 857 (Eng.) (1976).

⁹⁹*Woolfson v. Strathclyde Regional Council*, S.C.(H.L.) at 96 (1978) ; Moore, *supra* note 2, at 180–81 ; Whincup, *supra* note 5, at 158–59.

¹⁰⁰Cheng. T. K. Op. cit. P. 339.

пресечению недобросовестных действий со стороны контролирующих лиц и решению корпоративных конфликтов. Кроме того, говоря об этом периоде, у И. Невской, Е. Стюарт сложилось мнение, в соответствии с которым настоящую доктрину ждет новый виток развития¹⁰¹. В свою очередь считаем, что вслед за судебным новаторством и экспериментами в области «проникновения за корпоративный занавес» последовал «стабилизационный» период, поскольку сохраняется тенденция обращения английским судом к механизму пренебрежения корпоративной личностью и принципом ограниченной ответственности, но в сравнении с предыдущими годами частота обращения снизилась ввиду того, что суды наконец-то определились с подходом применения доктрины «снятия корпоративной вуали». Данный подход заключается в том, что использование доктрины осуществляется в сугубо исключительных случаях, когда есть реальная необходимость в ней: установлено, что использование иных средств правовой защиты неэффективно либо невозможно. Для наглядной демонстрации названного подхода ниже приведем анализ ключевых судебных решений Великобритании в хронологическом порядке.

После принятия решения по делу *Woolfson v. Strathclyde Regional Council*¹⁰² английский правосудие держит курс по применению традиционных правовых теорий, понятий-принципов в части злоупотребления корпоративной личностью. Например, в деле *Revlon Inc. v. Cripps & Lee*¹⁰³ суд обратился к концепции аффилированных лиц, отказав во включении в список анализируемых вопросов вопрос о «снятии корпоративной вуали». Итак, согласно фабуле настоящего дела в намерение компании «*Cripps & Lee*» входило осуществление импорта товаров для продажи их на территории Великобритании, при этом исключительным правом на данную деятельность обладала ее дочерняя компания «*Revlon Inc.*» Тщательно изучив обстоятельства дела *Revlon Inc. v. Cripps & Lee*, суд

¹⁰¹Невская И., Стюарт Е. Доктрина «снятия корпоративной вуали» в английской и российской правоприменительной практике // Слияния & Поглощения. 2012. № 11 (117). С. 50 — 52.

¹⁰²*Woolfson v. Strathclyde Regional Council*, S.C.(H.L.) at 96 (1978) ; Moore, supra note 2, at 180–81 ; Whincup, supra note 5, at 158–59.

¹⁰³*Revlon Inc. v. Cripps & Lee*, F.S.R.85 (1980).

квалифицировал фактические взаимоотношения между компаниями как аффилированные.

Однако в деле *Amalgamated Inv. & Property Co. Ltd. v. Texas Commerce International Bank Ltd.*¹⁰⁴, установив аффилированность и агентские отношения, суд для целей справедливости приоткрыл «корпоративную занавесу», указав, что учрежденный на Багамах дочерний Банк действовал только по указанию материнской компании как канал для предоставления беспроцентных ссуд по причине того, что дочерней компанией не ввелся ни дебет, ни кредит.

При этом в решении по делу *Sec. Exch. Ltd. v. Gordon*¹⁰⁵ английский суд отметил, что остается под вопросом «снятие корпоративной вуали» до тех пор, пока не будут определены особенности контроля.

В 1990 году Апелляционный суд Англии и Уэльса в решении по делу *Adams v. Cape Industries Plc.*¹⁰⁶, рассмотрев различные основания «проникновения за корпоративный занавес», в том числе и мошенничество, и теории агентства и единого экономического устройства, пришел к важному выводу, в соответствии с которым традиционное использование концепции самостоятельного юридического лица и ограниченной ответственности является неотъемлемой чертой английского корпоративного права, при этом применение доктрины «снятия корпоративной вуали» целесообразно только к деликтным отношениям и в качестве исключения из принципа ограниченной ответственности. В рассматриваемом случае английский суд не привел в исполнение решение американского суда, связанное с переходом деликтной ответственности на британскую компанию в части возмещения вреда, причиненного здоровью истцов при работе с асбестом.

Опираясь на постулаты, принятые в решении по делу *Adams v. Cape Industries Plc.*¹⁰⁷, суд в деле *Re H.*¹⁰⁸ снимает «корпоративную вуаль» на основании

¹⁰⁴*Amalgamated Inv. & Property Co. Ltd. v. Texas Commerce International Bank Ltd.*, Q.B. 84, 3 All E.R. 577, 3 WLR 565, 1 Lloyds Rep. 27 (C.A.) (1992).

¹⁰⁵*Sec. Exch. Ltd. v. Gordon*, Hearing date October 7 (C.A.) (1988).

¹⁰⁶*Adams v. Cape Industries Plc.*, Ch. 433 (A.C.) at 544 (Eng.) (1990).

¹⁰⁷*Adams v. Cape Industries Plc.*, Ch. 433 (A.C.) at 544 (Eng. 1990).

¹⁰⁸*Re H.*, 2 All E. R. 391 (C. A. 1996).

установленного деликта, а точнее, на основании использования корпоративной структуры в качестве «средства» или «фасада» для сокрытия криминальных действий.

Кроме того, в 2001 году Высокий суд принимает решение по делу *Trustor AB v. Smallbone*¹⁰⁹, в соответствии с которым допускается «снятие корпоративной вуали» в случае вовлечения компании в какие-либо действия неподобающего характера с использованием конструкции «фасада» или «фикции» с целью сокрытия фактических обстоятельств. Данное решение содержит в себе попытку определить ориентиры для «проникновения за корпоративный занавес», которая по мнению А. Н. Верещагина¹¹⁰ заключается в соблюдении следующего ряда условий:

- компания, которой передаются активы является лишь «прокладкой» для реального бенефициара;
- эта компания была вовлечена в «ненадлежащие действия», совершаемые ее акционером/бенефициаром;
- этого требуют интересы справедливости;
- данная корпоративная структура должна быть использована именно для того, чтобы избежать ответственности за «неподобающее» поведение;
- снятием корпоративной вуали не затрагиваются интересы никакого третьего лица.

К тому же в 2005 году решением по делу *Kensington International Ltd v. Congo*¹¹¹ к последнему элементу из вышеприведенного списка был добавлен еще один — «бесчестное поведение» ответчика в контексте уклонения от уже возникших обязательств. При этом А. Н. Верещагин отмечает, что в приведенном решении суд не дает какие-либо разъяснения отличия бесчестного поведения от ненадлежащего¹¹².

¹⁰⁹*Trustor AB v. Smallbone*, 1 W.L.R. 1177 (Ch.) (Eng. 2001).

¹¹⁰Верещагин А. Н. Фактор недостаточной капитализации в корпоративном праве Англии и США // Закон. 2010. № 4. С. 77- 78.

¹¹¹*Kensington International Ltd v. Congo*, 2 B.C.L.C. 296. Para 187. (2006).

¹¹²Верещагин А. Н. Указ. соч. С. 77- 78.

Несмотря на то, что в эти годы английские суды, как правило, принимали решения о «снятии корпоративной вуали» в деликтных делах, с принятием решения по делу *Beckett Investment Management Group v. Hall*¹¹³ была продемонстрирована возможность «проникновения за корпоративный занавес» и в контрактных отношениях. Так, в деле *Beckett Investment Management Group v. Hall*¹¹⁴ английский апелляционный суд снял возникшую в процессе взаимодействия основной компании с ее дочерними компаниями вуаль, чтобы реализовать условие, не противоречащее трудовому договору.

Небезынтересно отметить дело *Stone & Rolls v. Moore Stephen*¹¹⁵, в котором английский суд показал свою готовность «снимать корпоративную вуаль» в отношении установленных мошеннических действий компаний с единственным участником. Так, при проведении аудиторской проверки компании проверяющим не удалось обнаружить факт преступной схемы по получению крупных сумм от определенных банков, которая была разработана ее единственным акционером совместно с ее директором. После ликвидации данной компании ликвидатор обращается в суд, обвиняя ликвидаторов в профессиональной небрежности. В итоге английский суд принимает решение о привлечении к ответственности единственного акционера компании за мошеннические действия.

В группе дел *Antonio Gramsci Shipping*¹¹⁶ решался вопрос о применении доктрины «снятия корпоративной вуали» в контексте подсудности иска. В первом деле *Antonio Gramsci Shipping Corporation & Ors v. Reoletos Ltd & Ors*¹¹⁷ зарегистрированные в офшорной юрисдикции компании предъявили иск к другим офшорным компаниям. Бенефициарами истцов было Латвийское морское пароходство, а бенефициарами ответчиков - «Вентспилская группа», один из

¹¹³*Beckett Investment Management Group v. Hall*, EWCA (Civ.) 613, I.C.R. 1539 (A.C.) at 1546–47 (2007).

¹¹⁴*Beckett Investment Management Group v. Hall*, EWCA (Civ.) 613, I.C.R. 1539 (A.C.) at 1546–47 (2007).

¹¹⁵*Stone & Rolls v. Moore Stephen*, UKHL 39, 1 A.C. 1391 at 1447–48 (Eng. 2009).

¹¹⁶*Antonio Gramsci Shipping Corporation & Ors v. Reoletos Ltd & Ors*, EWHC 1134 (Comm.) (2010) ; *GramsciShipping v. Stepanovs*, EWHC 333 (Comm.) (2011) ; *Antonio Gramsci Shipping Corporation & Ors v. Lembergs*, EWCA Civ. 730 (2013).

¹¹⁷*Antonio Gramsci Shipping Corporation & Ors v. Reoletos Ltd & Ors*, EWHC 1134 (Comm.) (2010).

крупнейших акционеров Латвийского морского пароходства, бенефициарами которого являлись господа Лембергс, Степанов и др. В соответствии с материалами дела между истцами и ответчиками были заключены договоры фрахта судов с пророгационной оговоркой о решении судебных споров в Англии. Впоследствии ответчики с контрагентами подписали договор субфрахта на более выгодных условиях, в результате чего речь шла о незаконном присвоении прибыли и обмане миноритарных акционеров Латвийского морского пароходства. Несмотря на «весьма проблемный» характер практики заключения договоров с конечными клиентами через промежуточные офшорные компании, суд удовлетворил требования истцов и наложил арест на активы ответчика.

Однако истцов не устроил исход данного дела. Они обратились в суд с требованием о признании ответственным господина Степанова по обязательствам компаний, бенефициаром которых он являлся. Сложность дела *Antonio Gramsci Shipping v. Stepanovs*¹¹⁸ состояла в том, что был поставлен вопрос о возможности применения указанной в заключенных договорах фрахта судов пророгационной оговорки к исследуемым правоотношениям ввиду того, что господин Степанов не является стороной договоров. Итак, в настоящем деле Судья Бертон признал свою компетенцию рассматривать данный спор, продлил арест на счета предпринимателя, кроме того, определил, что «проникновение за корпоративный занавес» имеет смысл в случае подачи иска против акционеров компании по заключенным ей договорам, так как если бы бенефициары сами были стороной по договору. Иными словами, «кукловод» несет ответственность, поскольку его можно считать стороной договора, который был заключен его «марионеткой». Следовательно, в деле *Antonio Gramsci Shipping v. Stepanovs*¹¹⁹ установлена возможность для расширения оснований касательно «снятия корпоративной вуали».

В связи с назревающим корпоративным конфликтом истцы в очередной раз обратились в суд требованием о признании ответственным господина Лембергса

¹¹⁸GramsciShipping v. Stepanovs, EWHC 333 (Comm.) (2011).

¹¹⁹ GramsciShipping v. Stepanovs, EWHC 333 (Comm.) (2011).

по обязательствам компаний, бенефициаром которых он являлся. Однако исход дела *Antonio Gramsci Shipping Corporation & Ors v. Lembergs*¹²⁰ противоположным образом отличался от принятого решения по предыдущему делу: суд признал себя некомпетентным рассматривать данный спор по причине того, что ответчик - не сторона по заключенным договорам фрахтования судов. В свою очередь, считаем, что на принятие такого решения однозначно повлияла выраженная в прецедентных делах *VTB v. Nutritek*¹²¹ и *Prest v. Petrodel Resources Ltd & Ors*¹²² позиция.

Итак, Верховный суд Соединенного Королевства в деле *VTB v. Nutritek*¹²³ определил, что нет необходимости применять доктрину «снятия корпоративной вуали» к договорным отношениям в случае переноса договорных обязательств на контролирующих лиц.

Исходя из фабулы указанного дела *VTB* и российская компания заключили договор финансирования для покупки шести компаний с предварительной оценкой стоимости этих компаний. Исполнив свои обязательства частично, российская компания прекратила дальнейшее исполнение по заключенному договору. В свою очередь, *VTB* за свой счет провел повторную оценку стоимости приобретаемых компаний, в результате которой стоимость данных компаний оказалась значительно ниже. В итоге было принято решение обратиться с соответствующим иском в английскую юрисдикцию по причине того, что, во-первых, сам договор финансирования является договором по английскому праву, во-вторых, российская компания создавалась в транзакционных целях, поэтому она не обладала ни активами, ни пассивами. При этом фактически данной компаний управляли корпорации, зарегистрированные на территории Британских Виргинских Островах, и определенное физическое лицо. Сперва *VTB* подал в Лондонский суд деликтный иск, обосновывая тем, что вступить в настоящие отношения финансирования его убедили при помощи проведения заведомо

¹²⁰*Antonio Gramsci Shipping Corporation & Ors v. Lembergs*, EWCA Civ. 730 (2013).

¹²¹*VTB Capital plc v. Nutritek International Corp and Others*, UKSC 5 (2013).

¹²²*Prest v. Petrodel Resources Ltd & Ors.*, UKSC 34 (2013).

¹²³*VTB Capital plc v. Nutritek International Corp and Others*, UKSC 5 (2013).

ложной оценки стоимости приобретаемых компаний, а затем и контрактный иск касательно нарушения условий договора.

В рассматриваемом деле помимо отсутствия необходимости применения доктрины «снятия корпоративной вуали» к контрактным отношениям относительно деликтных отношений Судья Арнольд заявил, что «проникать за корпоративную занавесу» нельзя, если фактически контролирующее компанию лицо не использует ее с целью ограждения себя от ответственности за ущерб вне компании, подразумевая то, что для этого необходимо наличие такого существенного основания как нанесение ущерба самим контролирующим лицом ранее или самостоятельно.

Однако с принятием решения по делу *Prest v. Petrodel Resources Limited and others*¹²⁴ сфера применения доктрины стала еще более узкой. Так, в 2013 году в деле *Prest v. Petrodel Resources Limited and others*¹²⁵ Верховный суд Соединенного Королевства, решая имущественный спор в процессе развода нигерийского нефтяного магната с его женой, вынес решение в пользу жены, в соответствии с которым ей были переданы формально не принадлежавшие мужу объекты недвижимости, но контролируемые им при помощи зарубежных компаний. Не обращаясь к доктрине «снятия корпоративной вуали» по причине недоказанности факта злоупотребления корпоративной формой для ненадлежащих целей, суд применил традиционную теорию «номинального владельца активов», согласно которой номинальным держателем таких активов являлись зарубежные компании, и исходя из фактических обстоятельств дела квалифицировал трастовые отношения.

Ко всему прочему, анализируя особенности применения доктрины «проникновения за корпоративный занавес» совокупно с традиционными понятиями-принципами английского права, Верховный суд Соединенного Королевства посчитал, что некоторые виды решений, которые часто рассматриваются в качестве «снятия корпоративной вуали», в действительности,

¹²⁴*Prest v. Petrodel Resources Ltd & Ors.*, UKSC 34 (2013).

¹²⁵*Prest v. Petrodel Resources Ltd & Ors.*, UKSC 34 (2013).

основаны на иных правовых теориях: теория агентских отношений, теория «номинального владельца активов» трастовых отношений и др. В решении по делу *Prest v. Petrodel Resources Limited and others*¹²⁶ касательно вопроса пренебрежения корпоративной личностью и ограниченной ответственности судьи привели некоторые замечания. Например, Председатель Верховного Суда Лорд Нойбергер заявил, что применение данной доктрины обусловлено неспособностью других принципов. К тому же в названном деле судья Лорд Сампшн пояснил, что следует отличать понятие «сокрытие» от «обхода закона», поскольку во втором случае можно «проникать за корпоративный занавес», однако такое проникновение только имеет место, если другие правовые теории оказались бессильны. Следовательно, актуальное применение доктрины имеет место только тогда, когда использование иных средств правовой защиты будет неэффективным или невозможным.

После принятия решения по делу *Prest v. Petrodel Resources Limited and others*¹²⁷ последующая судебная практика стала достаточно аккуратно относиться к вопросу применения доктрины «снятия корпоративной вуали» не только в контрактных делах, но и в деликтных. Например, в решении по делу *Thompson v. The Renwick Group plc.*¹²⁸ Апелляционный суд не удовлетворил заявленный сотрудником дочерней компании иск против материнской компании. Согласно материалам дела, работая на вредном производстве дочерней компании, ее сотрудник приобрел угрожающую жизни болезнь, и он обратился в суд с соответствующим компенсационным требованием. В свою очередь, Апелляционный суд постановил, что материнская компания не несет обязанности заботы о сотруднике дочерней компании, поскольку не установлен факт ведения бизнеса в качестве холдинговой организации, хотя не оспаривался факт назначения директора дочерней фирмы материнской компанией. Однако несколькими годами раньше в Апелляционном суде рассматривалось аналогичное

¹²⁶*Prest v. Petrodel Resources Ltd & Ors.*, UKSC 34 (2013).

¹²⁷*Prest v. Petrodel Resources Ltd & Ors.*, UKSC 34 (2013).

¹²⁸*Thompson v. The Renwick Group plc.*, EWCA Civ. 635 (2014).

по обстоятельствам дело *Chandler v. Cape plc.*¹²⁹, в соответствии с которым было принято решение обязать материнскую компанию заботиться о работнике ее дочерней компании.

В недавнем деле *Erste Group Bank AG London Branch v. J 'VMZ Red October' & Ors*¹³⁰ истец надеялся «проникнуть за корпоративный занавес» с целью привлечения к ответственности конечного бенефициара, но, несмотря на наличие подходящей юрисдикции и компетенции, суд прекратил производство по делу путем обращения к доктрине («forum non conveniens»), следуя которой место рассмотрения спора не соответствует интересам правосудия. В частности, на возможность обращения суда к «forum non conveniens», влияют такие обстоятельства как: местонахождение участников, свидетелей, доказательств по делу и др. В настоящем деле суд ссылаясь на необходимость детального разбора российского законодательства, а также нахождение в Российской Федерации основных документов, доказательств, свидетелей, специалистов и экспертов по банкротству и т. п.

Рассмотрев становление и развитие доктрины «снятия корпоративной вуали» в праве Великобритании с позиции исторической ретроспективы, можно охарактеризовать ее роль.

Итак, в настоящем параграфе установлен факт того, что английским судом не отрицается «проникновение за корпоративный занавес», но и не «поощряется», поскольку в Великобритании доктрина «снятия корпоративной вуали» понимается как относительно редкое явление, исключительного характера, использование которого требует наличия определенного ряда условий совместно с установлением невозможности применения к конкретному делу традиционных правовых теорий, понятий-принципов, позволяющих решить ее в соответствии с правом справедливости.

В виду чего, английское правосудие относится к доктрине «снятия корпоративной вуали» с явной настороженностью. При этом ее роль поставлена в

¹²⁹*Chandler v. Cape plc*, EWCA Civ. 525 (2012).

¹³⁰*Erste Group Bank AG London Branch v. J 'VMZ Red October' & Ors.*, EWCA Civ. 379 (2015).

обратную зависимость от концепции современного корпоративного лица. Сделать такой вывод помогли результаты, полученные в ходе анализа становления и развития доктрины «снятия корпоративной вуали»: обращение к ней судов возможно только тогда, когда концепция корпоративного лица подвержена тенденции поиска новых принципов, обосновывающих ее актуальность, в то время как прежние не способны разрешить спор по существу. Такая тенденция имела место в период с 1897 года по 1978 год. Соответственно, роль доктрины «снятия корпоративной вуали» в этот период - велика, что нельзя сказать о периоде с 1987 года по сегодняшний день, в котором «проникновение за корпоративный занавес» сведено к минимуму. Последний этап некоторые правоведы даже характеризуют периодом «упадка» данной доктрины, в котором позиции концепции корпоративного лица укрепляются теориями-принципами агентских отношений, «номинального владельца активов», трастовых отношений и др.

Итак, оценить перспективы применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в праве Великобритании можно при помощи обращения к теории цикличности. Если «проникновение за корпоративный занавес» не является «популярным» уже более тридцати лет, то не за горами альтернативный этап, направленный на смену устоявшейся тенденции, в котором обоснование актуальности «снятия корпоративной вуали» будет строиться на исключении из общего принципа ограниченной ответственности.

Интересно отметить, что такая черта как смена тенденций характерна не только для доктрины «снятия корпоративной вуали», но и для политики Великобритании, в целом. Например, в историческом аспекте наблюдается постоянное соперничество лейбористов и консерваторов, что положительным образом характеризует политико-правовую систему и демократический режим.

История происхождения и становления доктрины «снятия корпоративной вуали» в праве США не менее интересна, чем в праве Великобритании. Несмотря на то, что американское право сформировалось под влиянием английских правовых традиций, оно имеет свои особенные черты. Так, ключевая черта заключается в том, что в соответствии с принципом федерализма каждый штат является суверенным государственным образованием, в связи с чем наделен широким перечнем полномочий, среди которых особое место занимают правотворческие. При этом, статья VI Конституции США устанавливает соотношение права и правовых норм, согласно которой действует принцип верховенства федерального права относительно нормативно-правовых актов штатов.

Следовательно, такая особенность существенным образом повлияла на процесс становления доктрины «снятия корпоративной вуали» в американском праве, который, в свою очередь, протекал на уровне каждого штата в отдельности. В связи с этим обстоятельством генезис данной доктрины логичнее всего рассматривать посредством индивидуального обращения к законодательству и праву каждого штата Америки и федерального округа Колумбия. Учитывая факт того, что в состав США входят пятьдесят штатов и один федеральный округ, в рамках настоящего исследования не представляется возможным проведения такого подробного анализа. Соответственно, считаем актуальным в настоящей диссертационной работе использовать метод обобщения положений норм прецедентного права различных штатов и федеральных судов. Прибегнуть к данному методу нам позволят американские правовые энциклопедии, в частности, общераспространенная энциклопедия «Американская юриспруденция»¹³¹. К тому же неизбежно правовое влияние законодательства штатов друг на друга, поэтому не исключены и общие положения. Кроме того, несмотря на суверенность

¹³¹American Jurisprudence, 2nd ed. Updated to 2013. WestLaw online edition. URL : <http://w3.nexis.com/sources/scripts/info.pl?153083> (дата обращения : 17.09.2015).

американских штатов, необходимо учитывать независимость федеральной судебной практики¹³².

Следует иметь в виду, что не применим и метод периодизации в истории происхождения и становления доктрины «снятия корпоративной вуали», поскольку, принимая во внимание независимость штатов, в частности, в правотворческом плане и их значительное количество, невозможно выделить достойное классифицирующее основание. В противном случае такой подход будет ущербным, так как он не сможет передать реальную обстановку в области «проникновения за корпоративный занавес». Однако во избежание нарушения структуры изложения материала настоящей исследовательской работы сперва проанализируем предпосылки зарождения и становления доктрины, а затем, придерживаясь хронологии, обратимся к обзору судебных решений и ключевых позиций правоведов.

Как и в праве Великобритании история становления доктрины «проникновения за корпоративный занавес» начинается после утверждения концепции самостоятельности корпорации и неограниченной ответственности.

Начало XVIII века в США знаменуется тем обстоятельством, что акционеры компании все еще несли полную ответственность по ее обязательствам¹³³. Однако промышленная революция и неумное желание акционеров ввести ограниченную ответственность в оборот стали решающим факторами процесса реформирования всего американского корпоративного законодательства. Образование современной американской корпорации вслед за опытом Англии обязано процессу по выдаче компаниям чартеров, которые представляли собой некую привилегию. Для того чтобы ее получить «общине необходимо было обладать особой выгодой, которая не достигается другим образом»¹³⁴. Причем, такой процесс сложно охарактеризовать динамичным, поскольку данная привилегия фактически представляла собой специальный законодательный акт.

¹³²Subway Equipment Leasing Corp. v. Sims, 994 F.2d 210, 218 (5th Cir. 2006). Note 11.

¹³³Blumberg P. I. Limited Liability and Corporate Groups. 11 J. CORP.L. 591-595, 605-607, 1986.

¹³⁴Louis K. Liggett Co. v. Lee, 288 U.S.517, 549 (1933).

Однако в американском обществе того периода времени активно росла потребность в корпоративной форме организации бизнеса, не требовавшей частного законодательного акта. В отличие от товарищества с ограниченной ответственностью необходимость корпоративной формы организации бизнеса вызвана в первую очередь институтами самостоятельности и ограниченной ответственности, соединенными с механизмом совета директоров, посредством которого достигается возможность надзора и контроля за делами корпорации. К тому же данная организационная форма привлекала своим удобным механизмом надзора и контроля еще венчурных капиталистов.

Точно так же как и в Великобритании США взяли курс на проведение реформ, направленных на приобретение статуса юридических лиц и ограниченной ответственности путем процедуры простой регистрации неинкорпорированных деловых ассоциаций. Принятие первых американских законов об инкорпорации связано с регламентированием строго определенных видов бизнеса. Так, Массачусетс стал первым штатом, который принял в 1798 году общий закон об инкорпорации водопроводных компаний¹³⁵. После наложенного Джефферсоном эмбарго и прекращения импорта текстиля из Англии в 1811 году законодательные органы штата Нью-Йорк приняли общий закон об инкорпорации текстильных компаний¹³⁶. Значение принятия данного закона оценивается Робертом Томпсоном следующим образом: это «окно» в определенные отрасли промышленности¹³⁷. Впоследствии практика принятия подобных общих законов (*ultra vires*) продолжилась, и к середине XIX века она стала характерной чертой всего корпоративного законодательства США¹³⁸. Тем не менее, до конца 1890-х годов множество предприятий Америки оставались неинкорпорированными. Возможно, причиной такого длительного отказа была сама процедура регистрации, расходы на которую для небольших фирм считались

¹³⁵Handlin O., Handlin M. *Origins of American Business Corporation*. The Journal of Economic History, Vol. 5, Iss. 01, 1945. P. 106.

¹³⁶Freedland F. *History of Holding Company Legislation in New York State: Some Doubts as to the «New Jersey First» Tradition*. Fordham Law Review. Vol. 24. № 3, 1955. P. 369, 371.

¹³⁷Ballantine. H. W. *Op. cit.* P. 18.

¹³⁸Ballantine. H. W. *Op. cit.* P. 37-38.

неоправданными, либо самые первые законы ограничивали формы бизнеса чрезмерными требованиями к капиталу и к владению акциями других корпораций, либо на тот момент времени отсутствовал активный и постоянно действующий рынок ценных бумаг. Но в целом эти причины существенным образом не повлияли на распространение по территории США корпоративной организации бизнеса. С 1890-ых годов в США на законодательном уровне закрепились возможности по созданию холдинговых организаций. Первым штатом, сделавшим шаг в этом направлении, стал Нью-Джерси¹³⁹. Данный штат принял закон об общем статусе корпораций, легализующий проведение операций сразу в нескольких штатах и владение корпорациями акциями других компаний, образующих трест, а также обеспечивающий, точно так же как и в Великобритании, свободу выбора при создании корпорации. Хотя по счетам А. Чандрера до 1889 года штаты не допускали акционерное участие одной корпорации в капитале другой¹⁴⁰. Вскоре примеру Нью-Джерси последовали и другие штаты, приняв аналогичные законодательные акты¹⁴¹. Такое реформирование ускорило процесс преобразования трестов в корпорации, среди которых некоторые стали функционировать как фирмы-производители, а другие как холдинговые организации. Следовательно, появление холдинговых организаций можно расценивать как рождение корпорации современного типа с многоуровневой структурой.

С тех пор корпорации, которые зачастую имеют миллионы акционеров и управляют деятельностью различных дочерних и аффилированных компаний, занимают лидирующее положение в экономике не только США, но и мира. Кроме того, небезынтересно отметить факт того, что сложно сравнить корпорации начала XX века с современными, поскольку корпорации того периода времени «с

¹³⁹Freedland F. History of Holding Company Legislation in New York State: Some Doubts as to the «New Jersey First» Tradition. Fordham L. Rev. Vol. 24. № 3, 1955. P. 369, 371.

¹⁴⁰Chandler A. D. Strategy and structure: chapters in the history of the industrial enterprise. URL : <http://opylouti.ru/xilos.pdf> (дата обращения: 09.06.2015).

¹⁴¹Ballantine. H. W. Op. cit. P. 39.

четко определенными организационными линиями были просто детьми в сравнении с современными конгломератами-монстрами»¹⁴².

Однако концепция корпоративной личности и ограниченной ответственности как и в Великобритании порождала многочисленные споры по причине того, что корпоративная форма организации бизнеса «прикрывает» недобросовестные действия со стороны контролирующих лиц, оставляя в незащищенном положении ее кредиторов.

Так, судья Брандейс в деле *Liggett v. Lee*¹⁴³ достаточно емко охарактеризовал тенденцию недоверия населения США относительно корпоративной формы организации бизнеса:

«Процесс инкорпорации в бизнес целях был воспринят негативно после того, когда компания стала использоваться в целях религиозных, культурных, благотворительных. Причиной такого негатива являлась боязнь. Боязнь злоупотребления свободой личности. Боязнь капитала, монополии, поглощения капитала корпорации. А также боязнь их вечной жизни, следствием которой может стать процесс «мертвой руки»»¹⁴⁴.

Кроме того, недоверие населения обуславливалось тем, что создание целых семей, состоящих из дочерних аффилированных компаний, преследовало неподобающие цели, в частности, уклонение от налогообложения, обеспечение и поддержание репутации определенного холдинга, неумное стремление воспользоваться преимуществом ограниченной ответственности и т.п.¹⁴⁵.

Принимая во внимание тенденцию распространения корпораций по территории США, с одной стороны, а также растущее недоверие населения, в частности, кредиторов, с другой стороны, в американском праве назрела необходимость в формализации корпоративных отношений. И такая

¹⁴²Федчук В. Д. Указ. соч. С. 37.

¹⁴³*Liggett v. Lee*, 288 U.S. 548 (1932).

¹⁴⁴*Liggett v. Lee*, 288 U.S. 548 (1932) ; «Мертвая рука» - процесс приобретения недвижимости церковными, благотворительными и иными учреждениями без права ее передачи.

¹⁴⁵Douglas & Shanks. *Insultation From Liability Through Subsidiary Corporations*. 39 YALE L.J. 193, 193 (1929) ; Ballantine H. W. *Op. cit.* P. 309.

регламентация ответственности корпоративной организации бизнеса (enterprise liability) на законодательном уровне по мнению Ф. Бламберга берет начало в период Великой депрессии (Great Depression)¹⁴⁶. С 1933 года по 1935 год было принято несколько федеральных законов и законов штатов в сфере обращения ценных бумаг, железнодорожных и коммунальных услугах, прямо или косвенно регулирующих деятельность групп корпораций¹⁴⁷. Далее, в американском праве принимаются статуты, в которых посредством детализации корпоративного контроля сделан шаг к ответственности всего корпоративного предприятия¹⁴⁸. Например, в Акте 1956 года¹⁴⁹ определено, что основанием для презумпции контроля служит доля в размере 25% либо контроль за голосующими акциями.

Тем не менее существовала опасность злоупотребления корпоративной формой и принципом ограниченной ответственности. Во избежание этого в американском праве как в праве Великобритании появился новый механизм, пресекающего действия. И такой механизм получил название «снятие корпоративной вуали», который по прошествии времени преобразовался в правовую доктрину. При этом на процесс становления доктрины «проникновения за корпоративный занавес» оказали значительное влияние и многочисленная судебная практика в связи с прецедентной направленностью правовой системы США, и теоретические взгляды ведущих правоведов.

Предположительно, первым решением, посягающим на самостоятельность и ограниченную ответственность корпорации, стало решение по делу *United States v. Milwaukee Refrigeration Transit Co.*¹⁵⁰, вынесенное Федеральным окружным судом штата Висконсин в 1905 году. Анализируя обстоятельства названного дела окружной судья Сэнборн заявил следующее:

¹⁴⁶Blumberg P. I. The Increasing Recognition of Enterprise Principles Determining Parent and Subsidiary Corporation Liabilities. 28 CONN. L. REV. 295, 1996.

¹⁴⁷Ibid.

¹⁴⁸Ibid.

¹⁴⁹Акт о банковских холдинговых компаниях 1956 г. (The Bank Holding Company Act of 1956). URL : <http://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1637&context=dlj> (дата обращения: 12.06.2015).

¹⁵⁰U. S. v. Milwaukee Refrigerator Transit Co., 142 F. 247 (E. D. Wis. 1905).

«Корпорация по общему правилу будет пониматься как самостоятельное юридическое лицо с ограниченной ответственностью и до тех пор, пока не будет обосновано доказано противоположное; вместе с тем, когда понятие юридического лица используется для нарушения публичных интересов, оправдания правонарушения, сокрытия мошенничества, защиты преступления, закон будет расценивать корпорацию как ассоциацию лиц»¹⁵¹.

Приведенная из данного дела выдержка еще раз свидетельствует о том, что американский суд на тот период времени уже был готов к пренебрежению концепцией самостоятельности юридической личности и ограниченной ответственности в особых случаях и для целей рассматриваемого спора.

Вскоре после принятия решения по делу *United States v. Milwaukee Refrigeration Transit Co*¹⁵². в издании американского журнала *Columbia Law Review* 1912 года появляется публикация практикующего юриста Мориса Уормсера под названием «Прокол корпоративной вуали»¹⁵³. Значение данной статьи заключается в первую очередь в том, что в правовой обиход был введен термин «piercing the corporate veil» относительно случаев возможного пренебрежения корпоративной личностью. Кроме того, автор публикации при помощи приема сравнения потенциального злоупотребления корпоративной личностью и ограниченной ответственностью с сюжетом известной детской сказки Шарля Перро «Красная шапочка» наглядно проиллюстрировал необходимость «проникновения за корпоративную вуаль» в случаях, когда корпорация представляет собой альтер-эго своих акционеров. Ко всему прочему, термин «piercing the corporate veil» («прокол корпоративной вуали») был успешно адаптирован и в Соединенном Королевстве Великобритании, но в несколько иной интерпретации - «lifting the corporate veil» («подъем корпоративной вуали»), придающей более благородное звучание.

¹⁵¹142 F. 247, 255 (7th Cir. 1905).

¹⁵²U. S. v. Milwaukee Refrigerator Transit Co., 142 F. 247 (E. D. Wis. 1905).

¹⁵³Wormser I. M. «Piercing the Veil of Corporate Identity», 12 *Columbia L. Rev.*, 1912. P. 496–524.

Вклад М. Уормсера в процесс становления доктрины «снятия корпоративной вуали» оценивается не только вышеприведенной статьей, но и в книге под названием «Франкенштейн, инкорпорейтед»¹⁵⁴, в которой автор развил свои основные концепции.

В 1955 году американским судом принимается прецедентное решение по делу *Bartle v. Home Owners Cooperative*¹⁵⁵, в котором говорится о «проникновении за корпоративный занавес» как исключении из общего правила ограниченной ответственности юридического лица, применяемого либо в целях предотвращения мошенничества, либо в целях достижения права справедливости. Кроме того, в данном деле дано толкование того обстоятельства, в соответствии с которым возможно ведение бизнеса посредством дочерних компаний в целях уклонения от личной ответственности.

Вслед за решениями по делам *United States v. Milwaukee Refrigeration Transit Co.*¹⁵⁶, *Bartle v. Home Owners Cooperative*¹⁵⁷, а также публикацией М. Уормсера¹⁵⁸ американские суды разных штатов стали активно принимать решения, направленные на «проникновение за корпоративный занавес»¹⁵⁹. Например, в Калифорнии частота удовлетворения требований о применении доктрины «снятия корпоративной вуали» составляет 27 % процентов случаев¹⁶⁰. Соответственно, в рамках всей федерации речь идет не о нескольких десятках дел, а о десятках тысяч. К тому же, подчеркивая значительное количество дел, в своем исследовании Роберт Томпсон отметил, что вопрос «снятия корпоративной вуали» среди вопросов корпоративного права США наиболее часто становится предметом рассмотрения судов, и по некоторым оценкам — даже абсолютным

¹⁵⁴Wormser I. M. *Frankenstein, incorporated*. N. Y. New York: McGraw-Hill., 1931. 242 p.

¹⁵⁵*Bartle v. Home Owners Cooperative* (N. Y. 1955).

¹⁵⁶*U. S. v. Milwaukee Refrigerator Transit Co.*, 142 F. 247 (E. D. Wis. 1905).

¹⁵⁷*Bartle v. Home Owners Cooperative* (N. Y. 1955).

¹⁵⁸Wormser I. M. *Op. cit.* P. 496 - 518.

¹⁵⁹Dewey J. *The Historic Background of Corporate Legal Personality*. 35 *YALE L. J.* 655 *passim*, 1926 ; Fuller W. *The Incorporated Individual: A Study of the One- Man Company*. 51 *HARV. L. REV.* 1373 *passim*, 1938.

¹⁶⁰Matheson J. H. *The Modern Law of Corporate Groups: An Empirical Study of Piercing the Corporate veil in the Parent-Subsidiary Context*. *North Carolina Law Rev.* 87, 2009. P. 1118.

лидером¹⁶¹. Ко всему прочему, в контексте настоящего параграфа исследования считаем необходимым отметить деятельность американского профессора Томпсона.

Профессор впервые исследовал вопрос «проникновения за корпоративный занавес» на уровне комплексных научных произведений. Он является автором таких работ как «Piercing the Corporate Veil: An Empirical Study» («Снятие корпоративной вуали»: эмпирическое исследование)¹⁶², «Piercing the Veil Within Corporate Groups: Corporate Shareholders as Mere Investors» («Снятие корпоративной вуали» с участием холдинговых структур: акционеры корпорации - просто инвесторы)¹⁶³, «Piercing the Veil: Is the Common Law the Problem?» («Снятие корпоративной вуали»: проблема общего права?)¹⁶⁴ Метод исследования Роберта Томпсона примечателен следующим: он изучил особенности применения механизма «снятия корпоративной вуали» посредством проведения детального статистического анализа судебной практики, тем самым внес немаловажный вклад в доктринальные разработки.

Итак, возвращаясь к вопросу «проникновения», попытаемся выявить причину указанной выше судебной активности. Возможно, основная причина кроется в особенности политической системы США, а именно в применении принципа федерализма. В связи с чем, необходимо учитывать факт того, что и договорное, и деликтное, и уголовное, и корпоративное право фактически относятся к ведению каждого штата Америки. В частности, при решении того или иного спора судебная система в штате Калифорния функционирует в следующем порядке: вышестоящими по отношению к судам первой инстанции являются шесть апелляционных судов. Между тем, суды первой инстанции обладают правом выбирать ту или иную позицию в случае расхождения позиций

¹⁶¹Thompson R. B. Piercing the Corporate Veil: An Empirical Study. 76 Cornell L. Rev., 1991. P. 1036.

¹⁶²Thompson R. B. Op. cit. P. 1036-1074.

¹⁶³Thompson R. B. Piercing the Veil Within Corporate Groups: Corporate Shareholders as Mere Investors, 13 Conn. J. Int'l. L., 1999. P. 379-396.

¹⁶⁴Thompson R. B. Piercing the Veil: Is the Common Law the Problem? 37 Conn. L. Rev., 2005, P. 619-637.

апелляционных судов Калифорнии. Третьей инстанцией выступают решения Верховного суда Калифорнии, обладающие обязательной силой для всех нижестоящих. При этом А. Н. Верещагин замечает, что решения Верховного суда Калифорнии в сравнении с высшими судами иных штатов Америки чаще всего обладают силой убеждающего прецедента¹⁶⁵. Последней инстанцией является Верховный суд США, решения которого носят обязательную силу для всех судов регионального значения.

Следовательно, в истории становления доктрины сформировался опирающийся на позицию Верховного суда США «региональный» подход решения вопросов, в том числе и в части «проникновения за корпоративный занавес». Причем при решении идентичных вопросов подходы в разных штатах могут не только отличаться, но и приводят к совершенно противоположным результатам, хотя и не исключена определенная степень взаимовлияния.

Среди основных «региональных» подходов в истории пренебрежения корпоративной личностью и ограниченной ответственностью в американском праве можно выделить теории «агентства», «инструментария», «идентичности», «альтер-эго», «злоупотребления корпоративной формой»¹⁶⁶, «пособничества и ратификации» и т. д.

Теория агентства заключается в том, что достаточным доказательством являются обстоятельства, свидетельствующие об агентских отношениях корпорации и бенефициара, поэтому все действия корпорации следует рассматривать как действия самого бенефициара¹⁶⁷. Кроме того, в практике американских судов не наблюдается четкого разграничения доктрины «снятия корпоративной вуали» и «агентских отношений», что свидетельствует о их «взаимодополняемости» и даже «взаимозаменяемости»¹⁶⁸.

Теория «альтер-эго» направлена на установление факта доминирования иных лиц в деятельности и управлении корпорации, причем такое доминирование

¹⁶⁵Верещагин А. Н. Указ. соч. С. 76 - 78.

¹⁶⁶Федчук В. Д. Указ. соч. С. 43.

¹⁶⁷Kissun v. Humana, Inc., 479 S.E.2d 751, 753 (Ga. 1997).

¹⁶⁸Наприм., в делах Consol. Dev. Corp. v. Sherritt, Inc., 216 F.3d 1286, 1293-94 (11th Cir.2000); Showa Denko K.K. v. Pangle, 414 S.E.2d 658, 659-62 (Ga. App. 1991) и т.д.

выражается через схему, когда дочернее общество не только является частью основного, но и способно полностью подменить его, стать «вторым я».

Инструментальная теория также направлена на установление факта доминирования иных лиц в деятельности и управлении корпорации, причем такое доминирование выражается через схему, когда дочернее общество привлекается основным как «инструмент, средство» для достижения определенных целей, зачастую при достижении таких целей интересы дочернего общества не учитываются.

Суть *теории «пособничества и ратификации»* состоит в доказывании истцом обстоятельств дела, свидетельствующих о содействии контролирующего акционера в оказании неправомерных действий по отношению к кредитору либо об «активном» одобрении контролирующим акционером недобросовестных действий должника, которые затрагивают в той или иной сфере интересы кредитора.

Совокупное отражение элементов «агентской теории» и теории «пособничества и ратификации» наблюдается во многих делах, например, в деле *Bowoto v. Chevron Texaco Corp.*¹⁶⁹, в деле *Sonora Diamond Corp. v. Superior Court*¹⁷⁰, что подтверждает альтернативную природу вышеупомянутых теорий.

Ко всему прочему, в ходе обращения к той или иной из вышеназванных теорий американскими судами формируется список достаточно схожих элементов (факторов), релевантных для «проникновения за корпоративный занавес». Формирование данных элементов (факторов) обусловлено процессом установления подлежащих доказыванию обстоятельств. Однако, учитывая индивидуальный подход к рассмотрению споров, в практике американского суда не существует универсального списка элементов (факторов), он составляется применительно к конкретному отдельному случаю для достижения справедливости (equity). В частности, Лендерс, определяя место доктрины «снятия корпоративной вуали» в американском праве, пояснил, что она

¹⁶⁹F. Supp. 2d 1229, 1241-48 (N.D. Cal. 2004).

¹⁷⁰Cal. App. 4Th 523, 540-46 (2000).

фактически эволюционировала в доктрину права справедливости¹⁷¹. Поясняя данную позицию, обратимся к научным изысканиям отечественных и зарубежных правоведов. Так, С. Л. Будылин, Ю. Л. Иванец, анализируя американскую практику рассмотрения подобных дел, выделили особенность, которая носит сугубо процессуальный характер. В ходе установления обстоятельств при обращении судом к списку элементов подлежит доказыванию каждый элемент в отдельности; а в ходе установления обстоятельств при обращении судом к списку факторов учитывается совокупность доказательств¹⁷². Хотя и в одном деле могут фигурировать как и списки элементов, так и списки факторов. Например, в деле *American Fuel Corp. v. Utah Energy Development Co*¹⁷³. в процессе доказывания двух элементов: 1) доминирование владельца над корпорацией касательно рассматриваемой сделки (*exercised complete domination*); 2) наличие непосредственно связанного с предыдущим элементом деликта (обмана или правонарушения, *fraud or wrong*), а также ущерба; устанавливалась следующая совокупность факторов: соблюдение корпоративных формальностей, недостаточная капитализация, применение средств корпорации в личных целях, наличие «пересечений» у двух компаний в части акционеров, менеджеров, работников, офисных помещений, юридических и фактических адресов, имущества, номеров телефонов и др., соблюдается ли принцип «вытянутой руки»¹⁷⁴ при совершении сделок, какова степень коммерческого усмотрения, как распределяется прибыль в корпорации и т. д.

Кроме того, однородные элементы (факторы) в американской судебной практике относительно «проникновения за корпоративный занавес» приводятся многими зарубежными исследователями права. В частности, Доббин выделил следующий ряд обязательных элементов, подлежащих доказыванию: 1)

¹⁷¹Landers. Another Word on Parents, Subsidiaries and Affiliates in Bankruptcy, 43 U.CHI. L. REV. 620 (1976).

¹⁷²Будылин С. Л., Иванец Ю. Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник ВАС РФ. 2013. №.7. С. 120-122.

¹⁷³*American Fuel Corp. v. Utah Energy Development Co., Inc.*, 122 F.3d 130 (2d Cir. 1997).

¹⁷⁴Прим. Принцип «вытянутой руки» в англосаксонском праве гласит, что порядок и условия заключение сделок точно такие же как и для других контрагентов, т. е. отсутствие каких-либо привилегий.

установление факта неотделимости личности акционеров и корпорации, 2) при «совпадении» интересов и собственности корпорации и ее акционеров компанией ведется деятельность, приводящая к ненадлежащим результатам¹⁷⁵. Фредерик Дж. Пауэлл посредством обобщения судебных споров, связанных со «снятием корпоративной вуали», в своем научном изыскании «Материнская и дочерняя корпорации» сформулировал трехфакторный тест¹⁷⁶. Суть данного теста заключается в том, что в ходе рассмотрения дел относительно «проникновения за корпоративный занавес» судом проверяется наличие двух фактов: контроля либо обособленности (control/separateness) в деятельности и управлении компании и противоправности действия (wrongful conduct), а также устанавливается причинно-следственная связь между ними. При этом значение трехфакторного теста в американской юридической литературе оценивается очень высоко. Братья Крэндлы отметили, что применение данного теста помогает судам в отношениях между материнской и дочерней компаниями установить случаи действительной необходимости в игнорировании корпоративной личности и привлечения к ответственности основной компании по обязательствам дочерней¹⁷⁷. Кроме того, тест Пауэлла позволил американскому суду руководствоваться достаточно четким правилом для определения условий «снятия корпоративной вуали»¹⁷⁸.

Вместе с тем достаточно сложно определить категории дел, к которым применимы установленная С. Л. Будылиным, Ю. Л. Иванец особенность, а также однородные элементы (факторы), поскольку для американского права в области «проникновения за корпоративный занавес», поскольку, повторим вышеприведенную мысль Лендерса в несколько иной интерпретации, определяющей чертой является следование прецедентным принципам справедливости¹⁷⁹. Соответственно, оценивая основания для «снятия

¹⁷⁵Barber D. Piercing the Corporate Veil. Willamette L. Rev. Vol. 17. № 1, 1981. P. 371, 376, 378.

¹⁷⁶Powell F. J. Parent and Subsidiary Corporations. Chicago: Callaghan, 1931. Par. 5-6.

¹⁷⁷Krendl C. S., Krendl J. R. Piercing the Corporate Veil: Focusing the Inquiry. Denv. L. J. Vol. 55. 1 e. s., 1978. P. 23-24.

¹⁷⁸Krendl C. S., Krendl J. R. Op. cit. P. 13.

¹⁷⁹ Будылин С. Л., Иванец Ю. Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник ВАС РФ. 2013. №.7. С. 120-122.

корпоративной вуали», суд в аналогичном деле может прийти к совершенно противоположному результату. Например, неоднозначна практика судов штата Калифорния в вопросе о достаточности доказанности факта недофинансирования акционерами корпорации для применения положений доктрины «проникновения за корпоративную вуаль». Так, в деле *Nilsson, Robbins, Dalgarn, Berliner, Carson & Wurst v. Louisiana Hydrolec*¹⁸⁰ суд, опираясь на выводы прецедентного решения по делу *Minton v. Cavaney*¹⁸¹, указал, что допускается привлечение к ответственности акционеров корпорации ввиду установления только факта ее недофинансирования. При этом в деле *Temple v. Bodega Bay Fisheries, Inc*¹⁸², суд пришел к иным выводам. Он посчитал, что для привлечения к ответственности акционеров корпорации необходимо установить совокупность релевантных факторов, в том числе и факт недостаточной капитализации компании.

Помимо установления факта недостаточной капитализации компании в американской судебной практике в вопросе «проникновения за корпоративный занавес» существенную роль играют и другие. Например, несоблюдение акционерами компании формальностей. Законодательные требования в части соблюдения корпоративных процедур могут быть связаны как с органами управления компании, так и с порядком осуществления деятельности, направленной на извлечение прибыли. Суд США зачастую игнорирует корпоративную личность и принцип ограниченной ответственности в том случае, если ему станет известно, что компания начала осуществлять свою деятельность до завершения регистрации в качестве юридического лица. Более подробные примеры значения и роли установления таких фактов как: недофинансирования компании, несоблюдения акционерами корпоративных формальностей и процедур, смешения активов, использования корпоративной формы юридического лица во избежание личной ответственности и для совершения нелегальных операций, намеренное сокрытие реальных владельцев, менеджеров и

¹⁸⁰*Nilsson, Robbins, Dalgarn, Berliner, Carson & Wurst v. Louisiana Hydrolec*, 854 F. 2d 1538, 1544, 11 Fed. R. Serv. 3d 1219 (9th Cir. 1988).

¹⁸¹*Minton v. Cavaney*, 56 Cal. 2d 576, 364 P. 2d 473, 15 Cal. Rptr. 641 (1961).

¹⁸²*Temple v. Bodega Bay Fisheries, Inc.*, 180 Cal. App.2d 279, 283, 4 Cal.Rptr. 300 (1960) ; *Talbot v. Fresno-Pacific Corporation*, 181 Cal. App. 2d 425, 5 Cal. Rptr. 361 (1960).

т. п. в процессе «проникновения за корпоративную вуаль» будут приведены во второй главе настоящего диссертационного исследования.

Определяя существующие «региональные» подходы в решении вопросов, связанных со «снятием корпоративной вуали», судья Кардозо пояснил следующее:

«... Такие теории очень метафоричны. Однако к метафорам в праве необходимо относиться с большой настороженностью...»¹⁸³.

С настороженностью к метафорам в теориях «проникновения за корпоративный занавес» относится и П. Бламберг, который поясняет, что следствием их частого использования стала критика самой доктрины¹⁸⁴.

Однако применение критико-правового метода к доктрине «снятия корпоративной вуали» не преследует цель показать ее несостоятельность. Отнюдь при соблюдении принципов научного познания критика приводит к объективным и достоверным знаниям¹⁸⁵. Одним из ведущих критиков «проникновения за корпоративный занавес» является известный ученый в сфере корпоративного права Стивен М. Бейнбридж, который опубликовал статью, посвященную основным проблемам пренебрежения корпоративной личностью и ограниченной ответственностью¹⁸⁶. Среди таких проблем ученый называет неопределенность случаев для применения доктрины, широкий диапазон для судебного усмотрения, нечеткость и расплывчатость формулировок, отсутствие единообразной практики рассмотрения споров по аналогичным обстоятельствам в разных штатах и т. п. В свою очередь, он предлагает отказаться от использования доктрины «снятия корпоративной вуали», в частности, когда речь идет об отдельных акционерах (физических лиц)¹⁸⁷ и прибегнуть к альтернативным вариантам привлечения к ответственности основного общества по обязательствам дочернего. Например, Стивен М. Бейнбридж полагает, что специальные положения касательно мошеннических действиях при переводе активов (*fraudulent transfer law*) и особых

¹⁸³Berkey v. Third Ave. Ry. Co., 244 N.Y. 84, 94, 155 N.E. 58, 61 (1926).

¹⁸⁴Blumberg P. I. Op. cit. Par. 6.01. P. 107 ; Ballantine. H. W. Op. cit. P. 312-313.

¹⁸⁵Сырых В. М. История и методология науки : учебник. М. : Норма , 2012. С. 321.

¹⁸⁶Bainbridge S. M. Abolishing Veil Piercing. 26 J. Corp. L. P., 2001. P. 479, 480.

¹⁸⁷Bainbridge S. M. Op. cit. P. 479, 480.

преимуществах при банкротстве (*bankruptcy preferences*) полноценно заменят доктрину и внесут четкие ориентиры для всего судейского сообщества¹⁸⁸. К тому же при использовании данных положений у судей отпадает необходимость установления конкретных факторов. Бейнбридж приводит только два случая привлечения основного общества к ответственности кредитором по договору: во-первых, при введении в заблуждение кредитора, по этой причине ими не были предъявлены требования к основному обществу касательно личной гарантии, во-вторых, основным обществом совершены действия по выводу активов из дочернего, в итоге последнее оказалось не в состоянии удовлетворить требования кредиторов¹⁸⁹.

Несмотря на весомые аргументы, позиция Бейнбриджа не нашла поддержки в среде американских правоведов¹⁹⁰. Основной причиной расхождения позиций стал довод о том, что в процессе применения четких правил о неправомерной передаче активов, преимущественных правах при банкротстве и введении в заблуждение вместо доктрины «снятия корпоративной вуали» американские суды не смогут эффективно предотвратить злоупотребления и недобросовестные действия в корпоративной сфере в виду утраты «гибкости» принятия решений о привлечении к ответственности контролирующих лиц. Вместе с тем критики метода Бейнбриджа аргументируют свою позицию планированием контролирующими лицами проведения сделок, направленных на преодоление тех или иных формальных положений законодательства. Кроме того, ими приводится распространенный в судебной практике пример инсайдерских сделок и фидуциарных обязательств директоров, которые в силу своей природы не подлежат детальной регламентации¹⁹¹.

В результате примененный Бейнбриджем критико-правовой метод исследования выявил важную особенность: слабые стороны доктрины «снятия корпоративной вуали» отражают в себе сильные, что заключается в

¹⁸⁸Bainbridge. *Op. cit.* P. 517.

¹⁸⁹*Ibid.* P. 517.

¹⁹⁰Ramberg R. *Piercing the Corporate Veil: Comparing the United States with Sweden.* 17 *New Eng. J. Int'l & Comp. L.* P. 6.

¹⁹¹Thompson R. B. *Op. cit.* P. 1043.

использовании судами «гибкого» подхода при решении дел, связанных с пренебрежением корпоративной личностью и принципом ограниченной ответственности во избежание многочисленных злоупотреблений и недобросовестных действий контролирующих лиц.

Следует отметить со знаком «плюс», что обращение к доктрине «снятия корпоративной вуали» в рамках англо-американского права сопровождается вместе с применением судебных мер, позволяющих исключить «лжесвидетельство»: система досудебного раскрытия доказательств (disclosure/discovery), перекрестный допрос, процессуальные санкции, взыскание судебных расходов и т.п., с целью вынесения справедливого решения по делу. Например, такая мера как взыскание с недобросовестной стороны судебных расходов за подачу явно необоснованного иска дает возможность не загружать англо-американское судопроизводство. Относительно перекрестного допроса в научной литературе сложилось распространенное мнение о том, что это «самая совершенная и эффективная система для разоблачения лжи, когда-либо созданная изобретательностью смертных»¹⁹².

Итак, рассматривая становление и развитие доктрины «снятия корпоративной вуали» в историческом аспекте, а также с позиции сравнительно-правового анализа можно сделать следующие выводы:

- Как в английском праве, так и в американском праве «проникновение за корпоративный занавес» является «реакцией» на утвердившуюся концепцию современного корпоративного лица, в которой принцип ограниченной ответственности создает возможности для злоупотреблений корпоративной формой юридического лица.

- В отличие от общей природы возникновения доктрины «снятия корпоративной вуали» в праве Великобритании и США ее становление и развитие обусловлено особенностями формирования в разных правовых системах. Так, несмотря на консервативность взглядов, особенной чертой английского права

¹⁹² Langbein J.H. Historical Foundations of the Law of Evidence: A View from the Ryder Sources // Columbia Law Review. 1996. Vol. 96. P. 1168-1202, 1200.

является сменяемость, которая строится на следующем постулате: «проникновение за корпоративный занавес» возможно только тогда, когда концепция корпоративного лица подвержена тенденции поиска новых принципов, обосновывающих ее актуальность, в то время как прежние не способны решить спор по существу. В свою очередь, данная особенность совершенно не актуальна для американского права, в котором наблюдается спонтанное применение доктрины «снятия корпоративной вуали», т. е. каждый штат формирует свою практику обращения к ней индивидуально, независимо от воли и волеизъявления соседних, поэтому в одних штатах ее роль – велика, а в других сведена к минимуму.

- Помимо выделенной особенности существуют и другие. Например, для права США характерен более гибкий подход применения доктрины «снятия корпоративной вуали», который объясняется возможностью обращения к другим теориям при обосновании судом «проникновения за корпоративный занавес»: к «инструментальной» теории, теории «агентских отношений», теории «альтер-эго», теории «пособничества и ратификации» и др., что редко допускается в праве Великобритании. В английском праве суд предпочитает обращаться к названным теориям отдельно от доктрины. Ниже рассмотрим более подробно анализ особенностей становления и развития доктрины «снятия корпоративной вуали» в данных правовых системах.

- В целом, как право Великобритании, так и право США имеет значительный опыт «проникновения за корпоративный занавес», который измеряется периодом времени протяженностью более ста лет. Существующая англо-американская судебная практика по «снятию корпоративной вуали» в совокупности с законодательным оформлением и научными изысканиями является ценным источником для изучения, а также фундаментально базой для рецепции, которая может гарантировать успешный старт.

1.3. ГЕНЕЗИС РАЗВИТИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ДОКТРИНЕ «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ И РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

История развития корпорации, самостоятельности юридического лица и принципа ограниченной ответственности имеет место не только в Великобритании и США, но и в других странах, принадлежащих, например, к романо-германской правовой семье. Причем, общей чертой как и для стран, относящихся к системе общего права, так и для стран континентального права в истории становления и развития корпорации является все те же экономические силы, определяющие общественную потребность в удобной форме организации бизнеса.

Отличительной чертой является разная трактовка термина «корпорация» в англосаксонской и континентальной системах права. Для стран системы общего права характерно широкое понимание данного термина. К примеру, И. С. Шиткина пояснила, что корпорации в США представляют собой четыре группы, в соответствии с чем в первую группу входят публичные (public) — государственные, муниципальные органы, а также иные подразделения государственного аппарата; во вторую — полупубличные (quasipublic), существующие на деньги налогоплательщиков и осуществляющие обслуживания общих потребностей населения (оборонные, железнодорожные, электро -, газо -, водоснабжающие, ирригационные корпорации и т. п.); в третью — непредпринимательские (non-profit), состоящие из религиозных, благотворительных, образовательных организаций и т. п.; в четвертую — предпринимательские (business)¹⁹³. Соответственно, страны романо-германской правовой семьи придерживаются более узкого подхода или, как охарактеризовала И. С. Шиткина, понимание корпорации близко к привычной нам категории юридического лица, которая включает в себя различные виды

¹⁹³Шиткина И. С. Холдинги: правовое регулирование и корпоративное управление: научно-практическое издание. М. : Волтерс Клувер, 2008. С. 5.

предпринимательских объединений: акционерные общества, полные, коммандитные товарищества, товарищества с ограниченной и дополнительной ответственностью, кооперативы, государственные предприятия, учреждения, объединения предпринимателей (концерны, ассоциации, холдинги) и т. п.¹⁹⁴.

Ко всему прочему, в правовой обиход разных стран термин «корпорация» был введен через рецепцию наследия римского права. Стоит отметить, что, переняв в той или иной степени правовой опыт Римской империи, страны, в основном континентальной системы права, со временем стали рассматривать корпорацию в качестве юридического лица. Однако немецкие правоведы внесли важное уточнение посредством разработки понятия «учреждения». Безусловно, вклад немецких цивилистов в развитие корпоративного права континентальной семьи не ограничивается этим обстоятельством.

Германия является ведущим представителем романо-германской правовой семьи, для которой характерны следующие черты:

- основой формирования юридической науки послужила рецепция римского права;
- законы (нормативно-правовые акты) - основной источник права;
- кодификация законодательства, отраслевое деление законодательства.

Кроме того, Р. Давид и К. Жоффре-Спинози в своем научном труде определили, что право ФРГ сегодня не только догнало, но и перегнало французское право по той роли, которую играет в его развитии — во всяком случае в ряде отраслей — судебная практика¹⁹⁵.

В связи с чем считаем необходимым обратиться к правовому опыту именно Германии, поскольку немецкая правовая школа является ориентиром для других стран романо-германской правовой семьи. Учитывая это обстоятельство и факт того, что к романо-германской правовой семье относится также отечественное право, полагаем важным определить в исторической ретроспективе возможные

¹⁹⁴Шиткина И. С. Указ. соч. С. 6.

¹⁹⁵Давид Р. Основные правовые системы современности / Пер. с франц. М. А. Крутоголова, В. А. Туманова. М.: Прогресс, 1967. С. 92.

предпосылки зарождения и становления доктрины «снятия корпоративной вуали», ее аналогов в российском праве.

Вместе с тем в настоящем параграфе речь пойдет не о доктрине «снятия корпоративной вуали» как явлении англо-американского права, а об ее аналогах, правовых механизмах, характерных для стран романо-германской семьи, которые позволяют в исключительных случаях преодолеть ограниченную ответственность юридической личности.

Несмотря на разные правовые семьи, в Германии сформировались механизмы, действие которых направлено на предотвращение возможного злоупотребления ограниченной ответственностью юридической личности, или, другими словами, аналоги англо-американской доктрины «снятия корпоративной вуали». История происхождения и становления таких аналогов берет начало, как и в англо-американском праве, вследствие утверждения концепции современного корпоративного лица, которая зиждится на принципе ограниченной ответственности.

Если рассматривать историю становления самой концепции современного корпоративного лица в сравнении с англо-американским правом, то можно выделить целый ряд общих черт.

Во-первых, в немецком праве как и в Великобритании, так и в США прототипом современной корпорации служили общества, союзы, объединения, созданные с целью развития колониальной торговли.

Во-вторых, расширение сети железных дорог способствовало становлению акционерного законодательства как Германии, так и Великобритании, США.

В-третьих, предвестником ограниченной ответственности юридической личности являются действия законодательных органов европейских стран, в том числе и Германии, а также США, направленные на освобождение крупных корпораций от концессионных обязательств.

Между прочем, вышеприведенные черты еще раз подтверждают мировую тенденцию касательно необходимости в формировании и становлении корпорации, корпоративного права на рубеже XIX — XX веков.

Тем не менее правовой опыт Германии в истории развития корпорации и корпоративного права своеобразен; многие правовые механизмы являются образцовыми и нередко подвергаются рецепции правовыми системами разных стран. Например, некоторые правоведы отмечают, что на формирование отечественного законодательства существенное влияние оказала немецкая цивилистика¹⁹⁶. В частности, появлению такой организационно-правовой формы как общество с ограниченной ответственности российское право обязано в первую очередь немецкому законодательству¹⁹⁷. В этой связи считаем необходимым перечислить ниже особенные черты в истории становления и развития немецкой корпорации.

Во-первых, акционерное законодательство Германии сформировалось под влиянием наследия римского права и кодексов Наполеона.

В свое время Р. Давид и К. Жоффре-Спинози констатировали факт *«возрождения изучения римского права — вот главное, что отмечает возникновение романо-германской правовой семьи. Страны, входящие в эту семью, — это исторически те страны, в которых юристы и практики получали правовое образование в университетах, восприняли правовые концепции, взгляды и образ мыслей школы римского права»*¹⁹⁸. Соответственно, история современной корпорации континентального права уходит корнями далеко, в Римскую империю. Латинское выражение *«corpus habere»* обозначало права юридической личности, которые признавались за частными союзами (ассоциациями, коллегиями), начиная с 60-ых годов II века нашей эры. Организовать такой союз могли трое или более человек, получив официальное разрешение. Древнеримский протопит современной корпорации имел возможность владеть собственностью, возбуждать дела в суде, преследоваться по суду, управлялся на основании собственного устава, продолжал действовать в случае изменения состава

¹⁹⁶Наприм.: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 2009. 351 с. ; Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т.1: Введение. Торговые деятели. М. : Статут, 2003. Т.1.

¹⁹⁷Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М. : Статут, 2008. С. 261.

¹⁹⁸Давид Р. Указ. соч. С. 41.

организаторов, поэтому в некоторых аспектах он отвечал признакам юридического лица¹⁹⁹. Однако данные союзы так и не стали субъектом права. Вместе с тем Т. В. Кашанина справедливо замечает, что во времена падения Римской империи эти ассоциации потеряли свое первоначальное значение, но деловые традиции могли быть сохранены и переданы народам, водворившимся на останках Римской империи²⁰⁰. Переняв в той или иной степени правовой опыт Римской империи, страны, в основном континентальной системы права, со временем стали рассматривать корпорацию в качестве юридического лица. Такой подход просуществовал достаточно долгое время, пока немецкие правоведы не разработали понятие «учреждение», тогда под корпорацией стали понимать организацию, основанную на членстве или участии²⁰¹. В этой связи можно полноправно утверждать, что немецкое корпоративное право сформировалось под влиянием деловых традиций и наследия римского права.

Помимо правового наследия Римской империи в историю становления немецкого корпоративного права свою лепту внес знаменитый Кодекс Наполеона. Согласно данным энциклопедического словаря он представляет собой свод гражданского законодательства Франции, принятый в марте 1804 года в период Консульства Наполеона²⁰². Помимо создания унифицированной системы гражданского права в нем были зафиксированы положения, в том числе, направленные на свободу предпринимательства и торговли. В частности, В. В. Долинская указала, что в данном кодексе впервые был легализован правовой институт акционерных обществ. *«Акционерная форма была разделена на акционерное товарищество и акционерную коммандиту. Акционерные товарищества создавались по-прежнему на основе разрешений правительства, не обязанного мотивировать свой отказ. Акционерные коммандиты были*

¹⁹⁹Maine H. S. Ancient Law. New York : Henry Holt & Company, 1888. P. 121-122.

²⁰⁰Кашанина Т. В. Корпоративное право. М. : Норма-Инфра, 1999. С. 91.

²⁰¹Герваген Л. Л. Развитие учения о юридическом лице // Журнал гражданского и уголовного права: Издание С.-Петербургского Юридического Общества. Кн. 10. 1888. С. 68-93 ; Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. С. 49.

²⁰²Энциклопедический словарь. URL : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/78978> (дата обращения : 03.08.2015 г.).

освобождены от необходимости получения правительственного разрешения и жесткого государственного контроля»²⁰³. Кроме того, правовед отмечает в отношении немецкой системы права то, что она находилась под сильным влиянием представлявшего опору для власти римского права и кодексов Наполеона²⁰⁴. В частности, некоторые положения Кодекса Наполеона на территории германских земель начинают применяться еще в 1804 году. Процесс ассимиляции и рецепции продолжает вплоть до принятия Германского гражданского уложения 1896 года.

Во-вторых, становление немецкой корпорации произошло с учетом тесной связи банков с промышленностью.

Данную особенность можно рассмотреть при помощи обращения к праву концернов, поскольку такая связь напоминает собой объединение предприятий. С позиции § 18 Закона 1965 года под концерном понимается предпринимательское объединение, образуемое как на добровольной, так и на принудительной основе. По мнению И. С. Шиткиной такие объединения классифицируются на вертикальные (субординационные) и горизонтальные (равноправные). Соответственно, вертикальный концерн представляет собой объединение предприятий, в котором контролирующее предприятие оказывает решающее влияние на зависимые. Горизонтальный концерн представляет собой объединение в правовом отношении самостоятельных, независимых друг от друга предприятий, объединенных единым руководством²⁰⁵. В свою очередь, межотраслевая интеграция в Германии происходила в условиях акционерных, финансовых, а также деловых взаимоотношений концернов с финансовыми институтами. Такие взаимоотношения привели к тому, что банки не только финансировали корпорации, но и управляли ими. Еще в период 1815-1870 годов частные банкиры из Рейнской области примеряли на себя роли как политических посредников, так и учредителей железнодорожных, промышленных предприятий.

²⁰³Долинская В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции. URL : <http://www.zahvat.ru/media/bookshelffile/original/33848.pdf> (дата обращения: 18.01.2016).

²⁰⁴Долинская В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции. URL : <http://www.zahvat.ru/media/bookshelffile/original/33848.pdf> (дата обращения: 18.01.2016).

²⁰⁵Шиткина И. С. Указ. соч. С. 72.

Для этого они создавали целые синдикаты банкиров и заручались правительственной поддержкой, что позволяло им становиться акционерами компаний на особо благоприятных условиях. Кроме того, банкиры умело размещали долгосрочные ценные бумаги корпораций, практиковали предоставление краткосрочных кредитов корпорациям, занимали ключевые позиции в правлении корпорации и т. п. Современная Германия продолжает курс по интеграции финансовых институтов с концернами: известные банки оказывают прямое или косвенное влияние на деятельность предприятий посредством кредитно-расчетной деятельности, оказания консультационных услуг по анализу и прогнозированию рынков, финансовому планированию, сбору информации о технических решениях и нововведениях, обеспечения зарубежных интересов, оказания комбинированных услуг, сочетающих в себе проведение депозитных операций со страховой защитой, вхождения финансово-кредитных организаций в состав корпораций, перекрестного акционирования и т.п. Например, вокруг Немецкого банка «Deutsche Bank AG» сосредоточились многие корпорации, в частности, немецкий концерн «Bosch».

В-третьих, в процессе создания и становления немецкой корпорации в Германии тщательным образом изучался и анализировался зарубежный опыт.

Немцы не торопились с созданием корпоративного строя. Это объясняется тем, что в XVI-XVII веках внешняя торговля Германии находилась под полицейским надзором, поэтому объединение капиталов в тот период времени происходило очень редко. Зарождение крупных корпораций в стране началось лишь в XVIII века. Немецкое правительство предприняло попытки адаптации голландского типа корпорации. Для этих целей голландскими специалистами разрабатывались законопроекты, направленные на регулирование корпоративных отношений. Так, в 1729 году голландцами был подготовлен проект образования акционерного общества. Однако он был подвергнут критике, и в итоге правительство Германии отказалось от его реализации. Та же участь ожидала законопроекты 1734, 1735 годов. В свою очередь, Т. В. Кашанина охарактеризовала период с 1729 год по 1750 год в истории становления немецкой

корпорации «ученическим»²⁰⁶. Впоследствии немцы обращаются к французам, которые помогли в организации и создании первых корпорации на территории Германии: Азиатская компания, Африканская (бранденбургская) компания и др. По подсчетам Т. В. Кашаниной к концу XVIII века общая численность крупных корпоративных организации в данной стране составила всего лишь 29 компаний²⁰⁷. Естественно, такая немногочисленность не способствовала активизации законодательной деятельности в области корпоративного регулирования. Ситуация резко изменила в связи с расширением железнодорожных сетей. В 1838 году принимается Закон о железнодорожных предприятиях, в котором предусматривается правовая регламентация акционерных железнодорожных предприятий. В 1843 году принимается Закон об акционерных обществах (AG). Данные нормативно-правовые акты предусматривали, что для создания корпорации необходимо было получить специальное правительственное разрешение (концессионные обязательства), детализировался процесс формирования уставного капитала, установлена обязанность по публикации устава и четко определено его содержание, по ведению отчетности, ежегодного предоставления баланса, а также закреплена компетенция правления корпорации. В дальнейшем положения данного закона в части органов управления корпорацией были развиты в Торговом уложении 1861 года. Затем в Германии 60-ые годы ознаменовались промышленным подъемом, который требовал реформирования всего корпоративного законодательства. Учитывая британский опыт в сфере освобождения крупных корпораций от концессионных обязательств (1844 год), предоставления права ограниченной ответственности юридической личности (1855 -1857 годы), а также резкое увеличение акционерных обществ привело к массовым выпускам ценных бумаг и биржевой спекуляции, немецкое правительство принимает Закон 1870 года, основное значение которого заключалось в отмене концессионных обязательств. Кроме того, данным законом вменяется обязанность по осуществлению

²⁰⁶Кашанина Т. В. Указ. соч. С. 105.

²⁰⁷Кашанина Т. В. Указ. соч. С. 106.

наблюдательными советами акционерных обществ проверки баланса, отчета о распространении прибыли, доклада о результатах проверки на общих собраниях акционеров. Закон 1884 года вносит некоторые коррективы касательно регулирования деятельностью акционерного общества в части введения понятия учредителей, института бухгалтеров-аудиторов, определения руководящей роли общего собрания общества, вменения обязанности по оплате уставного капитала и т. д. В 1892 году немецкие законодатели принимают Закон об обществах с ограниченной ответственностью (Gesetz betreffend Gesellschaften mit beschränkter Haftung, GmbH)²⁰⁸. С этого момента немецкую корпорацию уже можно воспринимать в современном смысле, поскольку она обладает преимуществом ограниченной ответственности, способностью отвечать по своим обязательствам самостоятельно. В 1896 году принимается Германское гражданское уложение, частично регламентирующее вопросы корпоративной деятельности. К тому же оно действует по настоящее время с соответствующими изменениями и дополнениями. Помимо Германского гражданского уложения 1896 года из перечисленных выше источников сегодня применяется с дополнениями и изменениями Закон об обществах с ограниченной ответственностью 1892 года (Gesetz betreffend Gesellschaften mit beschränkter Haftung, GmbH). Важно понимать, что последний закон не регулирует участие GmbH в отношениях зависимости. В связи с чем немецкие суды прибегают к распространенному приему в системе континентального права, аналогии закона. Сходные отношения (отношения зависимости) в немецком праве регулирует Закон об акционерных обществах (Aktengesetz, AktG)²⁰⁹, который был принят 6 сентября 1965 года.

Итак, к началу XX века в Германии концепция самостоятельности корпорации получила свое законодательное оформление благодаря тщательному изучению зарубежного опыта в данной сфере, а также немецкой прагматичности, выразившейся в умении действовать *«осторожно и постепенно, как бы заранее*

²⁰⁸Gesetz betreffend Gesellschaften mit beschränkter Haftung, GmbH 1892. URL : <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/gmbhg/gesamt.pdf> (дата обращения: 10.09.2015).

²⁰⁹Акт об акционерных обществах 1965 г. (Aktengesetz, AktG) URL : <http://bundesrecht.juris.de/aktg/index.html> (дата обращения: 10.09.2015).

*предупреждая возможные негативные последствия, связанные с деятельностью корпорации»*²¹⁰. Впоследствии правовая регламентация деятельности корпорации в немецком праве приобретает форму права концернов или же права контролируемых компаний (Konzernrecht), которое по мнению В. Д. Федчука «содержит завершённую схему, специально регламентирующую статус отдельных участников группы компаний»²¹¹. Данная схема представляет собой свод правил, регулирующих структуру предприятий, находящихся в отношениях экономической зависимости, управление ими, аудит, отчетность, ответственность. Названные правила закреплены на законодательном уровне: в специальном Законе об акционерных обществах (Aktiengesetz)²¹², который применяется к публичным компаниям (Aktiengesellschaft, AG) и партнерствам с ответственностью, ограниченной акциями (Kommanditgesellschaften auf Aktien, KgaA), а также «содержит исчерпывающий перечень правил, регламентирующих контролируемые и контролируемые предприятия, известные как концерны («Konzern»)²¹³. В частности, в Законе 1965 года дано определение ассоциированного предприятия (§ 15); контролирующего и зависимого предприятия (§ 17); установлены правила, раскрывающие положения публичности и информации в отношении ассоциированных предприятий (§ 90, § 131, § 145, § 160, § 400 (1) и т. п.), специальные правила, применяемые к контролирующим и зависимым предприятиям (§ 56 (3), § 56 (2), § 71e, § 89, § 100, § 115, § 136, § 143 (3), § 31, в том числе методы регламентации контролирующих и контролируемых предприятий, правила, направленные на защиту акционеров и кредиторов; описаны четыре типа взаимоотношений «материнское — дочернее общество» (§ 15 — 19, § 290 — 338) и т. п.

Принимая во внимание вышеперечисленные особенности становления концепции корпорации современного типа в условиях немецкого права, остановимся подробнее на возникновении правовых механизмов, позволяющих в

²¹⁰Кашанина Т. В. Указ. соч. С. 107.

²¹¹Федчук В. Д. Указ. соч. С. 127.

²¹²Акт об акционерных обществах 1965 г. (Aktiengesetz, AktG) URL : <http://bundesrecht.juris.de/aktg/index.html> (дата обращения: 10.09.2015).

²¹³Федчук В. Д. Указ. соч. С. 99-100.

определенных ситуациях пренебрегать ограниченной ответственностью. Появление первых аналогов англо-американской доктрине «снятия корпоративной вуали» в немецком праве относится к 80-ым годам XX века. При этом ранее выявили, что формирование корпорации современного типа произошло на рубеже XIX - XX веков. Возникает вопрос: почему же в Германии ответная реакция в виде правового механизма «Durchgriffshaftung» последовала не вслед за введением в оборот ограниченной ответственности корпорации как это было в англо-американском праве? Может быть в немецкой практике отсутствовали какие-либо злоупотребления контролирующих лиц в отношении самостоятельности корпорации. Отнюдь нет. Для ответа на данный вопрос обратимся вновь к правовому исследованию В. Д. Федчука «De facto зависимость de jure независимых юридических лиц: проникновение за корпоративный занавес в праве ведущих зарубежных стран». Правовед, применяя компаративистские методы, установил, что нормы корпоративного права Германии отличаются более высоким уровнем развития и обеспечивают более высокий уровень защиты кредиторов, нежели нормы права Англии и США. В отличие от права этих двух стран, где законодательное регулирование данных отношений развито относительно слабо, право Германии располагает кодификацией, известной как право концернов или же как право контролируемых компаний (Konzernrecht), которое содержит завершённую схему, специально регламентирующую статус отдельных участников группы компаний»²¹⁴. Кроме того, В. Г. Крылов пришел к выводу, что, если в странах общего права доктрина применяется судами на основе прецедентов, то в Германии суды, «прокалывая покровы», опираются на действующее законодательство²¹⁵. Следовательно, учитывая факт действия немецкого суда в системе позитивного права, ему потребовалось время для того, чтобы применить немецкое законодательство эффективным образом к отношениям, направленным на многочисленные злоупотребления корпоративной личностью. И такое применение выразилось в правовом механизме

²¹⁴Федчук В. Д. Указ. соч. С. 127.

²¹⁵Крылов В. Г. Доктрина снятия корпоративной вуали в Германии // Гражданское право. 2014. №1. С. 19-22.

«Durchgriffshaftung», который с немецкого переводится как «пронизывающая, проникающая ответственность». Данный механизм предусматривает «правовые возможности переноса ответственности по обязательствам юридического лица на его участников»²¹⁶.

Однако англо-американская доктрина «проникновения за корпоративный занавес» также предполагает перенос ответственности. Означает ли это, что немецкий «Durchgriffshaftung» представляет возможную адаптацию «снятия корпоративной вуали». С. Л. Будылин, Ю. Л. Иванец неохотно сравнивают такой перенос ответственности с англо-американской доктриной «проникновения за корпоративный занавес», примечая отказ немецкого суда от неcodифицированных правил в пользу применения соответствующих норм закона как существенное отличие²¹⁷. К подобным выводам приходит И. В. Григораш: «Если юристы общего права отталкиваются в своих решениях от конкретной ситуации, действуя по принципу *solvitur ambulando*, то юристы континентальной системы рассматривают конкретные примеры сквозь призму принципов. Позитивное право основывается на силлогизме, тогда как общее - на прецеденте»²¹⁸. Соответственно, правовой механизм «Durchgriffshaftung» («пронизывающая, проникающая ответственность») не является точной копией англо-американской доктрины «снятие корпоративной вуали», а лишь ее аналогом, применение которого обусловлено условиями немецкой правовой системы.

История становления правового механизма «Durchgriffshaftung» («пронизывающая, проникающая ответственность») составляет несколько этапов. В частности, С. Л. Будылин, Ю. Л. Иванец выделили три этапа: ранняя судебная

²¹⁶Будылин С. Л., Иванец Ю. Л. Срывая покровы. Доктрины снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России. // Вестник ВАС РФ. 2013. №7. С. 85.

²¹⁷Будылин С. Л., Иванец Ю. Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России. URL : https://zakon.ru/blog/2013/7/17/sorvat_pokrovy_s_serogo_volka__doktrina_snyatiya_korporativnoj_v_uali_v_rossijskix_sudax (дата обращения: 10.09.2015).

²¹⁸Григораш И. В. Зависимые юридические лица в гражданском праве. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 82.

практика, изменение практики, современное состояние вопроса²¹⁹. При этом, только по названию указанных этапов можно понять, что «Durchgriffshaftung» («пронизывающая, проникающая ответственность») - это механизм, выработанный судебной практикой.

Первый этап в истории становления «пронизывающей, проникающей ответственности» приходится на конец 80-х начало 90-х годов XX века. В этот период Верховный суд Германии посчитал, возможным привлечь к ответственности иных лиц по обязательствам корпорации. Данная позиция исходит из следующих решений: BGH, 05.06.1975 - II ZR 23/74, BGHZ 65, 15 (ITT); BGH, 05.02.1979 - II ZR 210/7, NJW 1980, 231 (Gervais/Danone); BGH, 16.09.1985 - II ZR 275/84, BGHZ 95, 330 (Autokran); BGH, 20.02.1989 - II ZR 167/88, BGHZ 107, 7 (Tiefbau); BGH, 23.09.1991 - II ZR 135/90, BGHZ 115, 187 (Video); BGH, 29.03.1993 - II ZR 265/91, BGHZ 122, 123 (TBB). В основном, обоснование суда касательно возможности привлечения к ответственности контролирующих корпорацию лиц построены на аналогии Закона об акционерных обществах (Aktiengesetz, AktG), которая в силу правового пробела применяется к обществам с ограниченной ответственностью, GmbH. В частности, в деле Autokran Верховный суд Германии определил целесообразным для «проникающей ответственности» обращение в качестве аналогии закона к положениям §§ 311-318, 302, 303, 322 Закона об акционерных обществах (Aktiengesetz, AktG) в отношении неформальной группы GmbH (qualifizierter faktischer Konzern), подконтрольных одному лицу²²⁰. Так, § 302 Закона об акционерных обществах (Aktiengesetz, AktG) предусматривает компенсацию доминирующим предприятием убытков, причиненных подконтрольным обществом.

В деле Video Верховный суд Германии пришел к аналогичным выводам в части применения положений Закона об акционерных обществах (Aktiengesetz,

²¹⁹Будылин С. Л., Иванец Ю. Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России. URL : https://zakon.ru/blog/2013/7/17/sorvat_pokrovy_s_serogo_volka__doktrina_snyatiya_korporativnoj_v_uali_v_rossijskix_sudax (дата обращения: 10.09.2015).

²²⁰German Supreme Court (Bundesgerichtshof) «Autokran», BGHZ 95 (1989) 330.

AktG) относительно неформальной группы GmbH (qualifizierter faktischer Konzern), подконтрольных физическому лицу (физическое лицо признано доминирующим предприятием), при этом иск был инициирован кредитором подконтрольного общества²²¹.

Резюмируя раннюю судебную практику в области «пронизывающей, проникающей ответственности», можно констатировать, что в качестве обоснования применения правового механизма «Durchgriffshaftung» суд Германии обратился к концепции неформальной группы GmbH (qualifizierter faktischer Konzern), согласно которой допустима аналогия положений Закона об акционерных обществах (Aktengesetz, AktG), регулирующих деятельность формальных групп AG.

Второй этап в истории становления правового механизма «Durchgriffshaftung» ограничивается временными рамками конец 1990-ых годов начало 2000-ых годов. В этот период немецкий суд привлекает к ответственности контролирующих корпорацию лиц, ссылаясь не на концепцию неформальной группы GmbH (qualifizierter faktischer Konzern), а на концепцию разрушительного вмешательства (existenzvernichtender Eingriff). Так, в деле Vulkan суд признал возможность привлечения к ответственности директоров материнской компании, квалифицировав их действия в качестве «разрушительного вмешательства» в дела общества, и отправил дело на новое рассмотрение²²². Взятый курс на «existenzvernichtender Eingriff» получил свое развитие в последующей судебной практике Верховного суда Германии²²³. В частности, в деле KBV²²⁴ концепция ответственности за разрушительное вмешательство в дела общества была интерпретирована с позиции института злоупотребления правом. Исходя из фабулы указанного дела, между истцом и ответчиком, обществом с ограниченной

²²¹German Supreme Court (Bundesgerichtshof) September 23, 1991, BGHZ 115, 187 (see also NJW 1991, 3142).

²²²German Supreme Court (Bundesgerichtshof) September 17, 2001, NJW 2001, 3622 e.s.

²²³German Supreme Court (Bundesgerichtshof) February 25, 2002, GmbHR 2002, 549 e.s.; German Supreme Court (Bundesgerichtshof) June 24, 2002, GmbHR 2002, 902 e.s.

²²⁴German Supreme Court (Bundesgerichtshof) June 24, 2002, GmbHR 2002, 904 (with comments H. SCHRÖDER).

ответственностью «KBV GmbH» был заключен договор об оказании услуг. По определенным причинам денежные обязательства ответчика не были исполнены. В свою очередь, общество с ограниченной ответственностью «KBV GmbH» заключило договор с третьим лицом, на счет которого переведена значительная часть активов ответчика. В результате чего сделка, направленная на вывод активов, была расценена судом как разрушительное вмешательство в дела общества. При этом Верховный суд Германии привлек к личной ответственности двух участников общества с ограниченной ответственностью «KBV GmbH» на основании факта злоупотребления корпоративной формой юридического лица. Вместе с тем институт злоупотребления правом (Rechtsmissbrauch) урегулирован ГГУ (BGB)²²⁵: §226 ГГУ устанавливает запрет использования участниками гражданских правоотношений своих прав исключительно с целью причинения вреда другому лицу; §242 ГГУ - исполнение участниками гражданских правоотношений своих обязанностей добросовестно. Небезынтересно привести положение § 826 ГГУ, которое представляет собой общую норму деликтного права об ответственности за умышленное причинение вреда противным добрым нравам (in einer gegen die guten Sitten verstossenden Weise). Причем данный параграф по мнению немецкого суда по настоящему делу применяется как альтернативное основание для ответственности участника перед кредиторами общества.

Третий этап в истории становления правового механизма «Durchgriffshaftung» берет начало в 2007 году и длится по сегодняшний день. 2007 год характеризуется принятием решение по делу TriHotel²²⁶, в соответствии с которым концепция разрушительного вмешательства (existenzvernichtender Eingriff) в дела общества рассматривается в другом ракурсе. Она приобретает новые рамки, которые были введены во избежание ущемления прав иных кредиторов. Согласно обстоятельствам указанного дела общий директор трех обществ с ограниченной ответственностью (GmbH) управлял их деятельностью,

²²⁵Bürgerliches Gesetzbuch, BGB. URL : <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (дата обращения: 10.09.2015).

²²⁶ BGH, 16.07.2007 - II ZR 3/04, BGHZ 173, 246 (TriHotel).

но не участвовал в капитале, акции которых были распределены между его родственниками. Единоличным исполнительным органом обществ были осуществлены действия по расторжению договора аренды здания отеля между обществом и собственником помещения, а затем заключению агентского соглашения с другим обществом. В результате чего первое общество столкнулось с финансовыми трудностями: отсутствием средств для удовлетворения требований кредиторов компании. В целях решения финансовых проблем директор компаний оформил денежный займ под залог имущества со своей матерью. Впоследствии финансовое положение общества усугубилось, что выразилось в полной неспособности нести ответственность по своим обязательствам. В отношении данного общества была введена процедура банкротства. Его кредиторы обратились в суд с соответствующим иском.

Тщательно изучив обстоятельства рассматриваемого дела, Верховный суд Германии отправил дело на новое рассмотрение, посчитав, что факт разрушительного вмешательства в дела общества имеет место. Однако по мнению суда оно не является самостоятельным основанием, а представляет собой лишь разновидность деликта, предусмотренного § 826 ГГУ. Данный вывод аргументирован со ссылкой на статью известного немецкого правоведа Вольфганга Цельнера²²⁷, согласно которой злоупотребление правовой формой юридического лица сопряжено с сокрытием определенных фактов. Следовательно, в соответствии с позицией Верховного суда Германии последних лет предъявление иска об ответственности за разрушительное вмешательство возможно только вместе с иском о возврате средств в капитал общества согласно положениям §§ 30 - 31 Закона об ООО (Gesetz betreffend Gesellschaften mit beschränkter Haftung, GmbH). Иными словами, новый подход судебной практики не допускает предъявление прямого иска непосредственно к ответчику, в той или иной мере злоупотребившим корпоративной формой юридического лица. Относительно вышеизложенной позиции Верховного суда Германии С. Л.

²²⁷Zollner W. Glaubigerschutz durch Gesellschafterhaftung bei der GmbH // Festschrift für Horst Konzen zum siebzigsten Geburtstag (Hrsg. Dauner-Lieb B. et al). Tübingen, 2006. S. 999.

Будылин, Ю. Л. Иванец определили следующую последовательность действий кредитора: «Вначале ему следует добиться удовлетворения иска к обществу и лишь затем он может потребовать обращения взыскания на имущество участника общества, одним из элементов которого является право требования общества к своему участнику. Либо в качестве альтернативы кредитор может инициировать банкротство общества в расчете на взыскание средств с участника в пользу общества в ходе процедуры банкротства»²²⁸.

Итак, современное состояние вопроса касательно возложения обязательств общества непосредственно на его контролирующего участника немецкой судебной практикой решается в пользу применения концепции злоупотребления корпоративной формы юридического лица, в соответствии с которой корпоративная форма используется для сокрытия определенных фактов.

Несмотря на четко очерченные позиции немецкого суда, сложно говорить об однозначном подходе в решении вопроса «пронизывающей, проникающей ответственности». В своих статьях С. Л. Будылин, Ю. Л. Иванец²²⁹ и В. Г. Крылов²³⁰ вполне удачно показали тенденцию смены позиций Верховного суда Германии относительно обращения к разным концепциям: от применения норм о возмещении контролирующей компанией убытков, причиненных подконтрольной компании в соответствии с аналогией Закона об акционерных обществах (Aktengesetz, AktG) до позиции, допускающей «Durchgriffshaftung» в случае использования корпоративной формы юридического лица для сокрытия истинных фактов. Скорее всего, данная тенденция связана с применением «пронизывающей, проникающей ответственности» только «в исключительных случаях по серьезным основаниям справедливости и чести»,²³¹ что в своем роде служит объединяющим фактором между англо-американской доктриной «снятия корпоративной вуали» и ее немецким аналогом.

²²⁸Будылин С. Л., Иванец Ю. Л. Указ. соч.

²²⁹Будылин С. Л., Иванец Ю. Л. Указ. соч.

²³⁰Крылов В. Г. Указ. соч. С. 19-22.

²³¹Alting C. Piercing the Corporate Veil in American and German Law - Liability of Individuals and Entities: A Comparative View. 2 Tulsa J. Comp. & Int'l L. 187, 1994. P. 190.

Таким образом, опираясь на выше приведенный анализ концепции самостоятельности юридической личности и правового механизма «Durchgriffshaftung» с точки зрения исторической ретроспективы, можно сделать вывод о том, что в Германии, в стране, где основным источником права является нормативно-правовой акт, значение суда при решении вопросов, касающихся злоупотребления корпоративной личности, не менее существенно, чем в Великобритании или США, поскольку возможность переноса ответственности на контролирующее лицо определяется именно в порядке судебного производства. Однако в отличие от англо-американского права немецким судом в процессе пренебрежения корпоративной личностью и ограниченной ответственностью применяются те или иные нормы законодательства, которые толкуются им с учетом фактических отношений. Причем такое толкование включает в себе определенную концепцию решения вопроса. Например, концепцию неформальной группы GmbH (qualifizierter faktischer Konzern), концепцию разрушительно вмешательства (existenzvernichtender Eingriff), концепцию злоупотребления корпоративной формой юридического лица, сопряженную с сокрытием фактов. Кроме того, для немецкой правовой системы характерна тенденция смены концепций, которая выражает динамику в развитии данного правового механизма. Соответственно, такая тенденция обещает хорошие перспективы в регулировании вопросов, связанных с многочисленными злоупотребления корпоративной формой. Вместе с тем результативность немецкого аналога англо-американской доктрине «снятия корпоративной вуали» достигается благодаря наличию права концернов («Konzern»), основательно регулирующего межкорпоративные взаимоотношения, а в случае того или иного правового пробела реальным подспорьем выступает позиция Верховного суда Германии. В частности, Верховный суд Германии определил актуальные случаи, к которым возможно переменить механизм переноса ответственности на контролирующее лицо. К ним относятся случаи недостаточной капитализации («Unterkapitalisierung»); «подрыва жизнеспособности компании» («Existenzvernichtungshaftung»); злоупотребления корпоративной формой

(«Rechtsform- bzw Institutsmissbrauch/Missbrauch der Organisationsfreiheit»); фактического управления («Faktische Geschäftsführung»)²³².

Ко всему прочему важно отметить, что опыту Германии в области пересечения злоупотребления корпоративной формой последовали и другие западноевропейские юрисдикции. В частности, в Нидерландах, применяя механизм «проникающей ответственности» (doorbraak van aansprakelijkheid), юристы используют также сопряженные с традиционными конструкциями техники: деликт (onrechtmatige daad); злоупотребление корпоративной формой (misbruik van rechtspersoonlijkheid); фактический директор (bestuurder de facto); отождествление или идентификация (vereenzelviging)²³³.

Механизм «проникающей ответственности» применяется и в праве Австрии. Такое проникновение чаще всего наблюдается при материальной недокапитализации компании, под которой понимается неспособность компании удовлетворить те или иные материальные требования кредиторов ввиду явно превышающих обычный предпринимательский риск действий менеджеров компании, которые квалифицируются как деликт²³⁴.

Согласно пояснениям словарей русского языка под предпосылкой понимается «предварительное условие, исходный пункт чего-нибудь»²³⁵; «исходный пункт какого-нибудь рассуждения, предварительное условие чего-нибудь»²³⁶.

Обращение к данному разъяснению обусловлено тем, что на сегодняшний день российское право не адаптировало ни англо-американскую доктрину «снятия корпоративной вуали», ни немецкий правовой механизм «Durchgriffshaftung». Возможно, современная отечественная юрисдикция находится только на

²³²OGH 8 ObA 98/00w SZ 74/65 = RdW 2001/505, 469 = DRdA 2001, 450; OGH 6 Ob 313/03b SZ 2004/63 = GesRZ 2004, 379 (Harrer) = RWZ 2004, 366 (Wenger).

²³³Быканов Д. Д. Снятие корпоративной вуали по праву США, Нидерландов и России // Закон. 2014. № 7. С. 74.

²³⁴Kalls S., Nowotny Ch., Schauer M. Österreichisches Gesellschaftsrecht : Systematische Darstellung sämtlicher Rechtsformen. MANZ Verlag Wien, 2008. S. 867.

²³⁵Толковый словарь Ушакова. URL : http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/967962_ (дата обращения: 03.11.2015 г.).

²³⁶Толковый словарь Ожегова. URL : http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/178958_ (дата обращения: 03.11.2015 г.).

начальном этапе разработки подобного рода доктрины, правового механизма или иных альтернатив. В связи с этим считаем необходимым в контексте настоящего параграфа выявить исходные условия и тенденции, направленные на преодоление злоупотребления ограниченной ответственностью в российском праве.

Придерживаясь очерченного нами направления, сделаем небольшой экскурс в историю формирования и развития современного типа корпорации в России, поскольку, как уже отмечалось выше, те или иные случаи пренебрежения ограниченной ответственности юридического лица являются исключительными мерами из общепринятой концепции самостоятельности корпорации.

Вполне логично историю становления современной российской корпорации рассмотреть в ракурсе дореволюционного, советского и современного периодов развития.

1. Дореволюционный период.

Становление дореволюционного корпоративного права можно начать с эпохи многочисленных преобразований, Петра Великого. В этот период был сделан шаг в сторону укрепления частной собственности: в 1699 году Петром I издается указ, согласно которому поощрялось создание купцами торговых компаний, а в 1711 году - приказ о передаче государственной льняной фабрики в управление группе коммерсантов²³⁷. В конце XVIII века создаются четыре компании со складочным капиталом, в предмет деятельности которых входил экспорт сырья и зерна²³⁸. В период правления Павла I путем слияния двух коммерческих партнерств организуется Русско-Американская компания, которая имела большие возможности в промыслах и торговле. Однако государственное управление в ее деятельности все же имело весомое значение: 30% от прибыли поступало в казну государства. С позиции становления корпоративного права 1805 год стал основополагающим: на уровне декрета Александра I впервые было зафиксировано право ограниченной ответственности корпорации, согласно

²³⁷Owen Th. C. The Corporation under Russian Law, 1800-1917: A Study in Tsarist Economic Policy. Cambridge University Press, 1991. 240 p.

²³⁸Полное собрание законов Российской империи (записи от 1 июня 1767 г., 18 октября 1772 г., 8 апреля 1782 г.) URL : http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content (дата обращения: 20.10.2015).

которому акционеры обанкротившейся кораблестроительной компании освобождались от личной ответственности. Затем Закон 1807 года классифицировал компании на мелкие и крупные (акционерные), в состав последних входили товарищества по участкам, за которыми закреплялось правомочие на отчуждение долей в складочном капитале и на ограниченную ответственность в отличие от полных и коммандитных товариществ²³⁹. Двумя десятилетиями позже появились товарищества на паях и торговые общества по акциям. При Николае I был взят курс на реформирование корпоративного права (Закон 1836 году): введение положения о концессиях (ограниченной временем и масштабом разрешение власти на занятие коммерческой деятельностью), предусматривалось право ограниченной ответственности, налоговые льготы и иного рода привилегии допускались только при решении государственных задач, за акционерами компаний закреплялось исключительное право на управление деятельностью компании, акционерам компаний запрещалось менять устав, утвержденный высочайшим повелением и т. п.²⁴⁰. Фактически жизнедеятельность компании зависела от волеизъявления многочисленных министерств и Комитетов: согласование, утверждение уставов, увеличение уставного капитала и т. д.²⁴¹. Такая политика, сдержек и противовесов, повлияла не только на становление корпорации, но и на процесс возникновения и развития капиталистических отношений в целом. Для сравнения в этот период времени в западноевропейских странах (Великобритания, Германия) и США концессионные обязательства подлежали отмене. На этот счет справедливо привести замечание, что в России процесс создания частных компаний и корпораций шел своим путем²⁴². Впоследствии к решению важных вопросов корпоративного права

²³⁹ Полное собрание законов Российской империи (запись от 13 февраля 1826 г.) URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 15.10.2015).

²⁴⁰ Полное собрание законов Российской империи (запись от 26 января 1857 г.) URL : http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 15.08.2015).

²⁴¹ Полный свод законов Российской империи (в редакциях 1857 и 1900 гг.). Т. 10, ч. 1. URL : <https://www.library6.com/index.php/2012-01-18-23-01-00/1832-1899> (дата обращения: 16.08.2015).

²⁴² Магданов П. В. История возникновения корпораций до начала XX в. // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2012. № 4. С. 24.

обратятся лишь в начале XX века. До этого на протяжении нескольких десятков лет решался вопрос отмены крепостного права и его сопутствующие проблемы. Так, Закон 1901 года снизил кворум принятия оперативных и стратегических решений на общем собрании акционеров, закрепил недельный срок извещения о предстоящем собрании акционеров, ввел обязанность проведения советом директором общего собрания акционеров по требованию владельцев не менее 1/12 части голосов, разделил акционерные компании, акции которых обращались на биржах, и партнерства на паях, которые не имели хождения на бирже.

Оценивая дореволюционный курс корпоративных реформ П. В. Магданов заключил, что в Российской империи вплоть до событий 1917 года не сложилось условий, благодаря которым корпорации могли свободно учреждаться, развиваться, привлекать капитал и расширять масштаб операций²⁴³. Следовательно, несмотря на легализованное право ограниченной ответственности тип российской корпорации дореволюционного периода не был аналогичен типу корпораций зарубежных стран того периода времени, поскольку российские компании продолжали действовать в режиме концессионных обязательств.

2. Советский период.

После февраля 1917 года в истории развития корпорации начинается новый период, который продолжается вплоть до 1991 года, советский. В отличие от дореволюционного периода упраздняется частная собственность, определяющим является государственный сектор экономики. Соответственно, государство, выступая в лице собственника предприятий, управляло ими посредством наделения имущества, назначения органов управления, контроля за выполнением планов, соблюдением нормативов, регламентов и т. п. Данная особенность побудила некоторых правоведов к использованию общего термина «корпорация» относительно различных форм объединений промышленных предприятий в рассматриваемый период²⁴⁴. Надо отметить, что указанный подход весьма специфичен, поскольку корпоративное управления предприятиями в советский

²⁴³Магданов П. В. Указ. соч. С. 30.

²⁴⁴Петухов В. Н. Корпорации в российской промышленности. М. : Законодательство и практика практика, 1999. С. 4.

период времени далеко от принципов управления современной корпорацией. В тоже время, несправедливо декларировать об отсутствие корпоративного законодательства. В 20-ые годы XX века существовали различные виды объединений (синдикаты, тресты), которые создавались и функционировали исходя из плановости экономики, концентрации производства, централизации системы управления. Положения Гражданского кодекса РСФСР 1922 года²⁴⁵ предусматривали существование многих видов юридических лиц, в частности, и товариществ, и акционерных обществ. Например, в названном источнике регулированию деятельности товарищества с ограниченной ответственности посвящено четыре статьи. В соответствии со ст. 318 ГК РСФСР 1922 года участники товарищества с ограниченной ответственностью занимаются торговлей или промыслом под общей фирмой, по обязательствам которого они отвечают не только внесенными вкладами, но и личным имуществом в одинаковом для всех товарищей кратном размере. При несостоятельности одного товарища ответственность за долги товарищества распределяется между остальными пропорционально их вкладам.

Однако в следующем Гражданском Кодексе положения о деятельности товариществ с ограниченной ответственностью вообще изымаются. Согласно положениям статьи 24 Гражданского Кодекса РСФСР 1964 года²⁴⁶ в состав юридических лиц входили: государственные предприятия и иные государственные организации, состоящие на хозяйственном расчете; учреждения и иные государственные организации; государственные организации; колхозы, межколхозные, иные кооперативные организации, общественные организации; государственно-колхозные и иные государственно-кооперативные организации.

К характеристике данного правового регулирования вполне применимо замечание И. С. Шиткиной: «Узкие рамки хозяйственной самостоятельности

²⁴⁵О введении в действие Гражданского Кодекса РСФСР: пост. ВЦИК от 11 ноябр. 1922 г. № 71. Ст. 904 (утратил силу). URL : <https://sites.google.com/site/uristkostnikovvv/grazdanskij-kodeks-rsfsr-1922-g-polnuyj-tekst> (дата обращения: 16.08.2015).

²⁴⁶Гражданский Кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ» (утратил силу). URL : <http://base.garant.ru/3961097/#text#ixzz4NpCJXMH8> (дата обращения: 26.08.2015).

предприятий лишали их необходимой оперативности, тормозили дальнейшее развитие социалистической экономики»²⁴⁷.

Коренным образом ситуация начала меняться лишь в конце 80-ых начале 90-ых годов XX века: в законодательстве РСФСР предпринимаются попытки введения принципов современного управления корпорацией С. Д. Могилевский и И. А. Самойлов отмечают, что первые опыты применения понятия «корпорация» в правовых актах начала 90-ых годов XX столетия были связаны с действием Закона РСФСР от 25 декабря 1990 г. «О предприятиях и предпринимательской деятельности», в главе 2 «Организационно-правовые формы предприятий» которого была предусмотрена такая самостоятельная организационно-правовая форма юридического лица, как объединение предприятий. В соответствии со статьей 13 указанного закона предприятиям разрешалось объединяться в союзы, ассоциации, концерны, межотраслевые, региональные и другие объединения. Поскольку в данном законе не использовался термин «корпорация», а перечень разновидностей объединения предприятий является открытым, корпорация как разновидность этой организационно-правовой формы имела право на существование, относясь к тем другим объединениям, о которых шла речь в Законе²⁴⁸. В том числе в Законе РСФСР от 25 декабря 1990 года № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности в РСФСР»²⁴⁹ вводились положения о полных и смешанных товариществах (статьи 9-10), товариществах с ограниченной ответственностью (статья 11), акционерных обществах (статья 12). Помимо выше названного акта принимается целый комплекс нормативно-правовых актов, направленный на децентрализацию и предоставление самостоятельности юридическим лицам: Закон СССР от 30 июня 1987 г. № 7284-

²⁴⁷Шиткина И. С. Указ. соч. С. 126.

²⁴⁸Могилевский С. Д., Самойлов И. А. Корпорации в России. Правовой статус и основы деятельности. М. : Изд-во «Дело», 2007. С. 20.

²⁴⁹О предприятиях и предпринимательской деятельности в РСФСР: закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 (утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ». URL : <http://ivo.garant.ru/> (дата обращения: 15.09.2015).

XI «О государственном предприятии (объединении)»²⁵⁰; Закон СССР от 26 мая 1988 года № 8998-XI «О кооперации в СССР»²⁵¹; Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде от 23 ноября 1989 года № 810-1²⁵²; Закон СССР от 6 марта 1990 года № 1305-1 «О собственности в СССР»²⁵³; Положение об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью (утв. Постановлением Совмина СССР от 19 июня 1990 года № 590)²⁵⁴; Закон РСФСР от 22 ноября 1990 года № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»²⁵⁵. Данные источники завершают советский период.

3. Современный период.

Дальнейшее развитие корпоративного права связано с новой политикой государства, ориентированной на становление рыночной экономики. Рамки настоящего периода определяются 1991 годом и по настоящее время. Некоторые правоведы подошли к анализу данного периода с более узкой стороны, разделив его на период становления - с конца 1990 года до конца 1994 года; период развития - с конца 1994 года до начала 2005 года; период реформ - с 2005 года по настоящее время²⁵⁶. Не вдаваясь в конкретизацию и детализацию нормативно-правовых актов, рассмотрим основные направления.

Корпоративное законодательство активно развивалось по заданному политикой перехода к рыночной экономике направлению регламентации частноправовых отношений. В этой связи активно принимаются попытки

²⁵⁰О государственном предприятии (объединении) : закон СССР от 30.06.1987 (утратил силу). URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=886#0> (дата обращения: 15.09.2015).

²⁵¹О кооперации в СССР: Закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI (ред. от 07.03.1991, с изм. от 15.04.1998). URL : <http://ivo.garant.ru/> (дата обращения: 15.09.2015).

²⁵²Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде от 23 ноября 1989 г. № 810-1 (не применяются). URL : <http://ivo.garant.ru/> (дата обращения: 15.09.2015).

²⁵³О собственности в СССР : Закон СССР от 06.03.1990 № 1305-1 (с изм. от 24.12.1990). URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2015).

²⁵⁴Об утверждении Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью и Положения о ценных бумагах : постан. Совмина СССР от 19.06.1990 № 590 (утратил силу). URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2015).

²⁵⁵О крестьянском (фермерском) хозяйстве: закон РСФСР от 22 ноября 1990 г. № 348-1 (утратил силу). URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2015).

²⁵⁶Гутников О. В. Состояние и перспективы развития корпоративного законодательства в Российской Федерации // Журнал российского права. 2007. № 2. С. 24-37.

заложить базу для развития хозяйственных обществ (товариществ): Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 года № 2211-1²⁵⁷; Закона РСФСР от 22 марта 1991 года № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»; Положение об акционерных обществах (утв. Постановлением Совета Министров РСФСР от 25 декабря 1990 года № 601)²⁵⁸; Положение о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР (утв. Постановлением Правительства РСФСР от 28 декабря 1991 года № 78)²⁵⁹; Инструкция Министерства финансов Российской Федерации от 3 марта 1992 года № 3 «О правилах выпуска и регистрации ценных бумаг на территории Российской Федерации»²⁶⁰; Инструкция Министерства финансов Российской Федерации от 6 июля 1992 года № 53 «О правилах совершения и регистрации сделок с ценными бумагами»²⁶¹; Указ Президента Российской Федерации от 27 октября 1993 года № 1769 «О мерах по обеспечению прав акционеров»²⁶². Например, в Основях гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 года²⁶³ была выстроена классификация юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации, которая в последующем была успешно адаптирована в Гражданском кодексе Российской Федерации 1994 года.

²⁵⁷Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик : утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1 (утратил силу). URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2015).

²⁵⁸О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках: закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 (ред. от 26.07.2006). URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2015).

²⁵⁹Об утверждении Положения о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР : Постановление Правительства РСФСР от 28.12.1991 № 78 (утратил силу). [Электронный ресурс]. URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2015).

²⁶⁰О правилах выпуска и регистрации ценных бумаг на территории РФ: письмо Минфина РФ от 03.03.1992 № 3, инструкция Минфина РФ от 03.03.1992 № 2 (утратил силу). URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2015).

²⁶¹О правилах совершения и регистрации сделок с ценными бумагами : письмо Минфина РФ от 06.07.1992 № 53, инструкцией о правилах совершения и регистрации сделок с ценными бумагами (утратил силу). URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2015).

²⁶²О мерах по обеспечению прав акционеров : указ Президента РФ от 27.10.1993 № 1769 (утратил силу). URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2015).

²⁶³Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик : утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1 (утратил силу).

Итак, с принятием Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ²⁶⁴ (далее – ГК РФ) было продолжено направление по развитию хозяйственных обществ (товариществ), в соответствии с которым в корпоративное законодательство введены многочисленные новации. В частности, правовое регулирование положений об юридических лицах осуществляется на основании ГК РФ и специальных законов (Федеральный закон от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»²⁶⁵, Федеральный закон от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»²⁶⁶ (далее – ФЗ об АО), Федеральный закон от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»²⁶⁷, Федеральный закон от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»²⁶⁸ и т. д.), четко зафиксированы права учредителей (участников) на имущество различных организационно-правовых форм юридических лиц, установлен институт регистрации юридических лиц и т. д. Причем данные нововведения отражали процесс систематизации всего корпоративного законодательства Российской Федерации. Данный процесс продолжается и по сей день благодаря постоянному обновлению корпоративного законодательства. Например, Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»²⁶⁹ (далее – ФЗ об ООО) действует в

²⁶⁴Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016). URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.08.2016).

²⁶⁵Об обществах с ограниченной ответственностью : фед. закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 03.07.2016). URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.09.2016).

²⁶⁶Об акционерных обществах : фед. закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 03.07.2016). URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.09.2016).

²⁶⁷О рынке ценных бумаг : фед. закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 03.07.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.09.2016).

²⁶⁸О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : фед. закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 03.07.2016). URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.09.2016).

²⁶⁹Об обществах с ограниченной ответственностью : фед. закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

31-ой редакции, а первая часть Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ²⁷⁰ - в 83-ей редакции.

Стоит акцентировать внимание на том, что в условиях реформирования гражданского и корпоративного законодательства данного периода получила оформление концепция самостоятельности юридической личности в современном понимании. Прежде всего, данная концепция представлена в общих нормах: статьи 48, 56 ГК РФ²⁷¹. Так, в пункте 1 статьи 48 ГК РФ²⁷² определено, что юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. В свою очередь, пункт 1 статьи 56 ГК РФ²⁷³ установлено, что юридические лица, кроме финансируемых собственником учреждений, отвечают по своим обязательствам всем принадлежащим им имуществом; а в пункте 1 и 3 статьи 56 ГК РФ²⁷⁴ юридические лица, кроме финансируемых собственником учреждений, отвечают по своим обязательствам всем принадлежащим им имуществом; при этом учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечают по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом либо учредительными документами юридического лица. Соответственно, исходя вышеприведенных положений, по общему правилу независимость юридической личности обусловлена возможностью самостоятельно отвечать по обязательствам компании

²⁷⁰Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

²⁷¹Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 30.11.1994).

²⁷²Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 30.11.1994).

²⁷³Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 30.11.1994).

²⁷⁴Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 30.11.1994).

обособленным от учредителей (участников) имуществом, а также, обладая собственной волей, действовать в своем интересе. В специальном законодательстве данная концепция получила конкретизацию. Например, применительно к наиболее востребованной организационно-правовой форме коммерческих организаций общества с ограниченной ответственностью (ООО) эта концепция отражена в статьях 2, 3, пункте 4 статьи 5, пункте 2 статьи 11 ФЗ об ООО²⁷⁵. Последующие редакции ГК РФ и специального корпоративного законодательства существенным образом не повлияли на суть вышеприведенной концепции. Так, согласно пункту 1 статьи 48 ГК РФ²⁷⁶ юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. В соответствии с положениями статьи 56 ГК РФ²⁷⁷ юридическое лицо отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом. Особенности ответственности казенного предприятия и учреждения по своим обязательствам определяются правилами абзаца третьего пункта 6 статьи 113, пункта 3 статьи 123.21, пунктов 3 - 6 статьи 123.22 и пункта 2 статьи 123.23 ГК РФ²⁷⁸. Особенности ответственности религиозной организации определяются правилами пункта 2 статьи 123.28 ГК РФ²⁷⁹. Учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечает по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ или другим законом. Однако в свете последних

²⁷⁵Об обществах с ограниченной ответственностью : фед. закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 08.02.1998).

²⁷⁶Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

²⁷⁷Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

²⁷⁸Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

²⁷⁹Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

изменений корпоративного законодательства: в пункте 1 статьи 65.1 ГК РФ²⁸⁰ дано определение корпорации. Под корпорациями понимаются юридические лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган в соответствии с пунктом 1 статьи 65.3 ГК РФ²⁸¹. К ним относятся хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные и потребительские кооперативы, общественные организации, общественные движения, ассоциации (союзы), товарищества собственников недвижимости, казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, а также общины коренных малочисленных народов Российской Федерации. Следовательно, в словосочетании «концепция самостоятельности юридического лица» в качестве синонима к слову «юридическое лицо» можно использовать слово «корпорация», поскольку, по справедливому замечанию И. С. Шиткиной, в основе формирования в России концепции корпоративного права лежит широкое понимание корпораций как различных форм объединения лиц и капиталов²⁸².

Поводя итог трех периодов становления и формирования концепции самостоятельности корпоративной личности в России, можно констатировать, что данная концепция в отличие от анализируемого нами права зарубежных стран сформировалась в современном понимании только на рубеже XX-XXI веков. Тогда, заявленное нами в начале настоящего параграфа предположение о том, что российское право находится в процессе адаптации англо-американской доктрины «снятия корпоративной вуали» или немецкого правового механизма «Durchgriffshaftung» либо формирования их альтернатив, вполне оправдано.

Принимая во внимание выше установленные факты, обратимся в историческом аспекте к возможным тенденциям отражения в законодательстве и судебной практике Российской Федерации моментов пренебрежения

²⁸⁰Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

²⁸¹Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

²⁸²Шиткина И. С. Указ. соч. С. 7.

корпоративной личностью в части привлечения к ответственности контролирующих лиц.

Итак, на основании Указа Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 года № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» подготовлена Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (далее — Концепция)²⁸³, которая направляет законодателя и правоприменителя по пути усиления и повышения эффективности гражданско-правовой ответственности, в том числе, и предусматривает «возможность *«снятия корпоративных покровов»* по статье 56 ГК РФ независимо от наступления несостоятельности юридического лица». Следуя основным направлениям вышеупомянутой Концепции, Президент Российской Федерации внес на рассмотрение Государственной Думе Российской Федерации законопроект № 47538-6²⁸⁴, в котором «...четко регламентированы многие нормы гражданского законодательства, в том числе устанавливающие положение участников экономических отношений, их права на имущество, и взаимоотношения между собой»²⁸⁵. С этого момента был запущен законотворческий процесс, отражающий, также и реформирование корпоративного законодательства.

На сегодняшний день уже введены концептуальные изменения корпоративного права. В частности, проведена классификация юридических лиц на корпорации и учреждения, установлены два режима регулирования деятельности корпорации, детализировано регулирование корпоративного договора, ответственность менеджмента и контролирующих лиц перед корпорацией за нарушение фидуциарных обязанностей и т. п. Так в чем же

²⁸³Концепция развития гражданского законодательства РФ, одобренная на заседании Совета под председательством Президента РФ 7 октября 2009 г. URL : http://privlaw.ru/vs_info8.html (дата обращения : 12.11.2014 г.).

²⁸⁴О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации : проект федерального закона № 47538-6. URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения : 09.09.2016).

²⁸⁵Выступление Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А. А. Иванова на итоговом совещании председателей арбитражных судов России от 8 апреля 2011 г. URL : <http://www.arbitr.ru/press-centr/news/speeches/34406.html> (дата обращения : 03.02.2015 г.).

состоит суть отраженной в Концепции развития гражданского законодательства возможности «снятия корпоративных покровов» согласно статьи 56 ГК РФ? Рассмотрим действующее законодательство на предмет наличия норм, прямо или косвенно связанных со случаями пренебрежения корпоративной личностью.

И. С. Шиткиной при изучении вопроса «проникновения» в правопорядке Российской Федерации выделяется четыре института отражения доктрины «снятия корпоративной вуали»: «при привлечении к ответственности основных обществ по обязательствам дочерних; при привлечении к ответственности иных контролирующих лиц; в процессуальных целях; в публично-правовых отношениях»²⁸⁶. Ю. В. Тай, Т. Ф. Арабова²⁸⁷, Д. Д. Быканов²⁸⁸ и другие авторы придерживаются более узкого подхода, в соответствии с которым корпоративное законодательство Российской Федерации допускает подобные «снятию корпоративной вуали» механизмы привлечения к субсидиарной и солидарной ответственности основных обществ по обязательствам дочерних, а также лиц, фактически определяющих действия юридического лица. В рамках настоящей исследовательской работы ограничимся нормативной базой, характерной для второго подхода.

Итак, с учетом введения в действие Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ²⁸⁹, Федерального закона от 29.06.2015 № 210-ФЗ²⁹⁰ «снятие корпоративной вуали» отражается в законодательстве Российской Федерации, *во-первых*, в пункте 2 статьи 67.3 ГК РФ²⁹¹, пункте 3 статьи 6 ФЗ об АО²⁹², пункте 3 статьи 6

²⁸⁶Шиткина И. С. «Снятие корпоративной вуали» в российском праве: правовое регулирование и практика применения // Хозяйство и право. 2013. № 2. С. 2-3.

²⁸⁷Тай Ю. В., Арабова Т. Ф. Неподъемная вуаль // Закон. 2013. № 10. С. 60-65.

²⁸⁸Быканов Д. Д. Снятие корпоративной вуали по праву США, Нидерландов и России // Закон. 2014. № 7. С. 76.

²⁸⁹О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : фед. закон от 05.05.2014 № (ред. от 03.07.2016). URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения : 09.09.2016).

²⁹⁰О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : фед. закон от 29.06.2015 № 210-ФЗ (ред. от 03.07.2016). URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения : 09.09.2016).

²⁹¹Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

ФЗ об ООО²⁹³, пункте 4 статьи 10, пункте 1 статьи 189.23 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»²⁹⁴ и, *во-вторых*, в статье 53.1 ГК РФ²⁹⁵.

Первая группа норм направлена на регулирование случаев привлечения к ответственности основного общества по обязательствам дочернего.

Исходя из положений абзаца 1 пункта 2 статьи 67.3 ГК РФ²⁹⁶ солидарная ответственность основного хозяйственного общества (товарищества) наступает по сделкам, заключенным дочерним обществом (товариществом) во исполнение его указаний или с его согласия, за исключением случаев голосования основного хозяйственного общества (товарищества) по вопросу об одобрении сделки на общем собрании участников дочернего общества, а также одобрения сделки органом управления основного хозяйственного общества (товарищества), если необходимость такого одобрения предусмотрена уставом дочернего и (или) основного общества (товарищества).

Причем общие положения абзаца 1 пункта 2 статьи 67.3 ГК РФ²⁹⁷ конкретизируется в специальном законодательстве (пункт 3 статьи 6 ФЗ об АО²⁹⁸, пункт 3 статьи 6 ФЗ об ООО²⁹⁹). Однако данная конкретизация расходится с общими положениями ГК РФ³⁰⁰ относительно наличия в специальных законах формулировки о даче основным обществом обязательных указаний дочернему в случае, если это основное общество имеет право давать такие указания. В этой связи считаем необходимым в ближайшем будущем специальное

²⁹²Об акционерных обществах : фед. закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

²⁹³Об обществах с ограниченной ответственностью : фед. закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

²⁹⁴О несостоятельности (банкротстве) : фед. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 03.07.2016). URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.08.2016).

²⁹⁵Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

²⁹⁶Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

²⁹⁷Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

²⁹⁸Об акционерных обществах : фед. закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

²⁹⁹Об обществах с ограниченной ответственностью : фед. закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

³⁰⁰Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

законодательство привести в соответствие с положениями абзацем 1 пункта 2 статьи 67.3 ГК РФ³⁰¹, отражающего введенные Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ³⁰², Федеральным законом от 29.06.2015 № 210-ФЗ³⁰³ новеллы. В противном случае сохранит свое действие правовая коллизия, решение которой предполагается либо по принципу соотношения общих и специальных норм, либо по общему темпоральному коллизионного принципу. В свою очередь, А. В. Габов, рассматривая схожую ситуацию в свете проведенного реформирования гражданского законодательства, придерживается позиции применения общего темпорального коллизионного принципа³⁰⁴.

Вместе с тем в соответствии с общими положениями абзаца 2 пункта 2 статьи 67.3 ГК РФ³⁰⁵ субсидиарная ответственность основного общества (товарищества) наступает в случае несостоятельности (банкротства) дочернего общества (товарищества) по его вине. Для данной нормы также предусматривается специальным законодательством конкретизация, в частности, положения пункт 4 статьи 10, пункт 1 статьи 189.23 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»³⁰⁶.

Вторая группа норм направлена на регламентацию ответственности лиц, уполномоченных выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных

³⁰¹Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

³⁰²О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : фед. закон от 05.05.2014 № (ред. от 03.07.2016).

³⁰³О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : фед. закон от 29.06.2015 № 210-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

³⁰⁴Габов А. В. О субъекте, правомочном предъявлять требования о возмещении убытков членам органов управления корпораций после вступления в силу изменений в ГК РФ // Гражданское право. 2014. № 4. С. 19-21.

³⁰⁵Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

³⁰⁶О несостоятельности (банкротстве) : фед. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица (статья 53.1. ГК РФ³⁰⁷).

Пункт 3 названной статьи представляет интерес с позиции усиления гражданско-правовой ответственности, согласно которому допускается за виновные действия (при нарушении фидуциарных обязанностей заботы и преданности) возможность привлечения к ответственности лица, фактически определяющего действия юридического лица, в том числе дающего указания лицам, указанным в пунктах 1 и 2 статьи 53.1. ГК РФ³⁰⁸. Иначе говоря, в пункте 3 статьи 53.1. ГК РФ³⁰⁹ идет речь о привлечении к ответственности «теневых директоров». Так, под иностранным термином «теневые директора» можно понимать «юридических и физических лиц, не являющихся единоличным органом или членами органов управления юридического лица, но имеющих возможность определять его действия»³¹⁰.

Помимо этого, в российском корпоративном законодательстве сделан шаг в сторону ведения конструкций, тесно связанных с «проникновением за корпоративный занавес», в частности, «аффилированности». Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ³¹¹ в статье 53.2 ГК РФ³¹² помещены положения, указывающие на отношения «аффилированности»: «В случаях, если Гражданский кодекс Российской Федерации или другой закон ставит наступление правовых последствий в зависимость от наличия между лицами отношений связанности (аффилированности), наличие или отсутствие таких отношений определяется в

³⁰⁷Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

³⁰⁸Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

³⁰⁹Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

³¹⁰Шиткина И. С. Интервью с доктором юридических наук, профессором, руководителем магистерской программы «Корпоративное право» МГУ имени М.В. Ломоносова Ириной Сергеевной Шиткиной // Юрист. 2012. № 17. С. 11.

³¹¹О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : фед. закон от 05.05.2014 № (ред. от 03.07.2016).

³¹²Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

соответствии с законом». Следует отметить, что данные нормы в действующем законодательстве Российской Федерации представлены не в полном виде, поскольку проект Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ³¹³ проходил несколько этапов правки. При этом в первоначальной редакции законопроект № 47538-6³¹⁴ предусматривал и отдельный институт «аффилированности», и правовую регламентацию контролирующих и контролируемых лиц, и унификацию ответственности контролирующих лиц по обязательствам подконтрольных³¹⁵.

Возникает вопрос: чем была вызвана соответствующая правка касательно изъятия и усечения норм в сфере отношений «связанности»? Возможно, процесс изъятия и усечение данных положений был обусловлен не только «резким сопротивлением бизнес-сообщества»³¹⁶, но и отрицанием заимствования конструкций англо-американской природы. В свою очередь, Е. А. Суханов привел весьма убедительный довод: «...добросовестным участникам гражданского оборота придется проверять любую сделку на предмет возможной заинтересованности в ее совершении со стороны любых аффилированных лиц, что повлечет дополнительные расходы и потерю оперативности в решении хозяйственных вопросов. Вследствие этого «гражданский оборот в значительной мере утрачивает стабильность...»³¹⁷.

Итак, анализ вышеприведенных норм не дает основания утверждать, что на уровне корпоративного законодательства Российской Федерации закреплены прямые положения, направленные на «проникновение за корпоративный занавес», можно лишь говорить об их косвенном отражении. Несмотря на это, в корпоративном законодательстве через правовую регламентацию ответственности

³¹³О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : фед. закон от 05.05.2014 № (ред. от 03.07.2016).

³¹⁴О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации : проект федерального закона № 47538-6.

³¹⁵Шиткина И. С. «Снятие корпоративной вуали» в российском праве: правовое регулирование и практика применения // Хозяйство и право. 2013. № 2. С. 2.

³¹⁶Шиткина И. С. Указ. соч. С. 11.

³¹⁷Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное права. М. : Статут. 2014. С. 254.

основных обществ по обязательствам дочерних, ответственности «теневых директоров», «аффилированности» заложена очевидная предпосылка к возможному пренебрежению корпоративной личностью в части привлечения к ответственности контролирующих лиц, которая позволит обеспечить гибкую и сбалансированную защиту интересов участников корпоративных правоотношений.

Между тем обратимся к анализу тенденции «снятия корпоративной вуали» или «проникающей ответственности» в практике российских судов.

Еще на совещании председателей арбитражных судов России, которое проводилось 8 апреля 2011 года, экс-председатель ВАС Российской Федерации А. А. Иванов заявил: «Следует серьезно изучить и проработать вопрос о внедрении в отечественную арбитражную практику известных по опыту англо-саксонской системы положений доктрины «снятия корпоративной маски» (прокалывания корпоративных покровов). Как известно, эта доктрина позволяет преодолевать злоупотребления статусом юридического лица и взыскивать долги непосредственно с выгодоприобретателей, стоящих за этим юридическим лицом. ...Внедрение этой доктрины в российское арбитражное судопроизводство станет еще одним шагом в том же направлении, что и наши поправки в Гражданский кодекс, шагом к социальной ответственности бизнеса»³¹⁸.

Ответной реакцией на данное обращение стало вынесенное решение по делу «Парекс банк»³¹⁹. Основное значение данного решения заключается в том, что впервые вопрос «проникновения за корпоративную вуаль» в той или иной степени был затронут на уровне Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Так, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 24.04.2012 № 16404/11 по делу № А40-21127/11-98-184³²⁰ суд установил факт осуществления

³¹⁸Выступление Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А. А. Иванова на итоговом совещании председателей арбитражных судов России от 8 апреля 2011 г. URL : <http://www.arbitr.ru/press-centr/news/speeches/34406.html> (дата обращения : 03.02.2015 г.).

³¹⁹Постановление Президиума ВАС РФ от 24.04.2012 № 16404/11 по делу № А40-21127/11-98-184. URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 26.08.2015).

³²⁰Постановление Президиума ВАС РФ от 24.04.2012 № 16404/11 по делу № А40-21127/11-98-184. URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 26.08.2015).

предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации ответчиками (акционерным обществом «Парекс банк» и акционерным обществом «Цитаделе банк») в условиях обхода законодательства Российской Федерации о банковском контроле с применением аффилированных лиц (доктрина «срывания корпоративной вуали»). Соответственно, с принятием указанного решения была закреплена возможность в порядке судебного производства «снятия корпоративной вуали». К тому же в интервью газете «Коммерсантъ» № 139 от 31 июля 2012 года А. А. Иванов уточнил, что «не за горами то время, когда суды начнут рассматривать возможность снятия корпоративной вуали, если стороны заявят такие требования; на формирование практики уйдет не менее двух лет»³²¹.

Тем не менее применять такую возможность российские суды не торопятся, поскольку в Постановлении Президиума ВАС Российской Федерации от 24.04.2012 № 16404/11 по делу № А40-21127/11-98-184³²² вопрос «снятия корпоративной вуали» рассмотрен с узкой позиции: *во-первых*, дело осложнено иностранным элементом; *во-вторых*, применение доктрины «снятия корпоративной вуали» обусловлено установленными отношениями аффилированности. Существующая судебная практика рассматривает данную область отношений, выработав на сегодняшний день ***три ключевых подхода***.

Самым *распространенным подходом* является позиция судов, отрицающая применение доктрины «снятия корпоративной вуали» либо механизма «проникающей ответственности» в разрешении корпоративных споров по причине отсутствия на высшем судебном уровне четко сформулированных разъяснений. В основном суды аргументируют свою позицию следующим образом: доводы истца о применении подходов Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, выработанных при рассмотрении корпоративных споров о «снятии корпоративной вуали» отклоняются по причине того, что обстоятельства, послужившие основанием для формирования практики

³²¹Пушкарская А. «Государство рискует лишиться крупных активов» : Антон Иванов о разногласиях в судебском сообществе. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1991007> (дата обращения: 26.08.2015).

³²²Постановление Президиума ВАС РФ от 24.04.2012 № 16404/11 по делу № А40-21127/11-98-184. URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 26.08.2015).

применения доктрины, не совпадают с обстоятельствами конкретного дела³²³; либо «...ссылка на Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.04.2012 года по делу № А40-16404/11 судом кассационной инстанции признается несостоятельной, поскольку в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.04.2012 года по делу № А40-16404/11 упоминается понятие о доктрине «срывания корпоративной вуали», под которым в рамках указанного дела раскрываются обстоятельства осуществления иностранным банком на территории Российской Федерации предпринимательской деятельности через аффилированных лиц. При этом положения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», в том числе об ответственности участников (учредителей) обществ с ограниченной ответственностью по долгам юридических лиц, а также оценка фиктивности или реальности создания обществ с ограниченной ответственностью, в указанном Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.04.2012 г. не затрагиваются»³²⁴.

Нейтральный подход характеризуется отказом применения судами к конкретным правоотношениям положений о «проникновении за корпоративный занавес», но при этом дается подробное разъяснение. В частности, в решение Арбитражного суда Красноярского края от 16.12.2014 № А33-3867/2014 суд посчитал, что наличие выгоды у учредителя при добросовестности поведения созданного им лица не порождает ответственность у данного юридического лица по долгам учредителя, иное противоречит принципам российского права. В том числе арбитражным судом приведен следующий комментарий: «Согласно концепции «снятия корпоративного занавеса», также именуемую концепцией «протыкания корпоративной вуали» (piercing the corporate veil), «проникновения

³²³Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 03.07.2014 № 05АП-6119/2014 по делу № А51-40718/2013. URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.08.2015).

³²⁴Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.01.2015 № Ф05-15548/2014 по делу № А40-52404/14-104-447. URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 26.08.2015).

за корпоративную вуаль» (Durchgriff hinter den gesellschaftsrechtlichen Schleier), при наличии определенных условий ответственность за нарушения со стороны компании возлагается на лиц, полностью ее контролирующих, если компания является всего лишь их «орудием» (vehicle), формальным прикрытием для недобросовестной деятельности. Использование компании как «альтер-эго» («фасада», «инструмента») своего владельца направлено, прежде всего, на привлечение контролирующего лица к ответственности по обязательствам контролируемой им компании (или наоборот). Иными словами, в данном случае речь идет о случаях отказа от применения «принципа отделения» имущества компании и имущества ее участников, игнорирования юридической самостоятельности юридического лица и праве кредиторов компании распространить ответственность на личное имущество ее участников, менеджеров или иных лиц, контролирующих юридическое лицо, за счет их личного имущества. Таким образом, эта доктрина защищает интересы кредиторов юридического лица...

Доктрина «обратного проникновения» (umgekehrter Haftungsdurchgriff) основывается на том, что кредиторы участника компании (как правило, единственного) получают возможность обратиться с взысканием по его личным долгам на имущество контролируемой им компании, (что в качестве исключения допускает судебная практика отдельных западноевропейских стран, например Швейцарии).

В настоящем деле ООО «ЭлектроКлуб» осуществило расходную операцию и просит вернуть произведённый платеж, а не ответчик просит привлечь общество к ответственности по долгам учредителя или наоборот, платеж произведен истцом добросовестно, доказательств злоупотребления правом в материалах дела не имеется»³²⁵.

Исключительный подход предполагает применение к исследуемым в рамках рассматриваемого дела правоотношениям положений «проникновения за

³²⁵Решение Арбитражного суда Красноярского края от 16.12.2014 № А33-3867/2014. URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 26.08.2016).

корпоративную вуаль». Например, относительно недавнего решения Арбитражного Суда Ханты-Мансийского Автономного Округа — Югры от 11.12.2014 № А75-3259/2014 суд обратился к доктрине «снятия корпоративной вуали» в целях надлежащего обоснования отказа в удовлетворении заявленного иска к индивидуальному предпринимателю о взыскании суммы неосновательного обогащения. Аргументируя необходимость применения названной доктрины касательно исследуемых отношений, арбитражный суд привел позицию выше стоящей инстанции, а именно постановление Президиума ВАС Российской Федерации от 20.04.2010 № 17095/09 по делу № А40-19/09-ОТ-13, и пояснил, что в науке гражданского права, являющееся источником гражданского права, существует доктрина «снятия корпоративных покровов (вуали)», согласно которой в случае если юридическое лицо создано лишь для видимости, в целях уклонения от ответственности, то по иску должен отвечать реальный владелец бизнеса. Данный принцип впервые был сформулирован английским судом в деле *Salomon v. Salomon and Co* в 1897 году и воспринят доктриной российского права и практикой ВАС Российской Федерации, где ВАС Российской Федерации указал, что фактически физическое лицо (Чигиринский Ш. П.) контролировало деятельность компании, являвшейся покупателем по договору, поручителем по которому являлся сам Чигиринский Ш. П., а также выдавшей вексель компании, бенефициарным собственником которой Чигиринский Ш. П. сам себя указал. Кроме того, судом сделана ссылка на пункт 6 «Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации», одобренную решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 года³²⁶.

Иным примером обращения к положениям «проникновения за корпоративный занавес» служит решение Арбитражного Суда Красноярского Края от 06.08.2014 № А32-1966/2014³²⁷, в соответствии с которым суд

³²⁶Решение Арбитражного Суда Ханты-Мансийского Автономного Округа — Югры от 11.12.2014 № А75-3259/2014. URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 26.08.2016).

³²⁷Решение Арбитражного Суда Красноярского Края от 06.08.2014 № А32-1966/2014. URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 26.08.2016).

удовлетворил требование о признании недействительным договора об уступки права требования в счет задолженности перед кредитором. В обоснование данного решения суд пояснил: «Доктрина снятия корпоративной вуали» не является сугубо теоретической правовой конструкцией, заимствованной из иностранной правовой системы. «Примером применения указанной доктрины является Постановление Президиума ВАС Российской Федерации от 24 апреля 2012 года № 16404/11. Несмотря на то, что в данном деле рассматривались иные фактические обстоятельства, общая идея заключается в следующем: правовые свойства и качества, которыми обладает один субъект - юридическое лицо, могут быть при соблюдении определенных предпосылок вменены другому субъекту - участнику юридического лица.

Такой предпосылкой является явное злоупотребление гражданскими правами, действиями в обход закона. Свойства юридической личности могут быть поставлены под сомнение, если единственный участник и руководитель общества, совершая недобросовестные действия, преследует удовлетворение собственных корыстных интересов. То есть, передавая в обход судебному запрету имущественное право требования к ОАО «Тольяттиазот», ООО «Рекол» (г. Сальск) действует недобросовестно и преследует цель - избежать имущественной ответственности перед кредиторами³²⁸.

В решение Арбитражного Суда Ярославской области от 06.06.2015 № А82-10729/2013 суд на довод заявителя о невозможности нарушения конструкции юридического лица привел следующий аргумент: «В международном праве используется концепция «протыкания корпоративной вуали», выражающаяся в том, что, если общество используется только для прикрытия деятельности его управляющего, в целях защиты прав кредиторов общества, включая государство, долг компании может быть взыскан с ее управляющего»³²⁹.

³²⁸Решение Арбитражного Суда Красноярского Края от 06.08.2014 № А32-1966/2014. URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 26.08.2016).

³²⁹Решение Арбитражного Суда Ярославской области от 06.06.2015 № А82- 10729/2013. URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 26.08.2016).

В свою очередь, исходя из анализа вышеуказанных подходов судебная практика демонстрирует достаточно разноплановую картину в сфере «проникновения за корпоративную вуаль», поскольку доктрина «снятия корпоративной вуали» - это относительно новое явление, возможность адаптации которого до сих пор четко не определена на уровне высшей судебной инстанции. Тем не менее не следует исключать того, что в ближайшем будущем на высшем судебном уровне появятся решения, разъяснения, в которых случаи пренебрежения корпоративной личностью будут рассмотрены шире.

Таким образом, резюмируя промежуточные выводы по настоящей главе, можно подвести следующий итог:

1. С точки зрения исторической ретроспективы англо-американская доктрина «снятия корпоративной вуали» и немецкий правовой механизм «Durchgriffshaftung» представляют собой случаи легального пренебрежения корпоративной личностью и ограниченной ответственностью, применения которых обусловлено рамками судебного разбирательства. При этом становление и формирование вышеназванных случаев произошло в странах, относящихся к разным правовым семьям, что подчеркивает их неповторимость и индивидуальность, которая выражается в наличии особенных черт. Между тем проявление таких особенностей нам предстоит выяснить в следующей главе настоящего исследования на примере рассмотрения определенных моделей правового регулирования ответственности основного общества по обязательствам дочернего.

2. На сегодняшний день в корпоративном праве Российской Федерации и на уровне законодательства, и на уровне судебной практики установлены тенденции к пренебрежению корпоративной личностью, которые можно расценивать как предпосылки либо к адаптации англо-американской доктрины «снятие корпоративной вуали» или немецкого правового механизма, либо к разработке иного рода альтернатив. Однако определить тот или иной путь развития возможно только при обращении к анализу их преимуществ относительно условий российского права, о чем изложено ниже.

ГЛАВА 2. МОДЕЛИ «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ И ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСНОВНОЙ (МАТЕРИНСКОЙ) КОМПАНИИ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ЕЕ ДОЧЕРНИХ КОМПАНИЙ

2.1. ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСНОВНОЙ (МАТЕРИНСКОЙ) КОМПАНИИ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ЕЕ ДОЧЕРНИХ КОМПАНИЙ В ПРАВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Из анализа предыдущей главы мы выяснили, что концепция корпорации как самостоятельного юридического лица с ограниченной ответственностью вошла в правовой обиход Великобритании еще в конце XIX века. В современном понимании она воспринимается в качестве общего принципа английского корпоративного права, в соответствии с которым личность корпорации обособлена от личности ее членов, т. е. по своим обязательствам корпорация несет самостоятельную ответственность. Кроме того, проявление данной концепции наблюдается в аспекте взаимоотношений материнская компания - ее дочерние компании: по общему правилу основная компания не несет ответственность за действия, обязательства ее дочерней компании. Однако в силу тех или иных обстоятельств право Великобритании допускает исключения из этого правила в виде правовой доктрины «снятия корпоративной вуали» («piercing/lifting the corporate veil»). Перед подробным описанием применения положений данной доктрины в названном аспекте отдельно остановимся на определении понятий основной и дочерней компании в статутном праве Великобритании.

2.1.1. АНЛИЙСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОСНОВНОЙ (МАТЕРИНСКОЙ) КОМПАНИИ И ДОЧЕРНЕЙ КОМПАНИИ

Впервые определение дочерней компании появилось в статье 154 Акта о компаниях 1948 года³³⁰, в соответствии с которым:

«Некоторая компания выступает дочерней по отношению к другой в случае, если:

1) эта другая компания выступает как ее член, при этом контролируя формирование состава ее совета директоров;

2) другой компанией удерживается более половины (в номинале) ее обыкновенных акций;

3) эта компания является дочерней компанией по отношению к другой компании, которая также является дочерней компанией этой другой компании».

Причем, комментируя последний пункт вышеприведенных нормативных положений, В. Д. Федчук поясняет, что если компания X является холдинговой компанией Y, которая, в свою очередь, является холдингом по отношению к третьей компании Z, то компания X автоматически является холдингом по отношению к компании Z, даже если она не является владельцем ее акций и не имеет прямого контроля над формированием состава директоров ее совета директоров³³¹.

В свою очередь, опять же В. Д. Федчук замечает, что по Акту 1948 года материнская компания воспринималась как холдинг, т. е. она являлась членом дочерней компании и контролировала формирование ее совета директоров³³².

Естественно, впоследствии определения участников группы компаний подверглись модификации в дальнейшем законодательстве: Акты о компаниях 1976, 1980, 1985, 1989 и 2006 годов.

³³⁰Companies Act 1948. URL : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1948/38/contents/enacted> (дата обращения : 17.09.2015).

³³¹Федчук В. Д. Указ. соч. С. 202.

³³²Федчук В. Д. Указ. соч. С. 201.

Так, Акт о компаниях 2006 года³³³ стал самым большим актом за всю историю английского корпоративного законодательства, который состоит из 1300 статей и 16 приложений. Согласно статьям 3-6 данного акта на территории Великобритании могут быть созданы следующие типы компаний:

- *Private company limited by shares* (частная компания с ответственностью, ограниченной акциями);
- *Private unlimited company* (частная компания с неограниченной ответственностью);
- *Private company limited by guarantee* (частная компания с ответственностью, ограниченной по гарантии);
- *Public limited company* (публичная компания с ограниченной ответственностью);
- *Community interest company* (компания общественного интереса).

Небезынтересно отметить, что в вышеприведенной типологии принцип ограниченной ответственности играет одну из решающих ролей при выборе той или иной организационно-правовой формы компании. Например, *private company limited by shares* (частная компания с ответственностью, ограниченной акциями) предполагает ответственность ее членов в пределах неоплаченной части акций, из которых и состоит уставный капитал компании, *private company limited by guarantee* (частная компания с ответственностью, ограниченной по гарантии) также устанавливает ответственность ее членов в пределах суммы, которую они должны внести в активы компании в случае ее ликвидации, *private unlimited company* (частная компания с неограниченной ответственностью) предполагает ответственность ее членов, которая не имеет ограничения, *public limited company* (публичная компания с ограниченной ответственностью) отличается от предыдущих типов тем, что уставный капитал состоит из акций, которые подлежат открытому размещению, ответственность ее членов ограничена пределами суммы неоплаченной части акций (*limited by shares*) или пределами

³³³Companies Act 2006. URL : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents> (дата обращения : 17.09.2015).

суммы, которую необходимо внести в имущество компании при ее ликвидации (limited by guarantee); community interest company (компания общественного интереса) создаются как компании с ответственностью, ограниченной акциями, и не имеющие акционерного капитала, а также компании с ответственностью, ограниченной по гарантии, имеющие и не имеющие акционерный капитал, при этом прибыль которых направлена на общественно-полезные цели.

Что касается отношений материнская - дочерняя компании, то Акт о компаниях 2006 года регламентирует их в статьях 1159, 1161, 1162³³⁴.

В соответствии с положениями статьи 1159 Акта о компаниях 2006 года³³⁵ (ранее — статья 736 Акта о компаниях 1985 года³³⁶) понятие дочерней компании определено с позиции холдинговой компании, т.е. компании, которая участвует в капитале другой:

(1) Компания является дочерней по отношению к «другой компании, его «холдинговой компании», если это другая компания:

(а) имеет большинство голосующих акций в ней, или

(б) является ее членом и имеет право назначать или снимать большинство членов совета директоров, или

(с) является ее членом и контролирует ее самостоятельно или совместно с другими акционерами или членами на основании заключенного с ними договора, согласно которому большинство голосующих прав закрепляются за ней, или если она является дочерней компанией компании, которая сама по себе является дочерней к другой компании.

Кроме того, пункт 2 названной статьи указывает на то, что компания является «находящейся в полной собственности дочерней», если она не имеет других участников за исключением последней компании и находящейся в ее

³³⁴Companies Act 2006. URL : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents> (дата обращения : 17.09.2015).

³³⁵Companies Act 2006. URL : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents> (дата обращения : 17.09.2015).

³³⁶Companies Act 1985. URL : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1985/6/contents> (дата обращения : 17.09.2015).

полной собственности дочерних компаний, или лиц, действующих от имени таковой или таковых.

В свою очередь, в пункте 4 статьи 1159 Акта о компаниях 2006 года³³⁷ дается пояснение касательно применения термина «компания», под которым понимается любое корпоративное образование.

Оценивая приведенное определение «дочерней компании» на предмет правоприменения, многие правоведы пришли к однозначному выводу о том, что оно не отличается простотой и, как представляется, сложно для понимания и применения³³⁸. Скорее всего, именно по данной причине, по мнению И. В. Григораш³³⁹, судебная практика и «оживила» данные нормы. По этому поводу он отмечает, что юрисдикция общих судов данное понятие рассматривает в двух аспектах: «дочернее предприятие» - это самостоятельная компания; «дочернее предприятие» - это компания, которая определенным образом связана с другой. Первый аспект подтверждается следующим аргументом: «Дочерняя компания - это, прежде всего, обособленная юридическая единица, имеющая все необходимые характеристики, чтобы являться юридическим лицом. При этом для ее формально-логического существования как юридического лица не имеет значения, является ли она независимой (неподчиненной, неконтролируемой, самостоятельной) или, наоборот, зависимой (подчиненной, несамостоятельной, контролируемой), но, безусловно, с соблюдением надлежащих процедур дочерней компанией, которые легализируют такую ее зависимость»³⁴⁰. Вторым аспектом выражается в наличии имущественно-финансового характера таких связей³⁴¹.

Кроме того, в статье 1162 Акта о компаниях 2006 года³⁴² содержатся определения и «материнского предприятия» («parent undertaking»), и «дочернего

³³⁷Companies Act 2006. URL : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents> (дата обращения : 17.09.2015).

³³⁸Федчук В. Д. Указ. соч. С. 203.

³³⁹Григораш И. В. Зависимые юридические лица в гражданском праве. М.: Волтерс Клувер, 2007. С.82.

³⁴⁰Григораш И. В. Указ. соч. С. 35 - 36.

³⁴¹Григораш И. В. Указ. соч. С. 35 - 36.

³⁴²Companies Act 2006. URL : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents> (дата обращения : 17.09.2015).

предприятия» («parent undertaking»). Причем исходя из положений предыдущей статьи под предприятием («subsidiary undertaking») понимается или любое корпоративное образование, или товарищество, или объединение без образования юридического лица, которое имеет отношение к торговле либо бизнесу, созданное с целью извлечения прибыли либо нет. В соответствии с пунктом 2 статьи 1162 Акта о компаниях 2006 года³⁴³ предприятие является материнской компанией по отношению к другой компании, дочернему предприятию, если:

- (a) оно имеет большинство голосующих акций в другом предприятии, или
- (b) оно является членом другого предприятия и имеет право назначать или снимать большую часть в совете директоров, или
- (c) оно имеет право оказывать доминирующее влияние над другим предприятием, или
 - (i) в силу положений, содержащихся в уставе данного предприятия, или
 - (ii) в силу договора об управлении, или
- (d) оно является членом предприятия и контролирует его самостоятельно или совместно с другими акционерами или членами на основании заключенного с ними договора, согласно которому большинство голосующих прав закрепляются за ним.

Согласно положениям пункта 3 статьи 1162 Акта о компаниях 2006 года³⁴⁴ для целей пункта 2 настоящей статьи предприятие рассматривается в качестве члена другого предприятия, если:

- (a) любой из его дочерних предприятий является членом этого предприятия, или
- (b) лицо, действующее от его имени или имени любого из его дочерних предприятий, имеет какие-либо акции в другом предприятии.

³⁴³Companies Act 2006. URL : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents> (дата обращения : 17.09.2015).

³⁴⁴Companies Act 2006. URL : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents> (дата обращения : 17.09.2015).

В силу положений пункта 4 статьи 1162 Акта о компаниях 2006 года³⁴⁵ предприятие является также материнским по отношению к другой компании, дочернему предприятию, если:

(a) оно имеет право осуществлять или фактически осуществлять доминирующее влияние или контроль над ним, или

(b) его управление осуществляется на единой основе с дочерним предприятием.

При этом статья 1162 Акта о компаниях 2006 года³⁴⁶ частично повторяет положения статьи 1159 Акта о компаниях 2006 года³⁴⁷, однако в ней отношения «дочерности» определены с более широкой позиции, чем в данной статье, и они применяются непосредственно к бухгалтерским положениям настоящего законодательного акта.

Таким образом, вышеприведенные определения демонстрируют, что группой компаний может считаться объединение вертикального типа, для которого определяющим является факт осуществления контроля, а не факт экономической зависимости.

³⁴⁵Companies Act 2006. URL : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents> (дата обращения : 17.09.2015).

³⁴⁶Companies Act 2006. URL : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents> (дата обращения : 17.09.2015).

³⁴⁷Companies Act 2006. URL : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents> (дата обращения : 17.09.2015).

2.1.2. ПРИМЕНЕНИЕ ДОКТРИНЫ «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» К ОТНОШЕНИЯМ МЕЖДУ МАТЕРИНСКОЙ КОМПАНИЕЙ И ЕЕ ДОЧЕРНИМИ КОМПАНИЯМИ

Необходимость преодоления общего корпоративного правила, в соответствии с которым основная компания не несет ответственность за действия, обязательства ее дочерней компании согласно концепции самостоятельности и ограниченной ответственности юридических лиц, вызвана случаями экономической зависимости юридически независимых лиц. Парадоксальность данной ситуация объясняется тем, что в условиях экономических реалий юридически независимые корпорации все чаще теряют свою волю и интерес в результате управления лицами, формально не обладающими правами на их управление. Отчасти об этом свидетельствуют следующие организационные показатели: основное финансирование компании осуществляется из «скрытых» источников, наблюдается пересечение директоров, топ менеджеров компаний, несоблюдение юридических формальностей, недокапитализация компании и т. п. Одна из распространенных схем такого управления охватывает радиус отношений материнские — дочерние компании. Проявление зависимости дочерних компаний выражается в форме злоупотребления трансферными ценами, использования активов дочерней компаний в интересах материнской компании, злоупотребления полномочиями директоров дочерних компаний, являющихся одновременно директорами материнской компании, злоупотребления корпоративной личностью дочерней компанией и т. д.

Итак, с применением различных схематических установок контролирующие силы материнской компании преследуют ни что иное как собственную выгоду. В результате чего дочерние компании фактически теряют свою независимость и самостоятельность, что существенным образом противоречит конструкции юридического лица. Для решения подобных ситуаций англо-американским судом была разработана и применена правовая доктрина «снятия корпоративной вуали»,

которая позволяет привлечь к ответственности те самые контролирующие силы материнской компании.

Распространенными случаями «снятия корпоративной вуали» по схеме основная (материнская) — дочерняя компании в праве Великобритании являются установление судами совокупности фактов, подтверждающих существование предприятий—фасадов (the Facade) в рамках холдинговой структуры, обстоятельств, свидетельствующих об едином экономическом устройстве материнских и дочерних компаний, а также наличия агентских отношений (the Agency).

1. Установление судом совокупности фактов, подтверждающих существование предприятий — «фасадов» (the facade) в рамках холдинговой структуры.

Указанный случай характеризуется обращением к следующей схеме: материнская компания использует корпоративные структуры ее дочерних компаний в целях прикрытия истинных фактов, связанных с мошенничеством. Установив названную схему, суд Великобритании, несмотря на концепцию самостоятельности корпоративной личности, привлекает к ответственности контролируемую компанию. В основном обоснование судов относительно применения доктрины «снятия корпоративной вуали» к отношениям материнские компании - дочерние компании строится с учетом положений, зафиксированных в решениях по делам *Gilford Motor Co v. Horne*³⁴⁸, *Jones v. Lipman*³⁴⁹.

Согласно фабуле первого дела при приеме на работу на должность управляющего директора господином Хорн был подписан контракт, в соответствии с которым запрещалось оказывать услуги клиентам компании *Gilford Motor Co* по их защите в спорах с работодателем. Преодолеть данное условие контракта господин Хорн решил после его увольнения, учредив компанию, которая занималась оказанием аналогичных услуг, что и компания *Gilford Motor Co*, в том числе и оказанием защиты в спорах с работодателем.

³⁴⁸*Gilford Motor v. Horne*, Ch. at 943 (1933).

³⁴⁹*Jones v. Lipman*, 1 W.L.R. 832 (1962).

Расценивая такие действия в качестве нарушения условия заключенного контракта, представители компании *Gilford Motor Co* обратились в суд за защитой. В свою очередь, суд квалифицировал действия господина Хорна как нарушение наложенного на него запрета, пояснив, что учреждение компании, оказывающей те же услуги, является фактическим «покрывалом» его деятельности.

В деле *Jones v. Lipman*³⁵⁰ также пресечена попытка господина Липмана уклониться от личной ответственности посредством применения корпоративной структуры юридического лица. Суть дела заключается в том, что во избежание исполнения обязательств по заключенному контракту на продажу участка земли господином Липманом создается компания, впоследствии которой продается этот же участок земли. Исследовав все обстоятельства указанного дела, суд посчитал, что единственная цель создания данной компании выражается в предотвращении передачи недвижимости по заключенному контракту. Соответственно, существование такой компании является притворством.

Зафиксированные в вышеприведенных делах положения касаются возможности привлечения к ответственности контролирующих лиц при сокрытии под корпоративной формой истинных фактов. В первом случае суд установил факт преодоления контрактного запрета, а во втором факт предотвращения передачи недвижимости. Полученные в делах *Gilford Motor Co v. Horne*³⁵¹, *Jones v. Lipman*³⁵² выводы стали хорошим подспорьем в дальнейшей судебной практике относительно «проникновения за корпоративную вуаль». Так, в аспекте отношений материнские-дочерние компании вопрос о «снятии корпоративной вуали» решается положительно при доказанности совокупности обстоятельств, свидетельствующих о скрывании под корпоративной формой дочерней компании истинных фактов.

³⁵⁰Jones v. Lipman, 1 W.L.R. 832 (1962).

³⁵¹Gilford Motor v. Horne, Ch. at 943 (1933).

³⁵²Jones v. Lipman, 1 W.L.R. 832 (1962).

В деле *DHN Food Distrib. Ltd. v. London Borough of Tower Hamlets*³⁵³ был заявлен иск материнской компанией о наделении ее правом на компенсацию вследствие принудительного приобретения Лондонским муниципалитетом участка земли, принадлежавшего на праве собственности ее дочерней компании. Исходя из материалов дела материнской компанией данный участок использовался для ведения внешнеторговой деятельности. В связи с чем Апелляционный суд установил, что эти две компании ввиду единства интересов должны пониматься как одна компания. Следовательно, есть основание для выплаты соответствующей компенсации в том числе и материнской компании. Однако данное основание было поставлено под сомнение делом *Woolfson v. Strathclyde Regional Council*³⁵⁴. Отказав в выплате компенсации вследствие принудительного выкупа земельного участка, на котором располагалась коммерческая недвижимость, суд пояснил, что обстоятельства настоящего дела не совпадают с обстоятельствами предыдущего. В частности, в деле *DHN Food Distrib. Ltd. v. London Borough of Tower Hamlets*³⁵⁵ собственником земельного участка была дочерняя компания, которая осуществляла свою деятельность в интересах материнской компании, что свидетельствует об отношениях контроля и подконтрольности. В данном случае истец организовал ведение дел так, что его лишь доля составила 50 % в компании, на которую была оформлена часть недвижимости, а 99,9 % акций принадлежали ведущей бизнес компании, остальные акции — его жене. По мнению Палаты Лордов из указанной схемы не устанавливаются отношения контроля и подконтрольности, а также дочерности, как это было в деле *DHN Food Distrib. Ltd. v. London Borough of Tower Hamlets*³⁵⁶. Причем Лорд Фрезер, ссылаясь на материалы предыдущего дела, привел актуальное основание применения доктрины «снятия корпоративной вуали»: наличие особых обстоятельств, указывающих на то, что это лишь «фасад» («mere facade»), под которым скрываются истинные факты. Согласно этой логике

³⁵³*DHN Food Distrib. Ltd. v. London Borough of Tower Hamlets*, 3 All E. R. 462 (C. A. 1976).

³⁵⁴*Woolfson v. Strathclyde Regional Council*, S.C.(H.L.) at 96 (1978) ; Moore, *supra* note 2, at 180–81 ; Whincup, *supra* note 5, at 158–59.

³⁵⁵*DHN Food Distrib. Ltd. v. London Borough of Tower Hamlets*, 3 All E. R. 462 (C. A. 1976).

³⁵⁶*DHN Food Distrib. Ltd. v. London Borough of Tower Hamlets*, 3 All E. R. 462 (C. A. 1976).

должным обоснованием для «проникновения за корпоративную вуаль» в деле *DHN Food Distrib. Ltd. v. London Borough of Tower Hamlets*³⁵⁷ следует считать не единую личность двух компаний, а сокрытие под корпоративной личностью дочерней компанией фактов, изобличающих полный контроль ее материнской компании.

Кроме того, В. Д. Федчук акцентирует внимание на том, что вопрос состава понятия «*mere facade*» («простой фасад») в рамках дела *Woolfson v. Strathclyde Regional Council*³⁵⁸ был не раскрыт³⁵⁹.

В свою очередь, в деле *Re A Company Ltd*³⁶⁰ был снят корпоративный занавес ради достижения справедливости. Применяя холдинговую структуру управления, акционеры компании *Re A Company Ltd.* контролировали сеть зарубежных компаний и трастов, через которые проводились операции с активами. В данном деле речь шла о «намеренном скрывании идентичности и деятельности холдинговой компании»³⁶¹, в основе которого лежит факт злоупотребления корпоративной личностью дочерней компанией. Хотя сам термин «злоупотребление правом» в английской правовой системе не употребляется как в континентальной, его альтернативной является конструкция «преодоления несправедливости».

Вполне вероятно, что приведенные выводы по настоящему делу входят в понятие «*mere facade*» («простой фасад»). Тем не менее вопрос состава данного понятия в судебной практике Великобритании остается открытым, поскольку суды в процессе вынесения решения руководствуются индивидуальным подходом, который предполагает, в том числе и проведение экономического анализа фактических обстоятельств дел. Кроме того, В. Д. Федчук замечает, что «понятие «фасад» является понятием, вне сомнений, очень близким к мошенничеству...»³⁶². Какова же степень их близости? Однако ученый не дает

³⁵⁷*DHN Food Distrib. Ltd. v. London Borough of Tower Hamlets*, 3 All E. R. 462 (C. A. 1976).

³⁵⁸*Woolfson v. Strathclyde Regional Council*, S.C.(H.L.) at 96 (1978) ; Moore, *supra* note 2, at 180–81 ; Whincup, *supra* note 5, at 158–59.

³⁵⁹Федчук В. Д. Указ. соч. С. 228.

³⁶⁰*Re A Company Ltd.*, 205 BCLC 333 (C. A. 1985).

³⁶¹Федчук В. Д. Указ. соч. С. 228.

³⁶²Федчук В. Д. Указ. соч. С. 228.

конкретного ответа на поставленный вопрос, поскольку английский суд старается избежать каких-либо общих рамок в данной области.

Весьма интересным случаем касательно возможности «проникновения за корпоративный занавес» является дело *The Print Factory (London) 1991 Ltd. v. Millam*³⁶³. В данном деле «снятие корпоративной вуали» рассматривалось в рамках трудового спора о незаконном увольнении сотрудника, в котором был затронут вопрос о независимости корпоративной личности компаний, входящих в холдинговую структуру, поскольку бывший сотрудник дочерней компании имел намерение привлечь к ответственности контролируемую компанию. Апелляционный суд, не отрицая наличие холдинговых отношений, поддержал доводы заявителя апелляционной жалобы об отдельном существовании компаний и не произвел «проникновения за корпоративный занавес». При этом обоснование суда было построено с учетом положений, зафиксированных в делах *Adams v. Cape Industries plc.*³⁶⁴, *Woolfson v. Strathclyde Regional Council*³⁶⁵: применение правовой доктрины «снятие корпоративной вуали» не приветствуется в рамках трудовых споров; актуальным основанием для ее применения является наличие особых обстоятельств, указывающих «простой фасад» («mere facade»), под которым скрываются истинные факты. Относительно настоящих обстоятельств дела суд посчитал, что «проникновение за корпоративную вуаль» в данном случае не имеет необходимости, поскольку проводимый контроль в холдинге не повлиял на независимость корпоративной личности дочерних компаний, о чем свидетельствуют следующие факты: в результате покупки акций компания «Fencourt» сохранила свои активы и свой штат сотрудников, бизнес дочерних компаний отличался от бизнеса материнской компании, обстоятельство передачи управленческого контроля не означает передачу бизнеса и т. д. Следовательно, применение холдинговой структуры в настоящем случае не выражает обмана (sham), а под корпоративной личностью дочерней компании не скрываются какие-

³⁶³*The Print Factory (London) 1991 Ltd v. Millam*, UKEAT 0253 06 0108 (1 August 2006).

³⁶⁴*Adams v. Cape Industries plc.*, 2 WLR 657 (1990).

³⁶⁵*Woolfson v. Strathclyde Regional Council*, S.C.(H.L.) at 96 (1978) ; Moore, *supra* note 2, at 180–81 ; Whincup, *supra* note 5, at 158–59.

либо иные факты. Скорее всего, в данном контексте суд под обманом имел в виду конструкцию злоупотребления корпоративной формой юридического лица.

Кроме того, итоги названного дела подчеркивают не только исключительный характер, но узкую направленность «снятия корпоративной вуали».

2. Установление судом обстоятельств, свидетельствующих об едином экономическом устройстве материнских и дочерних компаний.

В рамках первой главы настоящего исследования уже упоминалось о теории единого экономического устройства (the single economic unit theory). Еще раз повторим, что ключевую роль в формировании данной теории сыграла деятельность Лорда Деннинга: *Scottish Cooperative Wholesale Society v. Meyer*³⁶⁶, *Littlewoods Mail Order Stores v. Inland Revenue Commissioners*³⁶⁷, *Wallersteiner v. Moir*³⁶⁸, *D.H.N. Food Distributors Ltd. v. Tower Hamlets London Borough Council*³⁶⁹ и т. д. Основная суть теории единого экономического устройства (the single economic unit theory) заключается в стирании границ между корпоративными личностями, когда дело касается единых экономических интересов материнских и дочерних компаний. Следствием чего, как правило, является привлечение материнской компании к ответственности по обязательствам ее дочерних компаний, т. е. «снятие корпоративной вуали».

Лорд Деннинг в делах *Lee v. Sheard*³⁷⁰, *D.H.N. Food Distributors Ltd. v. Tower Hamlets London Borough Council*³⁷¹ в качестве обоснования прибегал к излюбленному приему сравнения деятельности холдинговых структур с товариществом. Применительно к обстоятельствам дела *D.H.N. Food Distributors*

³⁶⁶*Scottish Cooperative Wholesale Society v. Meyer*, A.C. 324 (H.L.) at 364 (1959).

³⁶⁷*Littlewoods Mail Order Stores v. Inland Revenue Commissioners*, 1 W.L.R. 1241 (A.C.) at 1254 (Eng. 1969).

³⁶⁸*Wallersteiner v. Moir*, 1 W.L.R. 991 (A.C.) at 993, 1013 (Eng. 1974).

³⁶⁹*D.H.N. Food Distributors Ltd. v. Tower Hamlets London Borough Council*, 1 W.L.R. 852 (A.C.) at 857 (Eng. 1976).

³⁷⁰*Lee v. Sheard*, 1 Q.B. At 196 (1956).

³⁷¹*D.H.N. Food Distributors Ltd. v. Tower Hamlets London Borough Council*, 1 W.L.R. 852 (A.C.) at 857 (Eng. 1976).

*Ltd. v. Tower Hamlets London Borough Council*³⁷² известный правовед употребил термин «три в одном». «Три компании в одной. Либо одна компания в трех... Эта группа компаний фактически представляет собой партнерство, в котором все три компании партнеры. Они не должны рассматриваться отдельно, ибо их нельзя победить с технической стороны»³⁷³. Его позиция строилась на следующих аргументах: во-первых, «материнская компания может контролировать каждое движение дочерней, во-вторых, холдинг — это же самое, что и партнерство. Впоследствии его тактика, направленная на стирание границ между корпоративными личностями внутри холдинга, подверглась критике. Так, например, в решении по делу *Bank of Tokyo v. Karoon*³⁷⁴ суд, отрицая аргумент применения теории единого экономического устройства, пояснил, что его интересует рассмотрение дела не с позиции экономики, а с позиции буквы закона.

Несмотря на критику, английский суд не отказался от обращения к основным постулатам данной теории. К тому же употребление в правовом обиходе термина «теория единого экономического устройства» («the single economic unit theory») связано не только с деятельностью Лорда Деннинга, но и его комментаторов, и последующей судебной практикой³⁷⁵. Так, в 40-ых годах XX века профессор Адольф Берли в рамках экономической составляющей холдинговой организации предложил конструкцию ответственности контролирующего предприятия³⁷⁶. К ответственности контролирующего предприятия внутри холдинга призвали и другие авторы³⁷⁷. Кроме того, правовед Томас Ченг считает, что если данную теорию определить с более четкой позиции: выделить определенную область ее действия, то она может быть полезным

³⁷²D.H.N. Food Distributors Ltd. v. Tower Hamlets London Borough Council, 1 W.L.R. 852 (A.C.) at 857 (Eng. 1976).

³⁷³D.H.N. Food Distributors Ltd. v. Tower Hamlets London Borough Council, 1 W.L.R. at 857–58, 860–61, 867–68 (1976).

³⁷⁴Bank of Tokyo v. Karoon, A.C. 45, 64 (1987).

³⁷⁵Pierelli Cable Holding NV v. Inland Revenue Comm'rs, UKHL 4, 1 W.L.R. 400 (H.L.) (Eng. 2006).

³⁷⁶Berle A. A. The Theory of Enterprise Entity, 47 Colum. L. Rev. 343, 352–54, 1947.

³⁷⁷Blumberg P. I. Limited Liability and Corporate Groups. 11 J. CORP.L. 591-595, 605-607, 1986.

инструментом³⁷⁸. Доказательством того, что теория единого экономического устройства (the single economic unit theory) имеет место в современной судебной практике Великобритании является принятие решений по ряду дел. Например, деятельность материнской и ее дочерней компании была признана в качестве единого образования в деле *Acatos & Hutcheson v. Wattson*³⁷⁹. А в деле *Pierelli Cable Holding NV v. Inland Revenue Comm'rs*³⁸⁰, связанном с налогообложением, суд пояснил, что применение доктрины «снятия корпоративной вуали» в компенсационных целях имеет место, если речь идет об едином экономическом образовании материнской и ее дочерних компаний. Ввиду чего необходимо исследовать правомерность оснований для выплаты компенсации. И такую правомерность суд в рамках настоящего дела установил.

3. Установление судом агентских отношений (the Agency).

В общем понимании агентское правоотношение по праву Великобритании — это возможность одного лица (агента) создавать для другого лица (принципала) юридически обязывающие договорные отношения с третьей стороной. На агента возлагаются обязанности заботливости и лояльности (duty of care and duty of loyalty). В отечественном праве аналогом данных отношений могут служить институты представительства, поручения, договоры агентирования, комиссии, конечно же с некоторыми оговорками.

При этом английской судебной практикой допускается применение теории агентских отношений в целях обоснования «проникновения за корпоративный занавес»: материнская компания привлекается к ответственности по обязательствам дочерней в случае, если последняя компания действовала как агент первой (принципала).

Впервые возможность применения механизма агентства для целей «проникновения за корпоративный занавес» была заявлена в деле *Salomon v.*

³⁷⁸Cheng T. K. Op. cit.

³⁷⁹*Acatos & Hutcheson v. Wattson*, 1 BCLC 218, BCC 446 (Ch. 1995).

³⁸⁰*Pierelli Cable Holding NV v. Inland Revenue Comm'rs*, UKHL 4, 1 W.L.R. 400 (H.L.) (Eng. 2006).

*Salomon & Co. Ltd.*³⁸¹, в котором Лорд Холсбери посчитал, что «снятие корпоративной вуали» допустимо, если между компаниями и ее членами есть определенного рода соглашение.

Затем в деле *Smith, Stone & Knight Ltd. v. Birmingham*³⁸² судья Аткинсон установил фактический контроль материнской компании над дочерней компанией, охарактеризовав связь между двумя компаниями одной группы как агентские отношения. Причем такой контроль был установлен в процессе дачи ответов на подобного рода вопросы:

- (1) Кто в действительности управлял бизнесом?
- (2) Относилась ли полученная прибыль к прибыли основной компании?
- (3) Была ли основная компания определяющей коммерческой организацией?
- (4) Решала ли основная компания вопросы по определению основной деятельности, а также много ли инвестиций она вложила в развитие бизнеса?
- (5) Получила ли основная компания прибыль, полученную в результате проведения ею корпоративной политики и управления?
- (6) Кроме того, был ли у основной компании действительный и постоянный контроль?

Продемонстрированный подход является новаторским, поскольку вопросы в заданном направлении представляют собой своеобразный тест, который помимо установления обстоятельств конкретного дела позволяет сделать вывод о степени контроля материнских компаний за деятельностью дочерних.

Однако в данном деле доктрина «снятия корпоративной вуали» применена с положительной стороны, т. е. материнская компания получила право на компенсацию, а не была привлечена к ответственности.

Небезынтересным делом в данной области стал кейс *Wallterstein v. Moir*³⁸³. Согласно фабуле названного дела господина Воллстейнер в нарушении запретов на финансовую помощь (статья 54, статья 190. Закона о компаниях 1948 года)

³⁸¹*Salomon v. Salomon & Co. Ltd.*, A.C. 22 (1897).

³⁸²*Smith, Stone & Knight Ltd. v. Birmingham*, 4 All E.R. 116 (K.B.) (Eng. 1939).

³⁸³*Wallterstein v. Moir* (N2), 1 WLR 991 (1974).

получил 80 % акций компании *Hartley Baird Ltd.* В результате он стал мажоритарным акционером данной компании. В свою очередь, желая разоблачить преступную схему, миноритарный акционер компании *Hartley Baird Ltd.*, некий господин Мойр, распространил соответствующую информацию. В ответ на эти действия господин Воллстейнер обратился в суд с иском о клевете. Исход данного дела был таков: заявленный иск остался без удовлетворения, при этом Лорд Деннинг посчитал, что деятельность зарегистрированных в Лихтенштейне компаний находится под полным контролем господина Воллстейнера: «Он контролировал их каждое движение, а они танцевали под его дудку..., или, переводя на юридический язык, они были агентами и делали так, что он повелевал..., а они оказались в пределах недосягаемости... Я нахожу, что суд должен снять корпоративные покровы и привлечь его к ответственности»³⁸⁴.

Однако в указанном деле схема материнская - дочерние компании имеет место, при этом внимание суда в основном сосредоточено на определенном физическом лице и привлечении его к ответственности как контролирующего субъекта.

Наиболее четкая линия касательно ответственности именно материнской компании прослеживается в ряде дел, связанных с налоговыми правонарушениями. Так, в деле *Burman v. Hedges & Butler*³⁸⁵ суд посчитал, что к выводу о признании дочерней компании в качестве агента материнской компании нелегко прийти, поскольку одного лишь факта дочерности недостаточно, необходима совокупность обстоятельств, прямо или косвенно указывающих на агентские отношения. Возникает вопрос: что должно входить в данную совокупность? Относительно рассматриваемого дела судья Уолтон предположил, что помимо отношений дочерности в качестве доказательств механизма агентства подлежат, в том числе и фактические обстоятельства: документы и иные договоренности, свидетельствующие о зависимом положении дочерней

³⁸⁴Wallterstein v. Moir (N2), 1 WLR 991 (1974).

³⁸⁵Burman v. Hedges & Butler, STC 136 (1979).

компании. Вполне вероятно, что в данном случае речь идет о наличии соглашений, способных связать материнскую и дочернюю компанию.

В деле *IRC v. Burmah Oil Co Ltd.*³⁸⁶, несмотря на установленную совокупность фактических обстоятельств механизма агентства, наличие отношений дочерности, подтверждение планирования соответствующих сделок, включение в состав совета директоров заинтересованных компаний согласно плану совершения сделок, суд не посчитал необходимым привлечь к ответственности материнскую компанию.

В деле *Adams v. Cape Industries plc*³⁸⁷. Апелляционный Суд отказался привести в исполнение решение, вынесенное в США, на основании того, что британская компания не попадает под американскую юрисдикцию. Согласно материалам дела на территории США продавался асбест аффилированными структурами одной британской компании. В результате чего работниками одной американской компании был предъявлен иск о возмещении вреда, причиненного здоровью, к соответствующим лицам, в том числе и к британской компании, который впоследствии был удовлетворен тexasским судом. В свою очередь, при рассмотрении английским судом приведения в исполнение решения американского суда был затронут вопрос «проникновения за корпоративный занавес» и теории «агентских отношений». Изучая обстоятельства данного дела, суд посчитал, что американская дочерняя компания не являлась «простым фасадом» английской материнской компании. Следовательно, основание для «снятия корпоративной вуали» отсутствует. Кроме того, один лишь факт контроля одной компании над другой не свидетельствует о наличии агентских отношений.

В последнем случае суд дает понять, что нет необходимости применения теории «агентских отношений» для целей «проникновения за корпоративный занавес», поскольку отношения принципала (материнская компания) — агента

³⁸⁶*IRC v. Burmah Oil Co Ltd.*, STC 30 (1982).

³⁸⁷*Adams v. Cape Industries plc.*, Ch 433 (1990).

(дочерняя компания) могут признаны и без лишения статуса корпоративной личности.

Принимая во внимание позицию английских судов в вопросе ответственности материнской компании как принципала по обязательствам ее агента (дочерней компании), можно констатировать, что основанием для такой ответственности служит доказанность наличия определенной совокупности обстоятельств. При этом судом Великобритании четко не сформулирован ее состав, что приводит в процессе правоприменения к тем или иным трудностям. Например, среди таких трудностей можно выделить следующий момент: достаточно ли совокупности фактов, свидетельствующих о нахождении дочерней компании в стопроцентной собственности ее материнской компании, или степень плотности контроля материнской компании зависит и от других обстоятельств? Урегулировать названный момент предложил еще судья Аткинсон в деле *Smith, Stone & Knight Ltd. v. Birmingham*³⁸⁸ путем введения в процесс доказывания механизма тестирования. Однако, несмотря на попытку систематизировать названный процесс на предмет наличия или отсутствия агентских отношений, последующая судебная практика не восприняла ее всерьез³⁸⁹. Скорее всего, данный отказ объясняется тем, что такого рода систематизация способна нарушить индивидуальный подход судебного разбирательства. По этим причинам суды Великобритании, в основном, стараются не обосновывать применение доктрины «снятия корпоративной вуали» теорией агентских отношений³⁹⁰. Тем не менее данная тенденция не свидетельствует о полном отказе английских судов от ее применения. В частности, в недавнем деле *Foster & Anor v. Action Aviation Ltd*³⁹¹ суд пояснил, что одного лишь факта рассмотрения прибыли дочерней компании как прибыли материнской компании недостаточно для квалификации

³⁸⁸Smith, Stone & Knight Ltd. v. Birmingham, 4 All E.R. 116 (K.B.) (Eng. 1939).

³⁸⁹Jones v. Lipman, 1 W.L.R. At 836–37 (1962) ; In re F.G. (Films), 1 W.L.R. at 486 (1953).

³⁹⁰Adams v. Cape Industries plc. Ch 433 (1990) ; Glasgow City Council v. Castrop Ltd., ScotCS 218 (6 September 2001). URL : <http://www.bailii.org/scot/cases/ScotCS/2001/218.html>. (дата обращения : 10.09.2015).

³⁹¹Foster & Anor v. Action Aviation Ltd., EWHC 2439 (Comm.) (08 August 2013). URL : <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Comm/2013/2439.html>. (дата обращения : 10.09.2015).

агентских отношений; при этом в исключительных случаях допускается возможность действия компании в качестве агента своего акционера (материнской компании). Как правило, такие случаи связаны с предъявлением требования самой холдинговой компании, которое рассматривается в позитивном аспекте, т. е. судом признаются за материнской компанией определенные права, в частности, право на компенсацию.

Следует отметить, что очередность расположения перечисленных выше оснований «снятия корпоративной вуали» не является произвольной, она зависит от актуального обращения судебной практики. На сегодняшний день английский суд считает наиболее актуальным основанием «проникновения под корпоративный занавес» в холдинговых структурах — установление совокупности фактов, подтверждающих наличие предприятий-фасадов (the Facade). Хотя в решениях суда Великобритании касательно «снятия корпоративной вуали» не прослеживается четкая правовая позиция: условия и особенности ответственности материнской компании сформулированы строго в индивидуальном порядке. Несмотря на данную особенность, представляется возможным обобщить выделенные основания «снятия корпоративной вуали» в радиусе отношений материнские — дочерние компании.

Итак, по своему характеру они являются сложными основаниями, поскольку состоят не из четко определенного набора обстоятельств, а из той совокупности обстоятельств, которую невозможно зафиксировать в тех или иных источниках. Невозможность фиксации объясняется не только индивидуальным подходом суда к рассмотрению кейсов, но и особой природой холдинговых отношений. Данная особенность проявляется в наличии как позитивного, так и негативного контроля в структуре отношений, складывающихся между корпорациями. Первый вид контроля не выходит за рамки справедливости и не связан с злоупотреблением корпоративной формой, он является естественным фактором, для которого свойственна возможность определять решения участников холдинга. Второй вид контроля, напротив, отражает злоупотребления

материнской компании в отношении корпоративной личности ее дочерних компаний, для которого свойственна зависимость.

Несмотря на достаточно хороший уровень регулирования отношений, складывающихся между корпорациями, английскому суду нелегко найти грань между позитивным контролем и негативным контролем. В процессе доказывания суд обращается и к юридическому, и экономическому анализу дела, сопоставляя пределы влияния контролирующей компании в холдинге, исследует обстоятельства дела и с позиции позитивного контроля, и с позиции негативного контроля. Поэтому выделенные нами основания для «проникновения за корпоративный занавес» применяются судом Великобритании выборочно и особой осторожностью.

Кроме того, отдельно следует отметить, что приведенные определения материнской и дочерней компании как раз-таки и отражают позитивный контроль материнской компании. Естественно, он не исчерпывается данными законодательными установками, поскольку Великобритания является страной прецедентного права. Тем не менее существующая законодательная регламентация в области отношений, складывающимися между компаниями, свидетельствует о достаточно высокой организации юридических стандартов в данной стране.

2.2. ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСНОВНОЙ (МАТЕРИНСКОЙ) КОМПАНИИ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ЕЕ ДОЧЕРНИХ КОМПАНИЙ В ПРАВЕ США

Несмотря на то, что правовая система США как и Великобритании относится к прецедентной семье права, а также первоосновой доктрины «снятия корпоративной вуали» является судебное производство, в рамках рассматриваемой темы считаем немаловажным моментом показать законодательное определение материнской и дочерней компании.

2.2.1. АМЕРИКАНСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОСНОВНОЙ (МАТЕРИНСКОЙ) КОМПАНИИ И ЕЕ ДОЧЕРНЕЙ КОМПАНИИ

И. В. Григораш верно заметил, что по причине многих особенностей, прежде всего исторических, вычленив понятия основной компании, дочерней компании, а также другие не столь просто³⁹². «В США слово «subsidiary», которое традиционно используется для обозначения дочернего общества, также имеет множество контекстуальных употреблений, отчего параметры его значения варьируются в том или ином нормативном акте. То же самое относится и к терминам «контроль», «материнская корпорация» и «холдинговая корпорация» («холдинг»)³⁹³.

Принимая во внимание многочисленность контекстуальных употреблений интересующих нас терминов, а также сложную систему законов США, состоящую из федеральных законов, законов штатов, местных законов, попытаемся выделить направляющие определения материнской и дочерней компании в американском законодательстве.

На федеральном уровне с учетом отраслевой специфики закреплены многочисленные определения материнской и дочерней компаний.

Так, с позиции налоговых правоотношений под материнской корпорацией понимается любая корпорация (кроме корпорации-нанимателя), находящаяся в неразрывной цепи корпораций, которая завершается корпорацией-нанимателем, если на дату продажи опциона каждая из корпораций, за исключением корпорации-нанимателя, владеет 50% и более от общего числа голосов всех видов акций в одной из других корпораций этой же цепи³⁹⁴. В свою очередь, дочерней корпорацией признается любая корпорация (кроме корпорации-нанимателя), находящаяся в неразрывной цепи корпораций, начиная с корпорации-нанимателя, если на дату продажи опциона каждая из корпораций, за исключением последней

³⁹²Григораш И. В. Указ. соч. С. 37-38.

³⁹³Григораш И. В. Указ. соч. С. 37-38.

³⁹⁴26 USC 424 (e). URL : <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=subsidiary&f=treesort&fq=true&num=286&hl=true&edition=prelim&granuleId=USC-prelim-title26-section424> (дата обращения : 30.11.2015 г.).

корпорации, владеет 50% и более от общего числа голосов всех видов акций в одной из других корпораций этой же цепи³⁹⁵.

В области банковской деятельности под холдингом понимается компания, которая имеет контроль над любым банком или компанией, если

А) Компания прямо либо косвенно, действуя через одного или несколько лиц, владеет, контролирует или имеет право голоса 25% голосующими ценными бумагами банка или компании;

В) Компания контролирует в любой форме избранием большинства членов совета директоров и попечителей банка или компании;

С) Коллегиальный орган управления после уведомления о проведении заседания определяет: компания осуществляет ли контроль и определяет ли управление и политику банка или компании³⁹⁶. Дочерней компанией по отношению к указанной выше банковской холдинговой компании является 1) любая компания, в которой не менее 25 % голосующих акций (без учета акций, принадлежащих США или любой компании, полностью принадлежащей США) прямо или косвенно принадлежит банковской холдинговой компании или контролируется ей, или, находящаяся под влиянием на принятие решений на голосовании; 2) любая компания, в которой выборы большинства членов совета директоров каким-либо образом контролируются банковской холдинговой компанией; 3) любая компания, по отношению к которой ведется политика управления банковской холдинговой компаний, а также имеется возможность прямо или косвенно осуществлять влияние банковской холдинговой компанией, что определяется Коллегиальным исполнительным органом после уведомления о проведении заседания³⁹⁷.

³⁹⁵26 USC 424 (e). URL : <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=subsidiary&f=treesort&fq=true&num=286&hl=true&edition=prelim&granuleId=USC-prelim-title26-section424> (дата обращения : 30.11.2015 г.).

³⁹⁶USC 1841 (1, 2). URL : <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=subsidiary&f=treesort&fq=true&num=95&hl=true&edition=prelim&granuleId=USC-prelim-title12-section1841> (дата обращения : 01.12.2015 г.).

³⁹⁷2 USC 1841 (d). URL : <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=subsidiary&f=treesort&fq=true&num=95&hl=true&edition=prelim&granuleId=USC-prelim-title12-section1841> (дата обращения : 01.12.2015 г.).

В области электроэнергетики под холдинговой компанией определяется любая компания, которая прямо или косвенно владеет, контролирует или обладает не менее 10 % выпущенными в обращение ценными бумагами с правом голоса компании коммунальных услуг или холдинговой компании коммунальных услуг; а также любое лицо, определяемое Комиссией, прямо или косвенно осуществляет (либо самостоятельно, либо по договоренности, либо совместно) контролирующее влияние на управление или политику любой компании коммунальных услуг, чтобы защитить потребителей коммунального хозяйства в отношении тарифов, к данному лицу устанавливаются обязательства и ответственность, возлагаемые в этой части холдинговыми компаниями³⁹⁸. Под дочерней компанией понимается: а) любая компания, 10% выпущенных ценных бумаг с правом голоса которой находятся в собственности и под управлением холдинговой компанией; б) любое лицо, находящееся под прямым или косвенным контролем холдинговой компании, проводящее политику управления (либо самостоятельно, либо по договоренности, либо совместно) с целью защиты потребителей коммунального хозяйства в отношении тарифов, к данному лицу устанавливаются обязательства и ответственность, возлагаемые в этой части на дочерние компании холдинговыми компаниями³⁹⁹.

Несмотря на специфику данных определений, можно выделить объединяющий признак — наличие критерия контроля, который поставлен в зависимость от степени участия одной компании в капитале другой. И. В. Григораш⁴⁰⁰ обозначает данный критерий как связь имущественно-финансового характера. Между прочем, критерий контроля имеет важное значение для установления обстоятельств, связанных со злоупотреблением корпоративной формой юридического лица.

³⁹⁸42 USC 16451 (a). URL : <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=subsidiary&f=treesort&fq=true&num=382&hl=true&edition=prelim&granuleId=USC-prelim-title42-section16451> (дата обращения : 02.12.2015 г.).

³⁹⁹42 USC 16451 (16). URL : <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=subsidiary&f=treesort&fq=true&num=382&hl=true&edition=prelim&granuleId=USC-prelim-title42-section16451> (дата обращения: 02.12.2015 г.).

⁴⁰⁰Григораш И. В. Указ. соч. С. 37-39.

Помимо определений материнская, холдинговая, дочерняя компании, применяемых к конкретной области отношений, американские правовые энциклопедии, словари закрепляют более общие дефиниции. Так, в Западной энциклопедии американского права под дочерней компанией понимается «корпорация или компания, которая принадлежит другой корпорации, контролирующей, по меньшей мере, большинство акций или долей в ее капитале»⁴⁰¹. Соответственно, материнская компания определяется как «любая компания или корпорация, способная контролировать деятельность другой компании или корпорации, а также владеющая всеми акциями или долями или, по крайней мере, большинством, какой-либо компании или корпорации»⁴⁰².

Следуя логики федерального законодательства, на уровне законодательства штатов даны соответствующие определения дочерней и материнской компании.

Так, в соответствии с § 36а раздела 322 В. 03 главы 322 В Свода законов штата Миннесоты материнской организацией по отношению к определенной организации является любая организация, которая прямо или косвенно через связанные организации принадлежит более 50 % долей участия, голосующих акций или других долей в праве собственности определенной организации, которая также вправе голосовать за членов правления, директоров или других членов органов управления определенной организации⁴⁰³. Под дочерней организацией признается организация, в которой более 50% долей участия, голосующих акций или других долей в праве собственности, а также в которой право голосовать за членов правления, директоров или других членов органов

⁴⁰¹Subsidiary // West's Encyclopedia of American Law, 15th Ed., Minneapolis / St. Paul (Minnesota), 1997. V. 9. P. 412.

⁴⁰²Subsidiary // West's Encyclopedia of American Law, 15th Ed., Minneapolis / St. Paul (Minnesota), 1997. V. 9. P. 412.

⁴⁰³Свод законов штата Миннесоты (Minnesota Statutes). URL : https://www.revisor.mn.gov/statutes?id=322B.03&year=2015&keyword_type=all&keyword=subsidiar (дата обращения : 01.12.2015 г.).

управления принадлежат определенной организации (§ 45 а раздела 322 В.03 главы 322 В Свода законов штата Миннесоты)⁴⁰⁴.

В секции 1.002. Кодекса корпоративных организаций (Business Organizations Code)⁴⁰⁵ штата Техаса под материнской компанией понимается организация, которая прямо или косвенно посредством одной или нескольких дочерних компаний:

А) владеет не менее 50 % действующей собственностью или долями участия другой организации, или

В) владеет не менее 50% процентов голосующих прав, приходящихся на акции.

Соответственно, дочерней по отношению к материнской компании признается организация, в которой прямо или косвенно принадлежит ее материнской компании

А) не менее 50 % действующей собственности или долей участия другой организации, или

В) не менее 50% процентов голосующих прав, приходящихся на акции. (Секция 1.002. Business Organizations Code)⁴⁰⁶.

Рассмотренные дефиниции на примере законодательства штатов Миннесоты и Техаса материнской, дочерней компаний хотя и отличаются от определений федерального законодательства, но, в целом, они также отражают имущественно-финансовый характер отношений «дочерности». При этом, формулируя данные определения, в силу тех или иных соображений законодатель целенаправленно опустил термины «контроль» и «контролирующее влияние». Скорее всего, эти действия законодателя связаны с намерением избежать степень

⁴⁰⁴Свод законов штата Миннесоты (Minnesota Statutes). URL : https://www.revisor.mn.gov/statutes?id=322B.03&year=2015&keyword_type=all&keyword=subsidiary (дата обращения : 01.12.2015 г.).

⁴⁰⁵Кодекс корпоративных организаций (Business Organizations Code). URL : <http://www.statutes.legis.state.tx.us/Docs/BO/htm/BO.1.htm> (дата обращения : 15.11.2015 г.).

⁴⁰⁶Кодекс корпоративных организаций (Business Organizations Code). URL : <http://www.statutes.legis.state.tx.us/Docs/BO/htm/BO.1.htm> (дата обращения : 15.11.2015 г.).

конкретизации конструкций «контроля» на уровне статутного права и предоставить такую возможность американскому суду.

2.2.2. ПРИМЕНЕНИЕ ДОКТРИНЫ «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» К ОТНОШЕНИЯМ МЕЖДУ ОСНОВНОЙ (МАТЕРИНСКОЙ) КОМПАНИЕЙ И ЕЕ ДОЧЕРНИМИ КОМПАНИЯМИ

В первой главе настоящего исследования уже шла речь о том, что в США доктрина «снятия корпоративной вуали» применяется чаще, чем в Великобритании. Объяснением чего служит отчасти федеративное устройство (децентрализация системы органов исполнения закона), отчасти новаторский подход правоприменителей, отчасти исторические и правовые особенности и т.п.

В исследовании профессора Томпсона приводится статистика, согласно которой американские суды «снимают корпоративную вуаль» в 40 % случаев⁴⁰⁷.

Кроме того, в пользу более частого обращения американских судов сравнительно практики английских судов к данной доктрине свидетельствует многочисленность теорий, направленных на решение вопросов, связанных с «проникновением за корпоративный занавес». В частности, в их число входят и «инструментальная» теория, и теория «второго я», и теория «идентичности», и теория «единого экономического предприятия», и «агентская» теория и т.п. Применяя основы данных теорий, американские суды выработали даже своеобразный понятийный аппарат: «агент» («agent»), «второе я» («alter ego»), «вторая идентичность» («alter identity»), «рука» («arm»), «отделение» («branch»), «номинальная личность» («nominal identity»), «двойная корпорация» («corporate double»), «инструмент» («instrumentality»), «наименование» («name»), «кукла» («puppet»), «экран» («screen»), «орудие» («tool»)⁴⁰⁸. Помимо обращения к определенным теориям в процессе обоснования «снятия корпоративной вуали» некоторые суды США применяют технику «прачечного перечня» («laundry list»). Его основная суть заключается в приведении исчерпывающего списка фактов,

⁴⁰⁷Thompson R. B. Piercing the Corporate Veil : An Empirical Study, 76 Cornell L. Rev. 1048, 1991.

⁴⁰⁸Hamilton R. W. Cases and Materials on Corporations, Including Partnerships and Limited Partnerships et Statutory Instruments. URL : http://www.persee.fr/doc/ridc_0035-3337_1982_num_34_2_3936 (дата обращения : 15.11.2015 г.).

позволяющих обосновать «проникновение за корпоративный занавес»⁴⁰⁹. Например, к распространенным факторам относятся такие как «несоблюдение корпоративных формальностей» («nonobservance of corporate formalities»), «недостаток оборотных средств» («gross undercapitalization»), «отсутствие корпоративной отчетности» («the absence of corporate records»), «растрата корпоративных фондов» («siphoning of corporation funds»), несостоятельность корпорации («insolvency of the corporation») и т. п.

Приведенная многочисленность теорий и техник относительно правовой доктрины «проникновения за корпоративный занавес» в праве США характеризуют ее как нечеткую, неопределенную и зависимую от контекста конкретного дела⁴¹⁰.

Несмотря на данные обтекаемые характеристики доктрины, в практике американских судов все-таки представляется возможным выделить обобщающие направления «проникновения за корпоративный занавес». Так, обоснование «снятия корпоративной вуали» к отношениям между основной (материнской) компанией и ее дочерними компаниями, во-первых, строится на применении теорий и техник, умаляющих корпоративную личность дочерних компаний, во-вторых, строится на применении теории и техник, полностью блокирующих самостоятельность дочерних компаний.

1. Применение американским судом теорий и техник, умаляющих корпоративную личность дочерних компаний.

Названный обобщающий критерий содержит в себе следующую совокупность теорий: теория «второе я» («alter ego»), «инструментальная» теория («instrumentality»), теория «фасада» («facade»), теория «отделения» («branch»), теория «вторая идентичность» («alter identity»), теория «номинальной личности» («nominal identity») и т. д. Рассмотрим подробнее теорию «второе я» («alter ego») и «инструментальную» теорию («instrumentality»), поскольку они считаются наиболее распространенными и даже являются взаимозаменяемыми. В

⁴⁰⁹Carte Blanche (Singapore) Pte., Ltd. v. Diners Club Int'l, Inc., 802 F.Supp. 1006 (S.D.N.Y. 1992) (under New York law), rev'd, 2 F.3d 24 (2d Cir. 1993).

⁴¹⁰Blumberg P. I. The law of corporate groups. Op. cit. P. 11-21 to 22.

исследовании профессора Томпсона установлена допустимая вероятность «снятия корпоративной вуали» при обращении судов и к теории «второе я» («alter ego»), и к «инструментальной» теории («instrumentality») ⁴¹¹.

Теория «второе я» («alter ego») включает в себе возможность признания личности дочерней компании предельно близкой к личности ее материнской компании. Процесс установления данной возможности строится на применении техники тестирования. В данном контексте под тестированием понимается особая форма измерения степени контроля материнской компании над ее дочерними компаниями, а также определения противоправности действий материнской компании. Содержание подобных тестов варьируется в зависимости от обстоятельств рассматриваемого дела. Результаты проведенного тестирования помогают установить наличие двух обязательных элементов: во-первых, *контроля*, во-вторых, *противоправности*. Описать теорию «второе я» («alter ego») схематично можно так: **[Причина] + [Причинно-следственная связь] = [Следствие]**, т. е. контролирующее влияние и противоправные действия материнской компании (причина) приводят к негативным последствиям - причинение ущерба. Представленная схема является всего лишь упрощенным вариантом данной теории, поскольку, чтобы доказать только один элемент **контроля**, требуется установить наличие определенной совокупности факторов. Например, Фредерик Дж. Пауэлл выделил 11 факторов, подтверждающих контроль одной компании над другой: 1) большая часть уставного капитала дочерней компании принадлежит материнской компании; 2) пересечение директоров и должностных лиц материнской и дочерней компаний; 3) основное финансирование дочерней компании проводит материнская компания; 4) материнская компания осуществляет подписку на весь акционерный капитал компании или обеспечивает ее учреждение иным образом; 5) явная недокапитализация дочерней компании; 6) расходы или убытки оплачиваются материнской компанией; 7) коммерческая деятельность дочерней компании

⁴¹¹Thompson R. B. Piercing the Corporate Veil: An Empirical Study, 76 Cornell L. Rev. 1048, 1991.

осуществляется исключительно с ее материнской компанией, причем материнская компания полностью финансирует ее деятельность; 8) в отчетности материнской компании или иных финансовых документах ее дочерняя компания воспринимается в качестве отдела или иного структурного подразделения основной компании; 9) имущество дочерней компании воспринимается материнской компанией как ее собственное имущество; 10) управляющие лица дочерней компании не действуют самостоятельно в интересах дочерней компании, их решения напрямую зависят от воли материнской компании; 11) не соблюдение дочерней компанией формальных требований⁴¹².

Естественно, вышеприведенный перечень факторов является приблизительным, и применение конкретного набора факторов для проведения теста в процессе получения доказательств по тому или иному делу зависит от усмотрения суда.

Между тем выделенные факторы также подвержены делению. Например, такой фактор как *недостаточная капитализация* компании оценивается судом только при наличии определенной совокупности обстоятельств по причине того, что по законодательству многих штатов не требуется оплачивать минимальную сумму капитала, поэтому считается недостаточным один лишь показатель размера уставного капитала компании. Помимо показателя размера уставного капитала при создании компании судом, как правило, учитываются действия компании, связанные с переводом, выводом активов путем распределения крайне завышенных дивидендов, дополнительные выплаты управляющим лицам компании в виде бонусов, премий и иных вознаграждений, заключение невыгодных сделок и т. п.⁴¹³; а также какие-либо изменения в сфере деятельности компании, непосредственно направленные на капитализацию (отказ от пополнения капитала в связи с расширением бизнеса)⁴¹⁴ и т. д. Кроме того, такой фактор как недокапитализация компании нельзя охарактеризовать безусловным.

⁴¹²Powell F. J. Parent and Subsidiary Corporations. Op. cit. P. 54.

⁴¹³Walkovszky v. Carlton, 223 N.E.2d 6, 13 (N.Y. 1966).

⁴¹⁴Fletcher. W. Cyclopedia of the law of private corporations. Rev. perm. ed. 1983 & Supp., 1988. § 41.33.

Он вызывает оживленную дискуссию и при определении момента времени недокапитализации компании, и при доказывании элементов теории «alter ego» (контроль или противоправность). Первый вопрос можно рассмотреть как с позиции определения достаточности капитализации компании на момент ее учреждения⁴¹⁵, так и с позиции определения достаточности капитализации компании на момент передачи или вывода активов. Второй вопрос затрагивает проблему, в соответствии с которой возникают разногласия в части: к какому элементу теории «alter ego» следует отнести фактор недостаточности капитализации компании: либо к контролю, либо к противоправности. Так, Ф. Пауэлл полагает, что данный фактор необходимо рассматривать в процессе доказывания элемента контроля⁴¹⁶. Противоположную позицию занимают, например, братья Кренделы⁴¹⁷, которые относят фактор недостаточной капитализации компании к элементу противоправности, поскольку отсутствие в компании финансовой основы, способной полноценно обеспечить исполнения своих обязательств перед кредиторами, и есть злоупотребление статусом независимой корпоративной личности. Такое различие в попытке дать конкретизацию фактора недостаточности капитализации компании характерно и для других факторов в представленном перечне.

Доказать второй элемент - *противоправность* действий материнской компании по Ф. Пауэллу помогает совокупность следующих факторов: 1) фактически совершенный обман (actual fraud); 2) нарушение положений устава дочерней компании; 3) лишение активов дочерней компании; 4) введение в заблуждение (misrepresentation); 5) эстоппель (лишение возможности ссылаться на обстоятельства, защищающие интересы дочерней компании); 6) деликт; 7) и т.п.⁴¹⁸.

⁴¹⁵Barber D. Piercing the Corporate Veil. Willamette L. Rev. Vol. 17. № 1, 1981. P. 396 ; Gevurtz F. A. Piercing : An Attempt to Lift the Veil of Confusion Surrounding the Doctrine of Piercing the Corporate Veil. 76 Or. L. Rev. 853, 853, 1997. P. 889.

⁴¹⁶Powell F. J. Parent and Subsidiary Corporations. Op. cit. P. 53-56.

⁴¹⁷Krendl C. S., Krendl J. R. Piercing the Corporate Veil: Focusing the Inquiry. Denv. L. J. Vol. 55. 1 e. s., 1978. P. 34-38.

⁴¹⁸Powell F. J. Parent and Subsidiary Corporations. Op. cit P. 53-56.

Представляется возможным продолжить список Ф. Пауэлла, добавив в него иные релевантные факторы. Например, А. Н. Захаров, расширяет такой список следующими факторами: несоблюдение корпоративных формальностей, перекачивание средств, совершение сделок с заинтересованностью⁴¹⁹. В свою очередь, мы не возражаем по этому поводу, поскольку включение данных факторов в перечень поможет суду квалифицировать противоправность действий материнской компании. Однако чрезмерное обилие факторов способно «размыть» конструкцию противоправности, поэтому необходимо выделить ключевые факторы. Согласно статистическому исследованию Р. Томпсона традиционные элементы «проникновения за корпоративную вуаль» включают в себя введение в заблуждение (misrepresentation) и обман (fraud), несоблюдение формальностей и недостаточную капитализацию⁴²⁰. Среди перечисленных ключевых факторов Митчелл отводит такому фактору как *несоблюдение корпоративных формальностей* решающее значение, поскольку именно он влияет на результаты анализа конкретного дела⁴²¹. Согласно статистики профессора Томпсона в 151 случае было выявлено нарушение корпоративных формальностей, а в 66,89 % случаев суды «сняли корпоративную вуаль»⁴²². Как правило, названный фактор устанавливается судом при наличии следующей совокупности обстоятельств: 1) дочерняя компания ведет свою деятельность, не завершив процедуру формального оформления создания или без выпуска акций и до получения оплаты акций; 2) в дочерней компании не проводится общее собрание акционеров или собрание директоров, т. е. отсутствие протокольного оформления; 3) акционеры дочерней компании не ставят разграничение между личным и корпоративным имуществом; 4) не ведется соответствующий учет корпоративных расходов из

⁴¹⁹Захаров А. Н. Привлечение основного общества к солидарной ответственности по обязательствам дочернего общества : дисс. к.ю.н. М., 2015. С. 156.

⁴²⁰Thompson R. B. Piercing the Corporate Veil : An Empirical Study, 76 Cornell L. Rev., 1991. P.1039.

⁴²¹Mitchell W. Disregard of the Corporate Entity. URL : <http://open.mitchellhamline.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2772&context=wmlr> (дата обращения : 15.11.2015 г.).

⁴²²Thompson R. B. Piercing the Corporate Veil : An Empirical Study, 76 Cornell L. Rev., 1991. P. 1063.

личных фондов; 5) не ведется корпоративный учет и не оформляется корпоративная отчетность либо учет и отчетность не соответствует предписаниям⁴²³.

Фактор *недостаточной капитализации* был достаточно хорошо раскрыт в контексте предыдущего элемента. Отдельно остановимся на *введении в заблуждение (misrepresentation) и обмане (fraud)*. Согласно статистике Р. Б. Томпсона данные факторы в 94 % случаев приводят к «проникновению за корпоративный занавес»⁴²⁴.

В основу фактора *введения в заблуждение (misrepresentation)* в американском праве положено широкое понимание. Заблуждение рассматривается и в плане заведомо ложного сообщения о финансовом положении компании, и в плане заведомо ложного обещания исполнять обязательства, и в плане совершения заведомо ложных действий, убеждающих кредиторов, что исполнение обязательств дочерней компанией гарантируется третьим лицом (материнской компанией) и т. п.⁴²⁵.

С широкой позиции в правовой системе США рассматривается и фактор *обмана (fraud) либо мошенничества*. Причем данный фактор трактуется американским судом весьма разнообразно. Так, в деле *Nat'l Marine Serv. v. Thibodeaux & Co*⁴²⁶ о выплате компенсации за ремонт судна мошенничество определяется как интерес (concern), но не пререквизит (prerequisite). К тому же в названном деле четко зафиксировано, что для «снятия корпоративной занавесы» достаточно лишь наличия доказательств мошенничества. Стоит заметить, что такое определение достаточно своеобразно. В свою очередь, П. Бламберг характеризует фактор обмана (fraud) либо мошенничества как действие,

⁴²³Hamilton R.W. The Law of Corporations, In a Nutshell. 5-th ed. West Group. St. Paul. Minn, 2000. P. 146.

⁴²⁴Thompson R. B. Piercing the Corporate Veil : An Empirical Study, 76 Cornell L. Rev., 1991. P. 1063.

⁴²⁵Gevurtz F. A. Piercing : An Attempt to Lift the Veil of Confusion Surrounding the Doctrine of Piercing the Corporate Veil. 76 Or. L. Rev. 853, 853, 1997. Op. cit. P. 871-75.

⁴²⁶Nat'l Marine Serv. v. Thibodeaux & Co, 501 F. 2D 940, 942 (5th Cir. 1974).

свидетельствующее о неправомерном противоправном поведении⁴²⁷. По нашему мнению, данное определение звучит весьма абстрактно.

Если сравнивать факторы введения в заблуждение (misrepresentation) и обмана (fraud) либо мошенничества относительно их эффективности действия, то однозначный ответ получить сложно, поскольку законодательство и судебная практика США отличается регионально. Тем не менее получить такой вывод можно на примере определенного штата. Так, в соответствии с законодательством штата Техас фактическое мошенничество является обязательным условием для «снятия корпоративной вуали»⁴²⁸. Кроме того, данный фактор был признан обязательным условием «проникновения за корпоративный занавес» и судом Техаса. В деле *Moore & Moore Drilling Co. v. White*⁴²⁹ суд отказался применять доктрину «снятия корпоративной вуали» на основании введения в заблуждение о финансовом положении компании, аргументировав свою позицию тем, что в настоящем случае не установлен факт мошенничества или иное. Соответственно, на уровне штата Техас фактор обмана (fraud) либо мошенничества имеет первостепенное значение.

Возвращаясь к схеме **[Причина] + [Причинно-следственная связь] = [Следствие]**, считаем немаловажным остановиться на причинно-следственной связи. Как правило, ее наличие презюмируется, если судом установлен как элемент контроля, так и элемент противоправности.

Собрав все звенья теории «второе я» («alter ego») в единую цепочку, можно сделать вывод, что в американском суде процесс привлечения к ответственности контролирующего лица (материнской компании) построен на скрупулезном анализе обстоятельств дела, которые рассматриваются в определенной совокупности с целью установления наличия основных элементов: контроля материнской компании и противоправности действий материнской компании.

⁴²⁷Blumberg P. I. On Corporate Groups. § 11.01[C]. Op. cit. P. 11-18 to 11-20.

⁴²⁸Tex. Civ. Code Ann. Art. 2.21. (West 1997). URL : <http://codes.findlaw.com/tx/civil-statutes/civ-stattx-civ-st-art-581-33.html> (дата обращения : 15.11.2015 г.).

⁴²⁹*Moore & Moore Drilling Co. v. White*, 345 S.W.2d 550, 555–56 (Tex. App. 1961).

«Инструментальная» теория («instrumentality») включает в себе возможность признания дочерней компании в качестве инструмента материнской компании, преследующей свои цели ради достижения определенной выгоды в ущерб интересам ее дочерних компаний. Данная теория особенно распространена в штате Нью-Йорк⁴³⁰. Структура построения инструментальной теории максимально приближена к теории «второе я» («alter ego»), поскольку в ее основе лежит точно такая же схема: **[Причина] + [Причинно-следственная связь] = [Следствие]** (контролирующее влияние и противоправные действия материнской компании (причина) приводят к негативным последствиям - причинение ущерба), действие которой реализуется также при помощи метода тестирования. Главное ее отличие заключается в конкретных формулировках и необходимости доказывания причинно-следственных связей между поведением контролирующей компанией и убытками кредиторов. Первый отличительный признак выражается в применении специальной терминологии: «инструмент» («instrument»), «орудие» («tool»), «рука» («arm»), «инструментарий» (tools), взаимоотношения «на расстоянии вытянутой руки» (relationships «at arm's length») и т. д. По большому счету данный терминологический ряд представляет собой лишь набор метафор, не влияющий на механизм проведения тестирования соответствующих факторов. Между тем к наиболее распространенным факторам данной теории профессор Лендерс⁴³¹ отнес: 1) все активы дочерней компании или их большая часть находятся в собственности материнской компании; 2) пересечение директоров, сотрудников компаний; 3) финансирование дочерней компании осуществляется из источников материнской компании; 4) материнская компания осуществляет подписку на все акции ее дочерней компании либо иным образом участвует в ее инкорпорации; 5) недостаточное финансирование дочерней компании; 6) статья расходов выплату заработной платы сотрудникам дочерней компании покрывается материнской компанией; 7) деятельность дочерней компании не

⁴³⁰Smith G. B., Hall T. J. Piercing the Corporate Veil Claims and Discovery // New York Law Journal. 2010. Vol. 243. № 73. P. 1.

⁴³¹Landers. Another Word on Parents, Subsidiaries and Affiliates in Bankruptcy, 43 U.CHI. L. REV., 1976. P. 620.

только близка к деятельности ее материнской компании, но и напрямую связана с ней; 8) дочерняя компания фактически не обладает имуществом, оно предоставлено ей материнской компанией; 9) в документальной базе материнской компании ее дочерняя компания понимается не иначе как отдел или подразделение; 10) действие руководителей (директоров) дочерней компании поставлено в зависимость от указаний и решений материнской компании; 11) дочерней компанией фактически не соблюдаются формальные требования о юридической независимости⁴³². Второе отличие можно поставить под сомнение, поскольку по справедливому замечанию И. В. Григораш «причинно-следственные связи обычно не подвергаются тестированию со стороны судов по двум взаимосвязанным причинам: 1) связи могут быть самоочевидными, т. е. их наличие будет логически вытекать из всех фактов, представленных суду; тогда как 2) получение конкретных доказательств таких связей сопряжено со значительными трудностями, если вообще возможно (утрачен тот или иной документ либо невелика вероятность получения доказательства)»⁴³³. Иными словами, причинно-следственная связь презюмируется, как и в теории «второе я» («alter ego»).

2. Применение американским судом теорий и техник, полностью блокирующих самостоятельность дочерних компаний.

Названный обобщающий критерий содержит в себе следующую совокупность теорий: теория «агентских отношений» («agency»), «единого экономического предприятия» («single business enterprise», «кукла» («puppet»), «экран» («screen») и т.д. В данной группе теорий есть такие теории, которые применяются судами США зачастую в отрыве от «проникновения за корпоративный занавес» и являются самостоятельными средствами правовой защиты (remedies). К ним относятся теория «агентских отношений» («agency») и теория «единого экономического предприятия» («single business enterprise»). Рассмотрим их подробнее.

⁴³²Fish v. East, 114 F. 2d 177, 191 (10-th Cir. 1940).

⁴³³Григораш И. В. Указ. соч. С. 86.

Теория «агентских отношений» («agency»).

Описывая данную теорию, А. Н. Захаров характеризует ее как «дополнительное теоретическое средство достижения справедливого разрешения спора...»⁴³⁴. Такая характеристика вызвана тем, что теория «агентских отношений» («agent») близка к теории «второе я» («alter ego»). Подтверждая данное суждение, И. В. Григораш перечисляет факты того, что данные теории рассматриваются в некоторых штатах в качестве синонимов, например, в Делавэре⁴³⁵.

Итак, основная схожесть указанных теорий заключается в том, что теория «агентских отношений» («agent») устанавливается при помощи факторов, типичных для теории «второе я» («alter ego»): пересечение офисных помещений, иных помещений, штатных единиц, наемных сотрудников материнской и дочерней компаний; пересечение директоров и должностных лиц материнской и дочерней компаний; оформление документации в едином стиле; аффилированность и т. д. Однако не все факторы теории «второе я» («alter ego») возможно найти в арсенале теории «агентских отношений» («agent»). В частности, американскими судами не учитываются факторы, характеризующие какую-либо противоправность, поскольку решающим является определение элемента контроля. Следовательно, настоящая теория устанавливается путем обращения к однофакторному тесту. В этой связи основное отличие теории «агентских отношений» («agent») от теории «второе я» («alter ego») заключается в том, что ее принцип действия базируется на следующей схеме: *дочерняя компания, действуя от своего имени, но в интересах и за счет материнской компании, является ее агентом.* Ко всему прочему такие отношения не соответствуют традиционному пониманию агентских отношений, в основе которых лежит концессионный договор, поэтому американский суд квалифицировал данный вид отношений как «квази-агентские», что с точки зрения теории права является наиболее верным определением.

⁴³⁴Захаров А. Н. Указ. соч. С. 172.

⁴³⁵Григораш И. В. Указ. соч. С. 90.

Возвращаясь к характеристике А. Н. Захарова теории «агентских отношений» («agent»), хотелось бы отдельно остановиться на соотношении с доктриной «проникновения за корпоративный занавес». В деле *Berkey v. Third Ave. Ry*⁴³⁶ идет речь о прямой связи, когда актуальность «снятия корпоративной вуали» поставлена в зависимость от полной доминации материнской компании и отношений агентства, когда материнская компания будет выступать в качестве принципала, а дочерняя - агента. Помимо прямой связи можно установить и косвенную. Так, в деле *Glanzer v. St. Joseph Indian School*⁴³⁷ в качестве «проникновения за корпоративную вуаль» суд посчитал наиболее эффективным обращение к двум теориям: 1) теория «агентских отношений» («agent»); 2) «инструментальная» теория («instrumentality»). Однако за последнее время в американской судебной практике наблюдается тенденция, согласно которой теория «агентских отношений» («agent») в корпоративном праве применяется и автономно от доктрины «снятия корпоративной вуали»⁴³⁸. В связи с чем теорию «агентских отношений» («agent») можно рассматривать и как отдельную составляющую доктрины «снятия корпоративной вуали», как самостоятельное средство правовой защиты.

Теория «единого экономического предприятия» («single business enterprise»).

В основном данная теория распространена в штатах Техас, Луизиана, реже встречается в штате Индиана.

Точно так же, как и теория «агентских отношений» («agent») теория «единого экономического предприятия» («single business enterprise») соотносится с доктриной «снятия корпоративной вуали». Однако выявить такое соотношение представляется затруднительным, поскольку анализ существующей практики не позволяет установить значимость данной теории. Ввиду чего можно предположить, что теория «единого экономического предприятия» («single

⁴³⁶*Berkey v. Third Ave. Ry.*, 155 N. E. 58, 61 (N. Y. 1927).

⁴³⁷*Glanzer v. St. Joseph Indian School*, 438 NW2d 204 (1989, SD).

⁴³⁸*Solar International Shipping Agency v. Eastern Proteins Export, Inc.* 778 F.2d 922, 925 (2d Cir. 1985).

business enterprise») применяется в и комплексе мер, связанных с «проникновением за корпоративную вуаль», и как самостоятельное средство правовой защиты.

Ее сущность заключается в том, что для достижения общей цели корпорации объединяют свои ресурсы и функционируют в качестве «единого экономического предприятия». Причем по обязательствам, возникшим в результате такого объединения, каждую из корпораций можно привлечь к ответственности. Следует подчеркнуть, что сущность теории «единого экономического предприятия» («single business enterprise») опирается на максимы дела *Paramount Petroleum Co. v. Taylor Rental Ctr*⁴³⁹. И. В. Григораш определяет их как квинтэссенцию дела⁴⁴⁰. Поясним, что в ходе анализа указанной теории квинтэссенции данного дела мы возьмем за основу.

Следует отметить, что теория «единого экономического предприятия» («single business enterprise») применяется, если судом установлена следующая совокупность факторов: 1) пересекаются директора, менеджеры, иные сотрудники, наемные работники определенных компаний; 2) наличие общих помещений, офисов; 3) одна корпорация выплачивает заработную плату сотрудникам, работникам другой корпорации; 4) ведение единой бухгалтерской политики: общий учет, платежи проводятся между компаниями недокументированные, между корпорациями не распределяется прибыль и убытки и т. п.; 5) единый документооборот; 6) коммерческие наименования фактически не отличаются; 7) совпадение адресов, телефонов и иных реквизитов определенных компаний; 8) общие акционеры и т. п.⁴⁴¹. Анализируя вышеперечисленную совокупность факторов, многие исследователи права делают вывод о схожести рассматриваемой теории с теорией «второе я» («alter ego»)⁴⁴². В

⁴³⁹Paramount Petroleum Co. v. Taylor Rental Ctr., 712 S.W.2d 534, 536 (Tex. Ct. App. 1986) // Westlaw TX-CS Database.

⁴⁴⁰Григораш И. В. Указ. соч. С. 91.

⁴⁴¹Paramount Petroleum Co. v. Taylor Rental Ctr., 712 S.W.2d 534, 536 (Tex. Ct. App. 1986) // Westlaw TX-CS Database.

⁴⁴²Montano M. The Single Business Enterprise Theory in Texas : A Singularly Bad Idea? 55 Baylor L. Rev., 2003. P.1163.

действительности перечисленные факторы теории «единого экономического предприятия» («single business enterprise») повторяют список факторов, который доказывают элемент «контроля» теории «альтер-эго».

К основным достоинствам рассматриваемой теории исследователи корпоративного права относят ее широкие возможности привлечения к ответственности не только на уровне вертикали: материнская компания - дочерние компании, но и на уровне горизонтали: «сестринские» компании⁴⁴³. Так, в деле *Las Palmas Associates v. Las Palmas Center Associates*⁴⁴⁴ четко определено, что применение теории «второе я» («alter ego») характерно для квалификации отношений материнская компания — дочерние компании, а применение теории «единого экономического предприятия» («single business enterprise») - для квалификации отношений «сестринские» компании.

В свою очередь, оценивая сильные стороны теории «единого экономического предприятия» («single business enterprise»), мы полагаем, что ее недостатки выражаются в применении характерного для иных теорий «проникновения за корпоративный занавес» механизма тестирования, который зачастую базируется на совпадающих факторах. При этом указанный недостаток актуален и для всех вышеописанных теорий, что и приводит к их «обезличиванию» и «размыванию».

Данный вывод подтверждает факт того, что несмотря на значительное количество в практике американских судов теорий, позволяющих осуществить «проникновение за корпоративную вуаль» в радиусе отношений материнские-дочерние компании, их применение не имеет систематического характера, поскольку они плохо адаптируются к специфическим обстоятельствам конкретного дела. По этой причине представляется достаточно сложным привести классический пример действия той или иной теории, поскольку они, как правило, применяются комплексно судами штатов.

⁴⁴³Strasser K. A. Piercing the Veil in Corporate Groups. Connecticut L. Rev. Vol. 37, 2005. P. 646-648.

⁴⁴⁴*Las Palmas Associates v. Las Palmas Center Associates* (1991, 2nd Dist.).

2.3. ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСНОВНОЙ (МАТЕРИНСКОЙ) КОМПАНИИ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ЕЕ ДОЧЕРНИХ КОМПАНИЙ В ПРАВЕ ГЕРМАНИИ

В предыдущей главе данного исследования «проникновение за корпоративный занавес» в праве Германии рассматривалось с позиции генезиса. Основной задачей настоящего параграфа исследования является выявление условий и особенностей «снятия корпоративной вуали» в аспекте привлечения материнской компании по обязательствам ее дочерних компаний в праве Германии. Приступим к ее решению в следующем порядке: сначала проанализируем немецкое корпоративное законодательство на предмет существующего регулирования отношений зависимости, подконтрольности компаний, а затем обратимся к практике применения альтернатив доктрины «снятия корпоративной вуали».

2.3.1. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ ЗАВИСИМОСТИ, ПОДКОНТРОЛЬНОСТИ КОМПАНИЙ

Напомним, что в первой главе данного исследования уже шла речь о праве концернов (Konzernrecht), в основу которого составляет Закон об акционерных обществах Германии (Aktiengesetz)⁴⁴⁵. В настоящем параграфе будет сделан акцент не только на законодательной фиксации отношений зависимости, подконтрольности, но и на описании различных типов взаимоотношений «контролирующая и подконтрольная компании».

Итак, согласно общим положениям § 17 (1) Закона об акционерных обществах Германии (с изменениями, внесенными в него по 22 декабря 2015 года)⁴⁴⁶ (далее по тексту — AktG) под зависимым предприятием понимается юридически самостоятельное предприятие, на которое оказывается прямо или косвенно определяющее влияние другого предприятия (контролирующего предприятия). Соответственно, из названной нормы можно вывести определение контролирующего предприятия, под которым понимается юридически самостоятельное предприятие, способное прямо или косвенно оказывать определяющее влияние на другое предприятие (зависимое предприятие).

В п. 2 § 17 AktG уточнены условия зависимости предприятий: во-первых, *нахождение во владение преобладающего участника*, во-вторых, *преобладающее участие* в другом предприятии контролирующего предприятия⁴⁴⁷. В свою очередь, § 17 AktG раскрывает данные условия. Так, под *нахождением во владении преобладающего участника*, понимается принадлежность большинства долей юридически самостоятельного предприятия другому предприятию либо обладание другим предприятием большинством голосов при принятии того или

⁴⁴⁵Акт об акционерных обществах 1965 г. (Aktiengesetz, AktG). Режим доступа : <http://bundesrecht.juris.de/aktg/index.html> (дата обращения: 10.09.2015).

⁴⁴⁶Акт об акционерных обществах 1965 г. (Aktiengesetz, AktG). URL : <http://bundesrecht.juris.de/aktg/index.html> (дата обращения: 10.09.2015).

⁴⁴⁷Акт об акционерных обществах 1965 г. (Aktiengesetz, AktG). URL : <http://bundesrecht.juris.de/aktg/index.html> (дата обращения: 10.09.2015).

иного решения юридически самостоятельного предприятия⁴⁴⁸. Следовательно, данная норма зеркально отражает условие *преобладающего участия*. Комментируя, данные положения, И. В. Григораш вычленяет такой обобщающий признак условий зависимости как имущественно-финансовый характер⁴⁴⁹.

Необходимо понимать, что заданные законодателем рамки не направлены на сужение понятия определяющего влияния, контроля. По этому поводу В. Д. Федчук рассуждает, что не имеют значения методы определяющего влияния: будет ли это контракт о контроле, или право на осуществления контроля над формированием управления компании; кроме того, контроль может также вытекать из того факта, что правление предприятия и компании состоят в основном из одних и тех же лиц⁴⁵⁰. Т.е. немецкий законодатель сформулировал эти нормы достаточно ясно, поскольку они дают четкое представление о подконтрольности и зависимости, возникающих либо вследствие заключения соответствующих *контрактов*, либо *вне заключения соответствующих контрактов*, либо вследствие *совершения интегрирующих действий*.

В первом случае немецкое законодательство приводит **следующие виды поименованных договоров между предприятиями**: договор о подчинении (*Beherrschungsvertrag*) (§ 291, § 308 AktG) и договор о перечислении прибыли (*Gewinnabführungsvertrag*) (§ 291, § 308 AktG). Согласно п. 1 § 291 AktG договор о подчинении (*Beherrschungsvertrag*) предполагает заключение договора, с которым акционерное общество или коммандитное товарищество на акциях поручает руководство своего акционерного общества или коммандитного товарищества на акциях другому предприятию⁴⁵¹. При его заключении необходимо руководствоваться нормами § 308 AktG, которые строго регламентируют полномочия зависимой стороны, которые фактически сведены на «нет». Следовательно, подконтрольная компания является гибким «инструментом» в

⁴⁴⁸Акт об акционерных обществах 1965 г. (*Aktiengesetz, AktG*). URL : <http://bundesrecht.juris.de/aktg/index.html> (дата обращения: 10.09.2015).

⁴⁴⁹Григораш И. В. Указ. соч. С. 42.

⁴⁵⁰Федчук В. Д. Указ. соч. С. 114.

⁴⁵¹Акт об акционерных обществах 1965 г. (*Aktiengesetz, AktG*). URL : <http://bundesrecht.juris.de/aktg/index.html> (дата обращения: 10.09.2015).

руках господствующей компании. В этой связи можно провести отдаленную параллель с англо-американской теорией «альтер-эго» («инструментальной»).

Исходя из пункта 1 § 291 AktG договор о перечислении прибыли (Gewinnabführungsvertrag) предполагает заключение договора, в соответствии с которым вменяется обязанность по отчислению прибыли акционерного общества или коммандитного товарищества на акциях другому предприятию, либо обязанность ведения дел акционерного общества или коммандитного товарищества на акциях за счет другого предприятия⁴⁵². Помимо поименованных договоров текст Закона об акционерных обществах Германии предусматривает также иные виды договоров между предприятиями. В частности, § 292 AktG договор аренды или уступки предприятия и т.д.⁴⁵³. При этом, такие виды договоров приобретают юридическую силу только после регистрации в торговом реестре по месту нахождения общества или товарищества (§ 294 (2) AktG)⁴⁵⁴. Другие формальные требования к заключению, изменению и прекращению договоров между предприятиями подробно изложены в положениях §§ 293 — 299 AktG⁴⁵⁵.

В свою очередь, В. Д. Федчук отмечает, что договорные концерны являются базисом для системы норм права Германии, регулирующим группы компаний⁴⁵⁶. Изучая вопрос востребованности заключения контрактов между предприятиями на практике, И. В. Григораш приходит к выводу о том, что они применяются редко, поскольку из таких контрактов легко выводится ответственность материнской компании за действия дочерней ввиду наличия в них элементов понуждения⁴⁵⁷.

⁴⁵²Акт об акционерных обществах 1965 г. (Aktengesetz, AktG). URL : <http://bundesrecht.juris.de/aktg/index.html> (дата обращения: 10.09.2015).

⁴⁵³Акт об акционерных обществах 1965 г. (Aktengesetz, AktG). URL : <http://bundesrecht.juris.de/aktg/index.html> (дата обращения: 10.09.2015).

⁴⁵⁴Акт об акционерных обществах 1965 г. (Aktengesetz, AktG). URL : <http://bundesrecht.juris.de/aktg/index.html> (дата обращения: 10.09.2015).

⁴⁵⁵Акт об акционерных обществах 1965 г. (Aktengesetz, AktG). URL : <http://bundesrecht.juris.de/aktg/index.html> (дата обращения: 10.09.2015).

⁴⁵⁶Федчук В. Д. Указ. соч. С. 137.

⁴⁵⁷Григораш И. В. Указ. соч. С. 29-30.

Во-втором случае речь идет об отношениях подконтрольности, зависимости компаний, которые уже **не связаны договором между предприятиями**. Данный вид отношений В. Д. Федчук обозначил как фактический концерн⁴⁵⁸. По нашему мнению, использование термина внедоговорные отношения между предприятиями более корректно, поскольку в тексте Закона об акционерных обществах Германии поставлен акцент не на фактических действиях, а на отсутствие договора. Так, параграфы 311 — 317 AktG регламентируют отношения подконтрольности, зависимости при отсутствии договора о подчинении⁴⁵⁹. В частности, в § 311 AktG зафиксировано, что в отличие от договорного объединения влияние господствующего предприятия не должно приводить к ущербу зависимого предприятия. При заключении сделки в ущерб зависимого предприятия на господствующее возлагается обязанность компенсации. На основании норм § 311 AktG правление зависимого предприятия обязано в течение первых трех месяцев финансового года составить отчет об отношениях со связанными предприятиями. Содержание такого отчета составляет указание на совершение всех сделок с господствующим или со связанным предприятием, а также на совершение или воздержание иных мер по инициативе или в интересах контролирующего предприятия за предыдущий финансовый год. Кроме того, подробным образом расписывается наличие или отсутствие встречного исполнения, ущерба, компенсации, права требования каких-либо выгод и другие разъяснения.

Следующий этап составляет проведение проверки составленного правлением зависимого предприятия отчета. Положения Закона об акционерных обществах Германии допускают возможность проведения такой проверки на нескольких уровнях: на уровне аудитора (§ 313 AktG), на уровне наблюдательного совета (§ 314 AktG), на уровне назначения судом специального аудитора (§ 315 AktG). Очередность проверки отчета следующая: от аудитора он поступает в наблюдательный совет, а затем по ходатайству акционера к

⁴⁵⁸Федчук В. Д. Указ. соч. С. 159.

⁴⁵⁹Акт об акционерных обществах 1965 г. (Aktiengesetz, AktG). URL : <http://bundesrecht.juris.de/aktg/index.html> (дата обращения: 10.09.2015).

специальному аудитору, назначенному судом. При этом Закон об акционерных обществах Германии не обязывает зависимое предприятие привлекать аудитора. Соответственно, привлечение аудитора к данной процедуре является добровольным. Однако в обязательном порядке отчет правления поступает в наблюдательный совет. Соблюдение возложенных на правление и наблюдательный совет зависимого предприятия выше названных обязанностей обеспечивается путем привлечения членов соответствующих органов к солидарной ответственности наряду с лицами, обязанными возместить убытки в силу § 317 AktG (§ 315 AktG). Таким образом, установленная в положениях названного закона многоуровневая возможность проведения проверки отчета правления указывает на презумпцию «трехступенчатой» проверки.

Параграф 317 AktG отдельно регламентирует случаи привлечения к ответственности господствующего предприятия и его отдельных представителей во внедоговорных отношениях между предприятиями. Так, в случае нарушения господствующим предприятием правил § 311 AktG касательно причинения ущерба зависимому предприятию при совершении сделки или выполнении (не выполнении) иных мер по его указанию или инициативе контролирующее предприятие несет ответственность в виде возмещения убытков подконтрольному предприятию и, в том числе, его акционерам. Ко всему прочему на законных представителей господствующего предприятия, которые побудили на совершение ущербных для зависимого предприятия действий (бездействий), распространяется ответственность как солидарных должников.

Предусмотренный в вышеприведенных параграфах Закона об акционерных обществах Германии механизм привлечения конкретных лиц к солидарной ответственности корреспондирует с положениями § 93 AktG. В частности, в данном параграфе посредством детальной регламентации раскрывается понятие «заботливого и добросовестного менеджера» предприятия, под которым понимается принятие управленческого решения членом правления (менеджером), в процессе принятия которого он мог разумно полагать, что действует во благо предприятия, руководствуясь надлежащей информацией. Кроме того, в § 93 AktG

также за нарушения должностных обязанностей членов правления установлена ответственность как солидарного должника в виде возмещения убытков; подробным образом прописаны условия возмещения и освобождения от возмещения убытков; зафиксирована возможность предъявления требования возмещения убытков кредиторами компании, возможность привлечения к ответственности заместителей членов правления; а также уточнен срок исковой давности.

Итак, учитывая специфику отношений подконтрольности, зависимости предприятий, В. Д. Федчук отметил, что фактические или органические группы компаний встречаются на практике на много чаще, чем контрактные группы⁴⁶⁰. Объяснить данную тенденцию можно тем, что в отношениях, оформленных договорами между предприятиями, возможность привлечения к ответственности контролирующего лица выше в сравнении с внедоговорными отношениями между предприятиями. Однако основные трудности привлечения к ответственности господствующего предприятия и заинтересованных лиц мы изложим подробнее ниже.

В третьем случае отношения подконтрольности, зависимости возникают в результате **объединения предприятий** и путем заключения договоров о подчинении между предприятиями, и путем интегрирующих действий (присоединения).

Как раз нормы § 18 AktG поясняют, что *концерн* представляет собой объединение господствующего и одного или несколько зависимых предприятий под единым руководством первого предприятия, отдельные предприятия — это предприятия концерна⁴⁶¹. Соответственно, определяющий признак концерна — единое руководство. Кроме того, данный параграф четко устанавливает основания возникновения перечисленных объединений: 1) заключение договора подчинения (§ 291 AktG) и 2) присоединение одного предприятия к другому (§

⁴⁶⁰Федчук В. Д. Указ. соч. С. 165.

⁴⁶¹Акт об акционерных обществах 1965 г. (Aktengesetz, AktG). URL : <http://bundesrecht.juris.de/aktg/index.html> (дата обращения: 10.09.2015).

319 AktG). О договоре подчинения речь уже шла выше, поэтому подробнее обратимся ко второму основанию.

Параграф 319 AktG перечисляет условия присоединения к другому обществу: принятие решения о присоединении на общем собрании, местонахождение присоединяемого общества совпадает с местом нахождения будущей основной компании, принадлежность всех акций присоединяемого общества будущей основной компании⁴⁶². Кроме того, настоящий параграф содержит организационные нормы относительно порядка проведения общего собрания, голосования по данному вопросу, ознакомления акционеров с сопутствующей документацией, порядка регистрации присоединения. В свою очередь, § 320 AktG допускает проведение процедуры по присоединению и в случае принадлежности не 100 %, а 95 % уставного капитала будущему основному обществу и перечисляет особенности такого присоединения⁴⁶³.

Согласно § 322 AktG с момента присоединения на основное общество возлагается ответственность как солидарного должника по возникшим обязательствам присоединенного общества перед его кредиторами до присоединения, а также после присоединения⁴⁶⁴.

Прекращение присоединения допускается по решению общего собрания присоединенного общества, в случаях, если основное общество больше не является акционерным обществом с местом нахождения на территории страны, если основному обществу больше не принадлежат все акции присоединенного общества, если основное общество прекратило свою деятельность (§ 327 AktG)⁴⁶⁵.

Характеризуя типы взаимоотношений «контролирующая и подконтрольная компании» в немецком законодательстве, хотелось бы отдельно отметить, что законодатель применяет такую терминологию как связанные предприятия (§ 15

⁴⁶²Акт об акционерных обществах 1965 г. (Aktengesetz, AktG). URL : <http://bundesrecht.juris.de/aktg/index.html> (дата обращения: 10.09.2015).

⁴⁶³Акт об акционерных обществах 1965 г. (Aktengesetz, AktG). URL : <http://bundesrecht.juris.de/aktg/index.html> (дата обращения: 10.09.2015).

⁴⁶⁴Акт об акционерных обществах 1965 г. (Aktengesetz, AktG). URL : <http://bundesrecht.juris.de/aktg/index.html> (дата обращения: 10.09.2015).

⁴⁶⁵Акт об акционерных обществах 1965 г. (Aktengesetz, AktG). URL : <http://bundesrecht.juris.de/aktg/index.html> (дата обращения: 10.09.2015).

AktG). Полагаем, что введение данной терминологии обусловлено целью показать разную степень контроля и зависимости. Так, согласно нормам § 15 AktG под связанными предприятиями понимается юридически самостоятельные предприятия, находящиеся с друг другом во взаимоотношениях преобладающего участия: предприятия с преобладающим участием (§ 16 AktG), зависимые и господствующие предприятия (§ 17 AktG), предприятия концерна (§ 18 AktG), взаимно участвующие предприятия (§ 19 AktG), договоры между предприятиями (§§ 291, 292 AktG).

Следует пояснить, что вышеприведенные нормы, регламентирующие подконтрольность и зависимость, прямо распространяются на акционерные общества и коммандитные товарищества на акциях. В отношении такой организационно-правовой формы как общества с ограниченной ответственностью немецкие суды применяют аналогию Закона об акционерных обществах Германии⁴⁶⁶.

⁴⁶⁶Reich-Graefe R. Changing Paradigms : The Liability of Corporate Groups in Germany. 37 Conn. L. Rev. Vol. 37, 2005. P. 794-798.

2.3.2. ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ ПРАВА КОНЦЕРНОВ В ЧАСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСНОВНОЙ (МАТЕРИНСКОЙ) КОМПАНИИ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ДОЧЕРНЕЙ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Несмотря на наличие в немецком законодательстве конгломерата норм, направленного на регулирование отношений зависимости, подконтрольности, практика рассмотрения споров сталкивается с некоторыми трудностями. К ним праведы относят, с одной стороны, всеобщее нежелание компаний заключать договоры о подчинении (перечислении прибыли)⁴⁶⁷, а, с другой стороны, моменты определения причин исков, доказывания специфических убытков и т.д.⁴⁶⁸.

А). Всеобщее нежелание компаний заключать договоры о подчинении (перечислении прибыли) объясняется тем, что действующее законодательство Германии презюмировало ответственность основного (контролирующего) предприятия в контрактных отношениях, т. е. фактически всегда в контрактных отношениях на материнскую компанию возлагается ответственность по обязательствам ее дочерней компании. В частности, основная компания обязана компенсировать дочерней компании убытки, например, в случаях: если она оказала влияние на продажу товаров или оказания услуг по ценам ниже рыночной стоимости, если она оказала влияние на передачу активов дочерней компании тому или иному аффилированному лицу, если она оказала влияние на обеспечение кредита активами ее дочерней компании, если она оказала влияние на залог имущества (капитала, прав) ее дочерней компании и т. д. Тем самым максимально сужено поле для действий (бездействий), направленных на злоупотребления, а кредиторы компаний находятся в максимально защищенном положении⁴⁶⁹.

⁴⁶⁷Wooldridge F. Groups of Companies : The Law and Practice in Britain, France and Germany. Institute of Advanced Legal Studies (University of London), 1981. P. 1317.

⁴⁶⁸Altig C. Piercing the Corporate Veil in American and German Law - Liability of Individuals and Entities: A Comparative View. 2 Tulsa J. Comp. & Int'l L. 187, 1994. P. 238.

⁴⁶⁹Акт об акционерных обществах 1965 г. (Aktengesetz, AktG). URL : <http://bundesrecht.juris.de/aktg/index.html> (дата обращения: 10.09.2015).

Компенсировать всеобщее нежелание компаний заключать договоры о подчинении (перечислении прибыли) направлено налоговое законодательство Германии, которое представляет налоговые преимущества для консолидированных групп (Organschaft): объединение для целей налогообложения прибыли и убытков зависимой компании с прибылью и убытками контролирующей компании⁴⁷⁰. При этом обязательным условием создания консолидированной групп является заключение между предприятиями договора о перечислении прибыли на срок не менее 5 лет⁴⁷¹.

Б). Что же касается отношений подконтрольности, зависимости, не оформленных договорами о подчинении (перечислении прибыли), то поле для злоупотреблений в сравнении с предыдущей моделью гораздо шире, поскольку у контролирующего лица возникает больше возможностей избежать ответственность как солидарного должника. По этой причине многие компании предпочитают модель отношений межкорпоративной зависимости вне рамок заключения соответствующих договоров, т. е. фактические объединения.

Исходя из практики рассмотрения корпоративных споров в немецких судах, привлечь к ответственности материнскую компанию вне рамок заключения договоров о подчинении помогает альтернативный англо-американской доктрине «снятия корпоративной вуали» механизм «Durchgriffshaftung» («проникающая, пронизывающая ответственность»), о котором уже шла речь в предыдущей главе настоящего исследования касательно изучения вопросов его истории происхождения и становления. В данной главе он будет рассмотрен в аспекте решения вопросов об определении причин, оснований исковых требований для привлечения к ответственности контролирующей компании и необходимости доказывания наличия специфических убытков.

В отличие от подконтрольности, зависимости, складывающейся в контрактных отношениях, кредиторы фактических объединений не могут

⁴⁷⁰Perdelwitz A. Germany – Corporate Taxation. IBFD, Tax Research Platform : Country Analyses – Germany. URL : <http://online.ibfd.org/kbase> (дата обращения : 15.01.2016).

⁴⁷¹Perdelwitz A. Germany – Corporate Taxation. IBFD, Tax Research Platform : Country Analyses – Germany. URL : <http://online.ibfd.org/kbase> (дата обращения : 15.01.2016).

обратиться с самостоятельным требованием к контролирующей компании. Такой вывод следует из судебной практики Верховного суда Германии. В частности, из решения по делу *TriHotel*⁴⁷² следует позиция Верховного суда Германии, согласно которой предъявление иска об ответственности за разрушительное вмешательство возможно только вместе с иском о возврате средств в капитал общества. Следовательно, привлечение материнской компании к ответственности за действия (бездействия), вызванные ее разрушительным влиянием, выражается через схему: сначала удовлетворяется требование о компенсации убытков дочерней компании, а затем в порядке регресса кредитор может потребовать обращения взыскания на имущество участника общества или инициировать процедуру банкротства.

Вопрос доказывания наличия специфических убытков касательно отношений зависимости, подконтрольности в немецком праве решается следующим образом. Под специфическими (особыми) убытками можно понимать реальный ущерб и упущенную выгоду, которые вытекают из особых фактов, ситуаций, требующих достоверных доказательств.

В свою очередь, правовед Карстон Алтинг, учитывая специфику немецкого права, пояснил, что образованный в силу закона фактический концерн (в него входят акционерные публичные компании (AG) и партнерства с ответственностью, ограниченной акциями (KgaA)) требует наличия доказательства особых убытков, что является весьма затруднительным, поскольку в немецком праве нет правил, регламентирующих досудебное расследование⁴⁷³. Преодолеть данные трудности удалось только в отношении квалифицированного фактического концерна (частных компаний с ограниченной ответственностью (GmbH)) при помощи механизма «Durchgriffshaftung», отражающего презумпцию экстенсивного контроля. Названная презумпция предполагает признание обязательным факта осуществления ущербного контроля, а не факта наличия

⁴⁷²Решение Верховного суда Германии BGH, 16.07.2007 - II ZR 3/04, BGHZ 173, 246 (TriHotel).

⁴⁷³Alting C. Piercing the Corporate Veil in American and German Law - Liability of Individuals and Entities: A Comparative View. 2 Tulsa J. Comp. & Int'l L. 187, 1994. P. 238.

специальных убытков⁴⁷⁴. Ее подтверждением служит принятое Верховным судом Германии решение по делу *Autokran*⁴⁷⁵, согласно которому суд признал факт экстенсивного контроля доминирующего предприятия и вменил контролирующему предприятию ответственность перед арендодателями по обязательствам подконтрольных лиц, обосновывая резолютивную часть решения аналогией §§ 311-318, 302, 303, 322 Закона об акционерных обществах Германии (*Aktiengesetz, AktG*). В частности, § 302 названного нормативного акта допускает возможность предоставления обеспечения перед кредиторами по долгам подконтрольных предприятий⁴⁷⁶.

Таким образом, сталкиваясь с трудностями реализации норм права концернов, немецкий законодатель и правоприменитель решают проблемы комплексно: и на уровне правового регулирования, например, предоставление налоговых преимуществ для консолидированных групп, и на уровне правовых механизмов, образованных судебной практикой, например, механизм «*Durchgriffshaftung*» («проникающей, пронизывающей ответственности»). Кроме того, следует отметить, что несмотря на самостоятельное применение механизма «*Durchgriffshaftung*», он зиждется на праве концернов (*Konzernrecht*) и является его неотъемлемой частью, поскольку рассматривается сквозь призму норм Акта об акционерных обществах Германии от (*Aktiengesetz, AktG*). Вместе с тем он представляет собой распространенный способ привлечения к ответственности контролирующего лица в квалифицированном фактическом концерне, т. е. в концерне с участием частных компаний с ограниченной ответственностью (*GmbH*). Иными словами, такой механизм — это недостающее звено в системе регулирования межкорпоративной зависимости и контроля права Германии.

⁴⁷⁴Alting C. *Piercing the Corporate Veil in American and German Law - Liability of Individuals and Entities: A Comparative View*. 2 *Tulsa J. Comp. & Int'l L.* 187, 1994. P. 242-243.

⁴⁷⁵German Supreme Court (*Bundesgerichtshof*) September 16, 1989 («*Autokran*»), *BGHZ* 95, 330.

⁴⁷⁶Акт об акционерных обществах 1965 г. (*Aktiengesetz, AktG*). Режим доступа : <http://bundesrecht.juris.de/aktg/index.html> (дата обращения: 10.09.2015).

2.4. ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ НА ОСНОВЕ ДЕЙСТВУЮЩЕГО КОРПОРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Прежде чем определить возможности использования зарубежного опыта необходимо оценить действующую правовую регламентацию на предмет отражения отношений межкорпоративной зависимости и контроля в праве Российской Федерации. В предыдущей главе настоящего исследования были сделаны выводы касательно наличия как на законодательном уровне, так и на уровне судебной практики *тенденций* к пренебрежению корпоративной личностью. Опираясь на полученные результаты, выделим основные критерии для проведения такой оценки: 1) законодательная фиксация отношений контроля и подконтрольности; 2) обращение судебной практики к доктринам или механизмам, подобным «снятию корпоративной вуали» или «Durchgriffshaftung» («проникающей, пронизывающей ответственности»).

1). Законодательная фиксация отношений контроля и подконтрольности.

Если рассматривать данный критерий с позиции регулирования отношений контроля и подконтрольности немецкого права, то можно резюмировать, что в корпоративном праве Российской Федерации нет подобной фиксации, поскольку не сформировано право концернов. Однако говорить об ее полном отсутствии представляется неверным.

Обратимся к действующему законодательству РФ на предмет наличия определений контроля и подконтрольности, а точнее контролирующего лица и подконтрольного лица, с точки зрения межкорпоративной зависимости. Данные термины получили широкое распространение: они отражены и в антимонопольном законодательстве, и в финансовом законодательстве, и в банковском законодательстве, и в налоговом законодательстве, и в корпоративном законодательстве.

Так, статья 2 Федерального закона «Об организованных торгах» определяет под контролирующим лицом: «Лицо, имеющее право прямо или косвенно (через

подконтрольных ему лиц) распоряжаться в силу участия в подконтрольной организации и (или) на основании договоров доверительного управления имуществом, и (или) простого товарищества, и (или) поручения, и (или) акционерного соглашения, и (или) иного соглашения, предметом которого является осуществление прав, удостоверенных акциями (долями) подконтрольной организации, более 50 процентами голосов в высшем органе управления подконтрольной организации либо право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более 50 процентов состава коллегиального органа управления подконтрольной организации; под подконтрольным лицом - юридическое лицо, находящееся под прямым или косвенным контролем контролирующего лица»⁴⁷⁷.

В Федеральном законе «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте»⁴⁷⁸ определение контролирующего лица фактически повторяется относительно вышеупомянутого закона.

Статья 25.13. НК РФ посвящена контролируемым иностранным компаниям и контролирующим лицам, согласно которой контролирующим лицом иностранной организации признаются следующие лица:

- 1) физическое или юридическое лицо, доля участия которого в этой организации составляет более 25 процентов;
- 2) физическое или юридическое лицо, доля участия которого в этой организации (для физических лиц - совместно с супругами и несовершеннолетними детьми) составляет более 10 процентов, если доля участия всех лиц, признаваемых налоговыми резидентами Российской Федерации, в этой

⁴⁷⁷Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах» (ред. от 19.07.2017). URL : <http://demo.garant.ru/#/document/12191965/paragraph/13:14> (дата обращения: 07.10.2017).

⁴⁷⁸Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 7-ФЗ «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте» (ред. от 19.07.2017). URL : <http://demo.garant.ru/#/document/12182694/paragraph/19:15> (дата обращения: 07.10.2017).

организации (для физических лиц - совместно с супругами и несовершеннолетними детьми) составляет более 50 процентов⁴⁷⁹.

Статья 61.10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» определяет контролирующее должника лицо как физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий⁴⁸⁰.

Статья 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» устанавливает субсидиарную ответственность контролирующего должника лица в случае невозможности полного погашения требований кредиторов вследствие действий и (или) бездействия такого лица⁴⁸¹.

В контексте сделки с заинтересованностью статья 45 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» дает определение контролирующего лица, под которым понимается: «Лицо, имеющее право прямо или косвенно (через подконтрольных ему лиц) распоряжаться в силу участия в подконтрольной организации и (или) на основании договоров доверительного управления имуществом, и (или) простого товарищества, и (или) поручения, и (или) акционерного соглашения, и (или) иного соглашения, предметом которого является осуществление прав, удостоверенных акциями (долями) подконтрольной организации, более 50 процентами голосов в высшем органе управления подконтрольной организации либо право назначать

⁴⁷⁹ Часть первая Налогового кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 01.10.2017). URL : <http://demo.garant.ru/#/document/10900200/paragraph/804:19> (дата обращения: 07.10.2017).

⁴⁸⁰ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 30.07.2017). URL : <http://demo.garant.ru/#/document/185181/paragraph/1128100900:3> (дата обращения: 07.10.2017).

⁴⁸¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 30.07.2017). URL : <http://demo.garant.ru/#/document/185181/paragraph/1128100900:3> (дата обращения: 07.10.2017).

(избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более 50 процентов состава коллегиального органа управления подконтрольной организации»⁴⁸².

Аналогичное определение зафиксировано в статье 81 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»⁴⁸³.

Несмотря на такое широкое распространение, вышеприведенные определения даны только на уровне специального законодательства, что значительно сужает сферу их применения. Попытка зафиксировать их на общем уровне прослеживается в Проекте федерального закона № 47538-6⁴⁸⁴ (далее - Проект): «Лицо считается контролирующим (контролирующее лицо) юридическое лицо (подконтрольное лицо), если это лицо прямо или косвенно (через третьих лиц), самостоятельно или совместно со своими связанными (аффилированными) лицами имеет возможность определять действия (решения) такого юридического лица»⁴⁸⁵.

Между тем уточняется, что контролирующими лицами являются в том числе и лица, при помощи которых или совместно с ними осуществляется контроль⁴⁸⁶.

Помимо указанного определения в нем перечислены признаки контролирующего лица: прямое или косвенное преобладающее участие в уставном капитале; наличие договора; дача обязательных указаний; а также

⁴⁸²Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 01.09.2017). URL : <http://demo.garant.ru/#/document/12109720/paragraph/1073742392:5> (дата обращения: 07.10.2017).

⁴⁸³Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 30.07.2017). URL : <http://demo.garant.ru/#/document/12109720/paragraph/1073742392:5> (дата обращения: 07.10.2017).

⁴⁸⁴Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL : <http://demo.garant.ru/#/document/70156584/entry/0:11> (дата обращения: 07.10.2017).

⁴⁸⁵См.: пункт 24 статьи 1 Проекта федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL : <http://demo.garant.ru/#/document/70156584/entry/0:11> (дата обращения: 07.10.2017).

⁴⁸⁶См.: пункт 24 статьи 1 Проекта федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL : <http://demo.garant.ru/#/document/70156584/entry/0:11> (дата обращения: 07.10.2017).

установлена возможность определять избрание (назначение) единоличного исполнительного органа (управляющей организации или управляющего) и (или) более половины состава коллегиального органа управления такого юридического лица⁴⁸⁷.

Не менее интересно положение об ответственности контролирующих лиц. В частности, речь идет о солидарной ответственности контролирующего лица совместно с подконтрольным лицом относительно обязательств последнего в следующих случаях:

1) при совершении действий/бездействий подконтрольным лицом во взаимосвязи с указаниями контролирующего лица;

2) при совершении подконтрольным лицом действий, причиняющих вред другому лицу и направленных на ограничение ответственности контролирующего лица, которую последнее лицо могло бы понести в случае непосредственного личного совершения их;

3) при совершении подконтрольным лицом действий, причиняющих вред другому лицу, контролирующее лицо должно было предотвратить его, но не причинение вреда другому лицу при совершении действий подконтрольным лицом, однако не совершило этого⁴⁸⁸.

При этом подконтрольное лицо не отвечает по долгам контролирующего лица; первый субъект названных отношений обладает правом требовать возмещения убытков⁴⁸⁹.

Данные новеллы предполагалось оформить статьями 53.3, 53.4 ГК РФ, но они так и не были претворены в жизнь. По этому поводу И. С. Шиткина пишет:

⁴⁸⁷См.: пункт 24 статьи 1 Проекта федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL : <http://demo.garant.ru/#/document/70156584/entry/0:11> (дата обращения: 07.10.2017).

⁴⁸⁸См.: пункт 24 статьи 1 Проекта федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL : <http://demo.garant.ru/#/document/70156584/entry/0:11> (дата обращения: 07.10.2017).

⁴⁸⁹См.: пункт 24 статьи 1 Проекта федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL : <http://demo.garant.ru/#/document/70156584/entry/0:11> (дата обращения: 07.10.2017).

«И ко второму чтению депутатами Государственной Думы из проекта ГК были исключены статьи, касающиеся аффилированности и ответственности контролирующих лиц в том виде, как это было в законопроекте, принятом в первом чтении. То есть в деловых кругах есть актуальный интерес к теме «снятия корпоративной вуали», к тому же мы даже видим заложенную в этой проблеме конфликтность, значит, этот вопрос надо более детально обсуждать. Перефразируя известного поэта, можно сказать: если звезды не зажигаются (в нашем случае — закон не принимается), то это тоже кому-то нужно»⁴⁹⁰.

В свою очередь, полагаем, что предложенная Проектом законодательная фиксация отношений контроля и подконтрольности на общем уровне внесла бы ясность в правовое регулирование межкорпоративной зависимости.

Ввиду отсутствия таковой отношения контроля и подконтроля отражены в корпоративном законодательстве в сокращенном варианте. Они прослеживаются в следующих институтах: отношения основных (материнских) и дочерних обществ (товариществ), аффилированность. В состав названных институтов входят такие нормы: статья 67.3. ГК РФ⁴⁹¹ (дочернее хозяйственное общество (товарищество)) статья 6 ФЗ об АО⁴⁹², статья 6 ФЗ об ООО⁴⁹³, пункт 4 статьи 10, пункт 1 статьи 189.23 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁴⁹⁴, статьи 53.1., 53.2 ГК РФ⁴⁹⁵ и др.

Так, в пункте 1 статьи 67.3 ГК РФ закреплено определение дочернего хозяйственного общества: «хозяйственное общество признается дочерним, если другое (основное) хозяйственное товарищество или общество в силу

⁴⁹⁰Шиткина И. С. Интервью с доктором юридических наук, профессором, руководителем магистерской программы «Корпоративное право» МГУ имени М. В. Ломоносова Ириной Сергеевной Шиткиной // Юрист. 2012. № 17. С. 3-4.

⁴⁹¹Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016). URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.08.2016).

⁴⁹²Об акционерных обществах : фед. закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 03.07.2016). URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.09.2016).

⁴⁹³Об обществах с ограниченной ответственностью : фед. закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 03.07.2016). URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.09.2016).

⁴⁹⁴О несостоятельности (банкротстве) : фед. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 03.07.2016). URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.08.2016).

⁴⁹⁵Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

преобладающего участия в его уставном капитале, либо в соответствии с заключенным между ними договором, либо иным образом имеет возможность определять решения, принимаемые таким обществом»⁴⁹⁶. Настоящая норма устанавливает критерии дочерности:

- а) преобладающее участие в уставном капитале другого общества (товарищества);*
- б) заключение договора между основным и дочерним обществом;*
- в) иные критерии.*

Описание последнего критерия позволяет сделать вывод о том, что такой перечень является открытым. Он, с одной стороны, дает возможность не заикливаться на общепринятых стандартах поведения участников корпоративных отношений, тем самым речь идет о всестороннем исследовании обстоятельств судебных споров подобно англо-американскому праву, с другой стороны, создает ситуацию правовой неопределенности, согласно которой суду сложно понять конкретику возможности иным образом определять решения, принимаемые «дочерним» обществом. Ниже рассматривается подобный пример.

Кроме того, на практике перечисленные законодателем критерии дочерности хозяйственного общества вызывают множество вопросов. Так, первый критерий, звучит убедительно только при первом прочтении. Впоследствии приходит понимание того, что не хватает четкой формулировки, а именно какой размер доли преобладающего участия возникновения холдинговых отношений; относится ли косвенное участие в уставном капитале к данному критерию и т.п. Ответы на эти и другие вопросы можно найти в судебной практике, но и она зачастую не отличается правовой определенностью. Относительно преобладающего участия в уставном капитале общества доминирует позиция более чем 50 % участия в уставном капитале⁴⁹⁷. Односложный ответ на второй вопрос в сравнении с предыдущим дать сложнее:

⁴⁹⁶Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

⁴⁹⁷См., наприм.: Постановление АС Северо-Кавказского округа от 31.01.2017 N №Ф08-10279/16. URL : <http://demo.garant.ru/#/document/40707515/entry/0:5> (дата обращения : 09.09.2017).

одни суды относят данный критерий к группе иных оснований дочерности⁴⁹⁸, другие исключают его из перечня по статье 67.3 ГК РФ, считая его одним из признаков корпоративного контроля⁴⁹⁹. При этом гражданское законодательство вообще не употребляет термин «косвенное участие», он применяется в контексте норм налогового⁵⁰⁰ и банковского законодательства Российской Федерации⁵⁰¹. В Письме Федеральной налоговой службы от 27 ноября 2015 г. № ЕД-4-13/20767⁵⁰² разъясняется порядок определения доли косвенного участия, согласно которому в силу пункта 3 статьи 105.2 НК РФ: «1) определяются все последовательности участия одной организации в другой организации через прямое участие каждой предыдущей организации в каждой последующей организации соответствующей последовательности; 2) определяются доли прямого участия каждой предыдущей организации в каждой последующей организации соответствующей последовательности; 3) суммируются произведения долей прямого участия одной организации в другой организации через участие каждой предыдущей организации в каждой последующей организации всех последовательностей»⁵⁰³. Между тем такое официальное разъяснение не отсылает к критериям дочерности по статье 67.3 ГК РФ⁵⁰⁴, следовательно, провести полноценный анализ ответа на последний поставленный вопрос представляется затруднительным.

⁴⁹⁸Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 06.06.2012 по делу № А70-7811/2011. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AZS;n=102036#0> (дата обращения : 19.11.2016).

⁴⁹⁹Постановление ФАС Северо-Западного округа от 15.05.2002 по делу № А56-17968/01. URL : <http://internet.garant.ru/#/document/7983089/paragraph/1:2> (дата обращения : 19.11.2016).

⁵⁰⁰Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : фед. закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 18.07.2017). URL : <http://demo.garant.ru/#/document/10900200/paragraph/3396:6> (дата обращения : 18.08.2017).

⁵⁰¹О национальной платежной системе : фед. от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 18.07.2017). URL : <http://demo.garant.ru/#/document/12187279/paragraph/418:7> (дата обращения : 01.09.2017).

⁵⁰²Письмо Федеральной налоговой службы от 27 ноября 2015 г. № ЕД-4-13/20767. URL : <http://demo.garant.ru/#/document/71287182/paragraph/4:11>. (дата обращения : 01.09.2017).

⁵⁰³Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : фед. закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 18.07.2017). URL : <http://demo.garant.ru/#/document/10900200/paragraph/3396:6> (дата обращения : 18.08.2017).

⁵⁰⁴Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

Заключение договоров между основным и дочерним обществом как основание для установления отношений дочерности также вызывает множество споров, поскольку законодателем не определены ни виды таких договоров, ни положения этих договоров, которые бы явно указывали на межкорпоративную зависимость. По этой причине судебная практика, как правило, не воспринимает вышеприведенный критерий дочерности самостоятельно, обоюывая недостаточностью доказательств⁵⁰⁵.

В результате межкорпоративная зависимость в виде отношений основной (материнской) и дочерней компании устанавливается не при наличии факта о заключении между юридическими лицами договора, например, договора о передаче полномочий единоличного исполнительного органа, комиссии, доверительного управления, займа и т.п., а только при определенной совокупности обстоятельств. Так, в Постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 31 января 2017 г. № Ф08-10279/16⁵⁰⁶ суд посчитал, что договор поставки заключен двумя юридическими лицами, как независимыми хозяйствующими обществами, факт подписания договора управляющим директором ОАО «Дагэнергосеть» является не указанием основного общества для дочернего, а действием лица (компании), выступающего в качестве единоличного исполнительного органа ОАО «Дагэнергосеть». «То, что компания и ОАО «Дагэнергосеть» состоят в отношениях основного и дочернего обществ не свидетельствует о совершении договора поставки во исполнение указаний компании»⁵⁰⁷. Соответственно, для возникновения у основного общества солидарной обязанности с дочерним обществом необходимо

⁵⁰⁵Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 февраля 2013 г. № ВАС-158/13 Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. URL : <http://demo.garant.ru/#/document/55621461/entry/0:16>. (дата обращения : 01.09.2017); Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 9 июля 2015 г. № 10АП-5532/15. URL : <http://demo.garant.ru/#/document/60821750/entry/0:2>. (дата обращения : 01.09.2017).

⁵⁰⁶Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 31 января 2017 г. № Ф08-10279/16 по делу № А63-1044/2016. URL : <http://demo.garant.ru/#/document/40707515/paragraph/25:7>. (дата обращения : 01.09.2017).

⁵⁰⁷Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 31 января 2017 г. № Ф08-10279/16 по делу № А63-1044/2016.

наличие совокупности условий: «два хозяйствующих субъекта должны находиться в отношениях основного и дочернего; основное общество должно иметь право давать обязательные указания для дочернего; сделки должны быть заключены во исполнение таких указаний»⁵⁰⁸.

В том числе к совокупным условиям отношений дочерности помимо выше перечисленных критериев дочерности можно отнести и такие обстоятельства как: наличие пересечений в системе органов управления юридических лиц; совпадение фактического/юридического/почтового адреса компаний; несоблюдение формальностей во внутреннем документообороте компании; юридические лица обслуживают одни и те же лица; централизованное ведение бухгалтерского учета/управление; совместная деятельность/сотрудничество/субподряд; периодическое дофинансирование компании; периодическая компенсация одной компанией расходов за другую и т.п. Приведенная совокупность обстоятельств входит уже в группу третьего критерия дочерности: иным образом определять решения общества.

Итак, в этой части судебная практика становится еще более интересной. В Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 30 ноября 2016 г. № Ф05-18392/16⁵⁰⁹ при уходе от налогообложения суд признал факт зависимости лиц не через институт дочерности, а через аффилированность на основании установления совокупности обстоятельств (выполнение фактической работы силами тех же сотрудников; все действия нескольких юридических лиц направлены на вывод выручки в целях избежания налогового регулирования и т.п.). Хотя, с нашей точки зрения, обоснование факта, состоявшегося налогового правонарушения, вполне оправдано и при помощи ссылки на третий критерий отношений дочерности. Такое смешение правовых институтов и создает ситуацию правовой неопределенности.

⁵⁰⁸Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 31 января 2017 г. № Ф08-10279/16 по делу № А63-1044/2016.

⁵⁰⁹Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 ноября 2016 г. № Ф05-18392/16 по делу № А40-238961/2015. URL : <http://demo.garant.ru/#/document/41862829/paragraph/24:18>. (дата обращения : 01.09.2017).

Проанализировав пункт 1 статьи 67.3 ГК РФ⁵¹⁰ и действующую судебную практику, возникает вопрос: неужели судебная практика не поддерживает самостоятельность критериев дочерности? Скорее всего, указанная норма сформулирована законодателем неудачно, поскольку заставляет российский суд отходить от буквального толкования, что ставит под сомнение принцип верховенства закона, а также способствует смешению правовых институтов. Решение указанной проблемы можно найти только в реформировании, позволяющим исключить расширительное толкование норм.

Считаем важным отдельно выделить правовые последствия установления отношений дочерности, которые представлены в пункте 2 статьи 67.3 ГК РФ⁵¹¹. Напомним, что согласно положениям абзаца 1 пункта 2 статьи 67.3 ГК РФ⁵¹² солидарная ответственность основного хозяйственного общества (товарищества) наступает по сделкам, заключенным дочерним обществом (товариществом) во исполнение его указаний или с его согласия за исключением случаев голосования основного хозяйственного общества (товарищества) по вопросу одобрения сделки на общем собрании участников дочернего общества, а также одобрения сделки органом управления основного хозяйственного общества (товарищества), если необходимость такового предусмотрена уставом дочернего и (или) основного общества (товарищества). Данная норма является общей по отношению к специальным нормам, получившим фиксацию в статье 6 ФЗ об АО⁵¹³, пункте 3 статьи 6 ФЗ об ООО⁵¹⁴. Помимо названной характеристики с позиции рассматриваемой темы настоящего исследования вполне оправдана и другая - «определяющая норма», поскольку установленный факт наличия межкорпоративной зависимости позволяет применить солидарную

⁵¹⁰Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

⁵¹¹Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

⁵¹²Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

⁵¹³Об акционерных обществах : фед. закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

⁵¹⁴Об обществах с ограниченной ответственностью : фед. закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

ответственность к основной компании, тем самым допуская возможность «снятия корпоративной вуали». Российские суды, принимая положительные решения о «проникновении за корпоративную вуаль» опираются в первую очередь на названную норму⁵¹⁵. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении нормы абзаца 2 пункта 2 статьи 67.3 ГК РФ⁵¹⁶ с конкретизацией в пункте 4 статьи 10, пункте 1 статьи 189.23 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁵¹⁷, которая предусматривает субсидиарную ответственность основного общества (товарищества), наступающую в случае несостоятельности (банкротства) дочернего общества (товарищества) по его вине. Между тем применение солидарной и субсидиарной ответственности согласно положениям пункта 2 статьи 67.3 ГК РФ⁵¹⁸ является исключением из принципа ограниченной ответственности. Такое толкование следует из абзаца 1 пункта 2 статьи 67.3 ГК РФ⁵¹⁹, в соответствии с которым дочернее общество не отвечает по долгам основного хозяйственного товарищества или общества.

Несмотря на данную характеристику, нормы статьи 67.3 ГК РФ⁵²⁰ не закрепляют прямо возможность применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в российском правовом порядке. Следовательно, суды Российской Федерации вправе толковать выше предусмотренные нормы широко: как допуская «проникновение за корпоративный занавес», так и отрицая его.

Таким образом, опираясь на анализ норм настоящей и предыдущей глав исследования, можно резюмировать, что в действующем корпоративном законодательстве Российской Федерации прямо предусмотрена солидарная и

⁵¹⁵Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16 ноября 2016 г. № Ф08-7992/16 по делу № А63-84/2016. URL : <http://demo.garant.ru/#/document/40644894/paragraph/10:35>. (дата обращения : 01.09.2017).

⁵¹⁶Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

⁵¹⁷О несостоятельности (банкротстве) : фед. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

⁵¹⁸Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

⁵¹⁹Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

⁵²⁰Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

субсидиарная ответственность хозяйственного общества (товарищества) по обязательствам дочерних, ответственность менеджеров при нарушении фидуциарных обязанностей заботы и преданности распространяется; установлена возможность привлечения к ответственности «теневых директоров», введены положения, указывающие на аффилированность. Но способны ли заданные отечественным законодателем установки урегулировать отношения межкорпоративной зависимости и контроля, предупреждая возможность злоупотребления корпоративной личностью со стороны недобросовестных участников гражданского оборота?

Поставленный вопрос относится к категории риторических. Дать на него однозначный ответ сложно, поэтому, принимая во внимание сравнительно-правовой характер исследовательской работы, можно провести параллели его регулирования как в немецком праве, так и в англо-американском праве.

Нормы права Германии позволяют пресечь потенциальные злоупотребления в данной области отношений через официальное признание отношений межкорпоративной зависимости, оформленные правом концернов. А именно, немецкое право предусматривают меры по контролю за юридическими лицами: заключение соответствующих договоров о подчинении, которые одобряются на общем собрании не менее чем тремя четвертями участников общества, проходят обязательную регистрацию в торговом реестре, содержат максимальный размер прибыли и т. д.; принятие на себя контролирующим предприятием убытков зависимого предприятия: компенсация контролирующим предприятием убытков по итогам финансового года в случае дефицита у зависимых предприятий и т. д.; ответственность законных представителей, органов управления господствующего предприятия как солидарного должника; пределы влияния господствующего предприятия; трехступенчатая система проверки отчета правления об отношениях со связанными предприятиями: аудитор, проверка наблюдательным советом, специальная проверка по постановлению суда; ответственность основного общества как солидарного должника; предоставление обеспечения кредитора

присоединяемого общества и т. п. Подобного рода меры в корпоративном праве Российской Федерации отсутствуют.

Касательно параллели с системой англо-американского права, то в ней несмотря на прецедентный характер на законодательном уровне отражены определения материнской и дочерней компаний, в которых зафиксирована возможность дачи обязательных указаний, контроля за решением финансовых, административных, текущих вопросов и т. п. Как не странно, но данная параллель наиболее близка к действующей законодательной регламентации Российской Федерации отношений межкорпоративной зависимости и контроля.

2). Закрепление на уровне судебной практики доктрин или механизмов, подобным «снятию корпоративной вуали» или «Durchgriffshaftung» («проникающей, пронизывающей ответственности»), направленных на регулирование отношений межкорпоративной зависимости и контроля.

Напомним, что нормы англо-американского права также позволяют пресечь потенциальные злоупотребления в области межкорпоративной, зависимости и контроля. В отличие от права Германии в системе англо-американского права основной акцент сделан не на законодательной регламентации, а на правовой доктрине «снятие корпоративной вуали», которая применяется только в порядке судебного производства. Так, через тестирование, основанное на различных теориях и техниках, судом определяется степень контроля, осуществляемого материнской компанией над дочерней, а также наличие действий (бездействий) материнской компании в отношении дочерней, которые приводят к несправедливому результату. Рассмотренные в тексте предыдущей главе настоящего исследования тенденции российской судебной практики подтверждают факт того, что на сегодняшний день судебные реалии по вопросам решения корпоративных споров далеки от воплощения характерных свойств, черт англо-американской доктрины «проникновения под корпоративный занавес». К подобным выводам можно прийти и в отношении немецкого правового механизма «Durchgriffshaftung» («проникающей, пронизывающей ответственности»), основной целью которого является восполнение норм права

концернов касательно частных компаний с ограниченной ответственностью (GmbH) при злоупотреблении корпоративной личностью.

Таким образом, приведенные параллели зарубежного опыта регулирования отношений межкорпоративной зависимости и контроля коренным образом отличаются от действующей правовой регламентации российского права, в которой нет ни права концернов, ни правовой доктрины «проникновения за корпоративный занавес», ни правового механизма «Durchgriffshaftung» («проникающей, пронизывающей ответственности»). Соответственно, применяя опыт Германии, Великобритании и США, определим *основные направления* для комплексного реформирования корпоративного права Российской Федерации в данной области. Важно отметить, что ключевым принципом для проведения такого реформирования является принцип «не навреди», иными словами, гармонизации, который предполагает проведение плавной адаптации зарубежного опыта вне ущерб действующей правовой регламентации.

Основные направления реформирования корпоративного законодательства Российской Федерации в отношении межкорпоративной зависимости и контроля:

1). Разработать специальный блок норм, регулирующий отношения межкорпоративной зависимости и контроля. В процессе такой разработки необходимо учитывать следующее:

- Пересмотреть действующие определения основных и дочерних обществ (товариществ), зафиксированное в статье 67.3 ГК РФ с позиции внедрения дефиниций **контролирующих и подконтрольных лиц**.

- Содержание определения **контролирующих и подконтрольных лиц** должно отражать текущие реалии экономики: дифференцирована степень контроля во взаимоотношениях межкорпоративной зависимости по критериям преобладающего участия одного юридического лица в капитале другого; финансирование компании; компенсации контролирующим лицом убытков, расходов компании; наличия пересечений в органах управления юридических лиц, в использовании помещений, располагающихся по одному и тому же адресу,

в привлечении одних и тех же наемных работников; способа введения бухгалтерского учета; соблюдения корпоративных формальностей.

С учетом этого под **контролирующим лицом** понимается лицо, способное оказывать прямое либо косвенное влияние на другое лицо. *Прямое влияние* определяется путем заключения договоров между предприятиями, указывающих на зависимое положение лица либо в случае, если не менее чем 50 % общего количества голосов, принадлежащих на голосующие акции (доли) подконтрольного лица принадлежат контролирующему лицу или находятся у него в доверительном управлении. При этом момент образования межкорпоративной зависимости совпадает с датой заключения таких договоров либо определяется с даты регистрации уполномоченным органом 50 % голосующих акций (долей) за контролирующим лицом. *Косвенное влияние* определяется ввиду наличия следующей совокупности обстоятельств: систематическое финансирование компании контролирующим лицом, являющееся единственным источником ее деятельности; систематическая компенсация контролирующим лицом убытков компании; централизованное введение бухгалтерского учета в нескольких компаниях; пересечения в органах управления юридических лиц, использование помещений, располагающихся по одному и тому же адресу, в привлечении одних и тех же наемных работников; несоблюдение корпоративных формальностей в части соответствующего оформления решения и действия органов управления подконтрольного лица, а также устава и внутренних документов подконтрольного лица и иные обстоятельства. При этом момент образования такой зависимости определяется судом после факта установления достаточной совокупности обстоятельств в порядке индивидуального производства.

Подконтрольное лицо зеркально отражает признаки контролирующего лица.

Между тем подобное предложение уже вносилось законопроектом № 47538-6⁵²¹, однако оно не получило соответствующую поддержку.

⁵²¹О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации

Предложенные в настоящей работе определения отличаются от предусмотренных названным законопроектом, *во-первых*, использованием иной терминологии, а именно, устанавливается не возможность определять действия другого лица, а способность оказывать прямое или косвенное влияние; *во-вторых*, закреплением конкретных признаков прямого и косвенного влияния на основе обращения к доктрине «снятия корпоративной вуали» и ее немецкого аналога. Такое отличие, с нашей точки зрения является существенным, поскольку позволит суду рассматривать дела не только с формальной стороны, а с позиции проведения экономического анализа конкретных отношений.

2). *Внедрить в корпоративное законодательство Российской Федерации положения, устанавливающие презумпцию ответственности контролирующего лица:*

- Для защиты прав кредиторов в отношениях консолидированных групп на контролирующее лицо возложить *солидарную ответственность* по обязательствам подконтрольных лиц, а также предоставить кредиторам *право предъявления прямого иска* к контролирующему лицу.

Необходимость закрепления права предъявления прямого иска вызвана, *во-первых*, тем, что кредиторы – это непосредственные участники конкретных правоотношений, *во-вторых*, действия (бездействия) контролирующего лица направлены на злоупотребление правом, а значит, права кредиторов находятся в ущемленном положении, за защитой которых следует обратиться в суд.

Таким образом, данные участники правоотношений являются заинтересованными лицами. Статья 4 АПК РФ⁵²² закрепляет право заинтересованного лица на обращение в Арбитражный суд. Соответственно, воспользоваться таким правом беспрепятственно и наиболее эффективно можно только в рамках прямого иска.

Федерации : проект федерального закона № 47538-6. URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения : 09.09.2016).

⁵²²Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 10.08.2017). Электронный ресурс]. URL : <http://ivo.garant.ru/#%2Fdocument%2F12127526%3A0> (дата обращения: 15.10.2017).

Во избежание проблемы массовых исков со стороны кредиторов необходимо ввести специальный срок исковой давности, шесть месяцев, течение которого начинается с момента нарушения права; активно обращаться к существующим процессуальным институтам, например, объединение дел в одно производство, а также вводить новые, например, наделить судей полномочиями взыскания с недобросовестной стороны судебных расходов оппонента за подачу явно необоснованного иска.

По общему правилу бремя доказывания несет контролирующее лицо, в исключительных случаях — кредиторы. Например, если в ходе рассмотрения спора будет установлено, что размер заявленных требований явно не соответствует фактическим требованиям или контролирующее лицо под присягой заявляет о невозможности предоставления доказательств с обоснованием причины. Соответственно, расширить полномочия суда: закрепить за ним проведение присяги подобно англо-американскому праву, нарушение которой той или иной стороной спора является основанием для привлечения к уголовной ответственности.

В случае, если данные инструменты не смогут урегулировать большой поток прямых исков от кредиторов к контролирующим лицам, тогда необходимо будет поставить вопрос о работоспособности всей судебной системы и ее модернизации, поскольку право на обращение за защитой своих интересов в суд будет реализовано не в полном виде. Соответственно, введение права прямого иска — это еще и возможность провести дополнительную проверку работы судебной системы.

- Данная ответственность действует в течение 5 (пяти) лет с момента образования межкорпоративной зависимости и контроля. Установление данного срока необходимо для формирования компенсационных фондов подконтрольных лиц, т. е. с момента вступления во взаимоотношения межкорпоративной зависимости и контроля подконтрольное лицо несет обязанность формирования компенсационных фондов за счет взносов в соотношении 50 % от прибыли, на каждую нечетную сделку за квартал. Необходимость их создания объясняется

отсутствием на законодательном уровне правовых гарантий, позволяющих обеспечить финансовые интересы кредиторов, в то время как контролирующие лица применяют принцип ограниченной ответственности. Например, минимальный размер уставного капитала юридических лиц не способен обеспечить интересы кредиторов. Увеличение его до гарантийного уровня не является решением, поскольку может снизить деловую активность, что негативно отразится на экономике в целом. Предлагаем уравновесить интересы указанных лиц менее радикальным способом, но не менее эффективным – это создание компенсационных фондов. Проведение операций по счетам таких фондов возможно только для целей деятельности подконтрольного лица, обеспечиваемое гарантией контролирующего лица об их восполнении при финансовой неспособности подконтрольного лица или банковской гарантией.

Соблюдение установленной обязанности по формированию фондов обеспечивается путем составления и направления ежеквартального отчета о степени формирования компенсационного фонда в надзорные органы контролирующего лица. В целях проведения соответствующей проверки надзорные органы вправе привлекать независимого аудитора, это право также предоставлено подконтрольному лицу и суду в случае спора. При неисполнении или частичном исполнении обязанности по формированию компенсационных фондов контролирующее лицо вправе вмешиваться в оперативную деятельность подконтрольного лица путем дачи указаний. По истечении 5 (пяти) лет с момента вступления в отношения межкорпоративной зависимости и контроля контролирующее лицо не несет солидарную ответственность по долгам подконтрольных лиц, если иное не установлено положениями договоров между предприятиями, указывающих на зависимое положение лица. Обязательства подконтрольных лиц удовлетворяются за счет компенсационных фондов. По истечении 5 (пяти) лет с момента вступления в отношения межкорпоративной зависимости и контроля, обязанность пополнения компенсационных фондов остается за подконтрольным лицом; размер отчислений определяется большинством голосов с одобрения контролирующего лица на общем собрании

подконтрольного лица. За подконтрольным лицом также остается обязанность составления и направления ежеквартального отчета о степени формирования компенсационного фонда в надзорные органы контролирующего лица. За контролирующим лицом остается право вмешиваться в оперативную деятельность подконтрольного лица путем дачи указаний при неисполнении или частичном исполнении обязанности по формированию компенсационных фондов подконтрольного лица. Если размер по истечении 5 (пяти) лет с момента вступления в отношения межкорпоративной зависимости и контроля размер компенсационного фонда не позволяет удовлетворить заявленные требования кредиторов, то на контролирующее лицо возлагается ответственность в порядке регресса.

Кроме того, в стимулирующих целях ввести льготное налогообложение, применяющееся подконтрольными лицами, которое заключается в освобождении от налогов, начисляемых за каждую нечетную сделку за квартал относительно обязанности по формированию компенсационных фондов, на период действия такой обязанности. Если данная обязанность в силу тех или иных обстоятельств исполняется контролирующим лицом за подконтрольное, то предоставить ему аналогичное право льготного налогообложения.

3). Внедрить в текст Гражданского кодекса Российской Федерации подобные немецкому праву концернов нормы заключения договоров между предприятиями о подчинении (об отчислении прибыли).

- Добавить в Гражданский кодекс Российской Федерации статью 67.2 прим. или отдельную статью, регламентирующие договоры между предприятиями, указывающие на зависимое положение лица.

- Содержание данной статьи необходимо построить в следующем порядке: дефиниция, основные виды договоров, порядок заключения, изменения, прекращения договоров. При этом положения, касающиеся договоров между предприятиями, указывающие на зависимое положение лица, не должны противоречить обязательственному праву.

- Договоры между предприятиями, указывающие на зависимое положение лица — это соглашения, в которых предусматривается обязательное условие о подчинении руководства общества (товарищества) другому обществу (товариществу), о перечислении, объединении полностью или частично прибыли общества (товарищества) другому обществу (товариществу), об обязанности вести дела общества (товарищества) за счет другого общества (товарищества), о сдаче в аренду общества (товарищества) другому обществу (товариществу) либо иным образом уступить общество (товарищество) другому обществу (товариществу). Сторонами данных договоров могут быть только юридические лица, заключение договоров с членами правления или с отдельными наемными работниками общества (товарищества) является ничтожной сделкой.

- Заключение договоров между предприятиями, указывающих на зависимое положение лица, приобретает юридическую силу только после одобрения его на общих собраниях потенциальных сторон заключаемого договора, которое принимается квалифицированным большинством голосов, определяемым нормами уставов юридических лиц. В процессе принятия решения на общих собраниях потенциальных сторон заключаемого договора правление данных юридических лиц обязано предоставить отчет с юридическими и экономическими обоснованиями в пользу заключения такого рода договоров. Такая обязанность опускается, если все участники общего собрания по данному вопросу официально отказались от необходимости его составления. Способ проверки положений договора между предприятиями определяется самостоятельно в уставе обществ (товариществ) либо назначается по ходатайству заинтересованных лиц судом. По результатам проверки таких договоров предоставляется письменное заключение, содержащее вывод о соразмерности компенсации и предложенного возмещения. В целях обеспечения публичности сведений информация о заключении данных договоров размещается в течение 5 дней в специальном реестре сведений об юридических лицах с момента принятия решения на общих собраниях юридических лиц. Исполнение настоящей обязанности может быть осуществлено

одной из сторон договора. При ее несоблюдении или превышении установленного срока налагаются соответствующие штрафные санкции.

На порядок изменений договоров между предприятиями, указывающих на зависимость, распространяются положения обязательственного права. Все изменения вносятся соответствующий реестр сведений об юридических лиц в течение 5 дней. При ее несоблюдении или превышении установленного срока налагаются соответствующие штрафные санкции. Изменение положений договоров между предприятиями допускается только после одобрения на общем собрании, которое принимается квалифицированным большинством голосов, определяемым нормами уставов юридических лиц. Предоставление правлением отчета с юридическими и экономическими обоснованиями в пользу изменения такого рода договоров не является обязательным, определяется положениями учредительных документов юридических лиц.

- Прекращение договоров между предприятиями, указывающих на зависимое положение лица, определяется в соответствии с общими положениями обязательственного права. Решение о прекращении таких договоров принимается на общем собрании участников таких договоров. Специальные нормы устанавливают момент прекращения договоров между предприятиями: окончание финансового года или иного определенного договором расчетного периода, а также внесения сведений о прекращении соответствующего договора в течение 5 дней в реестр сведений об юридических лиц. В случае расторжения договор между предприятиями возможность компенсации определяется из положений настоящего договора и общих норм обязательственного права.

- Интересы кредиторов договорных объединений обеспечиваются в общем порядке, т. е. в порядке, характерном для консолидированных групп (солидарная ответственность контролирующего лица, ограниченная периодом в 5 лет).

4) Исключить из текста Гражданского кодекса Российской Федерации положения, касающиеся аффилированности, поскольку, существуя в весьма усеченном виде, они не способны регулировать должным образом отношения связанности: не понятны какие меры применять для квалификации данных

отношений, соотношения аффилированности с другими правовыми институтами, меры ответственности. Кроме того, обращаясь к позиции Е. А. Суханова⁵²³, они способны существенно снизить динамику гражданского оборота при проверке в судебном порядке каждой сделки на предмет заинтересованности.

Вместо этого института рекомендуем законодателю сделать акцент на мерах оперативного воздействия в регулировании вопросов межкорпоративной и экономической зависимости. Помимо существующих мер в корпоративное законодательство необходимо включить возможность обеспечения исполнения обязательств кредиторов подконтрольных лиц за счет компенсационных фондов с учетом предложенных в пункт 2 настоящего параграфа преобразований, которая представляет собой удержание до момента полного исполнения обязательств на специальном банковском счете контрагента по сделке определенной денежной суммы, перечисленной из компенсационного фонда подконтрольного лица. При этом к данному виду обеспечения применяются общие положения о мерах оперативного воздействия действующего гражданского законодательства. Размер денежного обеспечения должен составлять не менее 20 % от суммы сделки. Специальный счет – это подвид расчетного счета, который открывается юридическим лицом (контрагентом по сделке) и предназначен для проведения целевых операций в рамках обеспечения исполнения конкретного обязательства. Открытие указанного счета возможно только при наличии советующего договора с обязательным указанием на необходимость обеспечения обязательства за счет компенсационного фонда. Естественно такое обеспечение предусматривается сторонами по желанию на этапе заключения соответствующего договора либо дополнительных соглашений к нему. Сторонами данных договоров могут быть юридические лица, одно из которых определяется как участник межкорпоративной зависимости. Обращение к данному виду обеспечения в обязательном порядке осуществляется только, если сумма сделки превышает 550 МРОТ. Сохранность денежных средств на названном счете гарантируется банком в виде временного приостановления операций по счету, что препятствует

⁵²³Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное права. М. : Статут. 2014. С. 254.

нелегальному выводу денежных средств заинтересованной стороной и иных злоупотреблений. При полном исполнении обязательств денежные средства подлежат возврату банком на основании соответствующих подтверждающих документов. В случае обращения взыскания на предоставленное обеспечение заинтересованной стороной подтверждается факт неисполнения контрагентом по сделке обязательств в полном объеме или частичном. Подтверждение такого факта является основанием для «разморозки» операций по счету и перечислению денежных средств на расчетный счет контрагента по сделке.

Подводя итог разработанных направлений по усовершенствованию института межкорпоративной зависимости в российском праве, внесем конкретику в части внесения изменений в корпоративное законодательство Российской Федерации:

Во-первых, необходимо исключить из Гражданского кодекса Российской Федерации статью 53.2. ГК РФ, регулируемую аффилированность.

Во-вторых, вместо положений об аффилированности в статью 53.2. Гражданского кодекса Российской Федерации поместить нормы, касающиеся ответственности контролирующих лиц в рамках холдинговых отношений:

- закрепить определение контролирующего лица и его подконтрольных лиц;
- конкретизировать, что отношения контролирующего лица и его подконтрольных лиц составляют межкорпоративную зависимость; при этом лица, заключающие сделки с указанными лицами, относятся к категории отношений, связанных с данными;
- перечислить признаки прямого и косвенного влияния;
- конкретизировать момент образования межкорпоративной зависимости относительно прямого и косвенного влияния;
- возложить на контролирующее лицо солидарную ответственность по обязательствам подконтрольных лиц, обусловленную пятилетним периодом действия с момента образования межкорпоративной зависимости, а также предусмотреть ответственность в порядке регресса при нефункционировании компенсационных фондов;

- установить необходимость создания специальных компенсационных фондов подконтрольных лиц; при этом детальный порядок их функционирования поместить в специальное законодательство, например, в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью», Федеральный закон «Об акционерных обществах» и т.д.;

- зафиксировать возможность обеспечения исполнения обязательств кредиторов подконтрольных лиц за счет компенсационных фондов, которая представляет собой удержание до момента полного исполнения обязательств на специальном банковском счете контрагента по сделке определенной денежной суммы, перечисленной из компенсационного фонда подконтрольного лица;

- применить специальный срок исковой давности, шесть месяцев с момента нарушения права, к отношениям, вытекающим из межкорпоративной зависимости и связанной с ней;

- по общему правилу возложить бремя доказывания на контролирующее лицо, в исключительных случаях на кредиторов;

- установленную в статье 67.3. Гражданского кодекса Российской Федерации субсидиарную ответственность при банкротстве изложить с позиции контролирующего лица и его подконтрольных лиц. Содержание данной ответственности оставить в неизменном виде, поскольку она урегулирована в действующем законодательстве достаточно полно;

В-третьих, включить в Гражданский кодекс РФ статью 67.2 прим. или иную отдельную статью, регламентирующую договоры между предприятиями, указывающие на зависимое положение лица, под которыми понимается соглашения, предусматривающие обязательное условие о подчинении руководства общества (товарищества) другому обществу (товариществу), о перечислении, объединении полностью или частично прибыли общества (товарищества) другому обществу (товариществу), об обязанности вести дела общества (товарищества) за счет другого общества (товарищества), о сдаче в аренду общества (товарищества) другому обществу (товариществу) либо иным образом уступить общество (товарищество) другому обществу (товариществу).

Сторонами данных договоров могут быть только юридические лица, заключение договоров с членами правления или с отдельными наемными работниками общества (товарищества) является ничтожной сделкой;

В-четвертых, статью 67.3. Гражданского кодекса Российской Федерации удалить, а также по тексту всего Гражданского кодекса термины «основное» и «дочернее» общество заменить на «контролирующее» и «подконтрольное» лицо.

В-пятых, включить в специальное законодательство положения, отражающие общие нормы Гражданского кодекса в части контролирующих и подконтрольных лиц относительно организационно-правовой формы юридических лиц.

Вместе с тем в Налоговый кодекс Российской Федерации поместить нормы, предоставляющие льготное налогообложение для следующей категории лиц:

- для подконтрольных лиц, исполняющих обязанность по формированию компенсационного фонда;
- для контролирующих лиц, обязанность по формированию компенсационного фонда по тем и иным причинам не исполнена подконтрольными лицами.

Естественно отразить всю специфику отношений межкорпоративной зависимости и контроля на уровне законодательства невозможно, поэтому подобно немецкому правовому механизму «Durchgriffshaftung» («проникающей, пронизывающей ответственности») *российским судам необходимо научиться толковать нормы права с учетом индивидуального порядка решения спора, применять укоренившиеся институты права касательно отношений внутри консолидированных групп, например, институт злоупотребления правом в немецком праве воплощен как злоупотребление корпоративной формой юридического лица, а также регулярно давать соответствующие разъяснения на высшем судебном уровне.*

Таким образом, предложенные направления по реформированию корпоративного законодательства Российской Федерации содержат в себе формулу успеха существования межкорпоративной и экономической

зависимости, которая заключается в сочетании легально установленных мер оперативного воздействия, применяемых управомоченным лицом по отношению к контролирующим и подконтрольным лицам без обращения за защитой к компетентным государственным органам, и гражданско-правовой ответственности, возложение которой является результатом рассмотрения экономического спора по существу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги настоящего исследования по теме: «Законодательное регулирование и применение доктрины «снятия корпоративной вуали» в российском праве и праве зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ», считаем целесообразным в лаконичной форме изложить следующие результаты:

1. Выбранный в качестве основного метода исследования, сравнительно-правовой метод, позволил на базе анализа правового опыта Великобритании, США и Германии выявить сильные и слабые стороны применения доктрины «снятия корпоративной вуали» и ее аналогов в области привлечения к ответственности основной компании по обязательствам дочерней для того, чтобы разработать концепцию частичной адаптации наиболее удачных положений в отечественное право, которая заключается в проведение комплексного реформирования корпоративного законодательства Российской Федерации по следующим направлениям:

- *разработка специального блока норм, регулирующего отношения межкорпоративной зависимости и контроля;*

- *внедрение в корпоративное законодательство Российской Федерации положений, устанавливающих презумпцию ответственности контролирующего лица;*

- *внедрение в текст Гражданского кодекса Российской Федерации подобных немецкому праву концернов норм заключения договоров между предприятиями о подчинении (об отчислении прибыли);*

- *исключение из текста Гражданского кодекса Российской Федерации положений, касающихся аффилированности.*

Причем по каждому направлению даны подробные пояснения и уточнения.

2. В процессе изложения содержания основных направлений реформирования корпоративного законодательства Российской Федерации в области экономической и межкорпоративной зависимости получена формула успеха, которая заключается в сочетании легально установленных мер

оперативного воздействия, применяемых управомоченным лицом по отношению к контролирующим и подконтрольным лицам без обращения за защитой к компетентным государственным органам, и гражданско-правовой ответственности, возложение которой является результатом рассмотрения экономического спора по существу.

3. Разработанная в настоящей работе концепция частичной рецепции посредством комплексного реформирования является результатом достижения поставленной цели исследования, которая в дальнейшем может быть применена и в законотворческой деятельности, и в научной деятельности, и в учебной деятельности, и даже в практике арбитражного суда.

4. Последовательное решение задач диссертационной работы привело к достижению поставленной цели с учетом многоаспектного характера настоящего исследования: рассмотрение вопросов с позиции теории, практики, истории, логики, аналитики.

5. В ходе проведения данного исследования пристальное внимание уделено уточняющему материалу: статистике в том числе, и официальной статистике, выдержкам из периодических изданий, судебной практике, на основании которых сделаны ключевые выводы.

6. В настоящей работе даны последовательные рекомендации по внесению изменений в корпоративное законодательство Российской Федерации, которые основаны на результатах сравнительно-правового анализа опыта зарубежных стран и действующей нормативно-правовой базы Российской Федерации.

Полученные в процессе написания настоящей диссертационной работы результаты являются интеллектуальной деятельностью автора и носят относительный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**Нормативно-правовые акты РФ:****Действующие нормативно-правовые акты:**

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. - 2014. - № 31. - ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016 № 83) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - ст. 3301.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 29.06.2015 № 210-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. - 2015. - № 27. - ст. 4001.
4. Федеральный закон «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 05.05.2014 № 99-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. - 2014. - № 19. - ст. 2304.
5. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 43. - ст. 4190.
6. Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 33 (часть I). - ст. 3431.
7. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 7. - ст. 785.
8. Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 1. - ст. 1.
9. Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 17. - ст. 1918.
10. Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» от 22.03.1991 № 948-1 (ред. от 26.07.2006) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. - 1991 - № 16. - ст. 499.
11. Указ Президента РФ «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.07.2008 № 1108 (ред. от 29.07.2014) // Собрание законодательства РФ. - 2008. - № 29 (ч. 1). - ст. 3482.

Нормативно-правовые акты, утратившие силу:

12. Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. - СПб. : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. - 48 т.: указ. Т. 5 : 1713-1719. - 1830. (утратил силу).
13. Гражданский кодекс РСФСР от 11.06.1964 г. (ред. от 26.11.2001) // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. - № 24. – ст.407. (утратил силу).
14. Постановление ВЦИК «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» от 11.11.1922 // СУ РСФСР. – 1922. - № 71. – ст.904. (утратил силу).
15. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31.05.1991 № 2211-1 (ред. от 26.11.2001) // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1991. - № 26. – ст. 733. (утратил силу).
16. Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» от 25.12.1990 № 445-1 (ред. от 30.11.1994) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1990. - № 30. – ст. 418. (утратил силу).
17. Закон РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 22.11.1990 № 348-1 (ред. от 21.03.2002) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1990. - № 26. – ст. 324. (утратил силу).
18. Закон СССР «О собственности в СССР» от 06.03.1990 № 1305-1 (с изм. от 24.12.1990) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1990. - № 11. – ст. 164. (утратил силу).
19. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде от 23 ноября 1989 г. № 810-1 (ред. от 07.03.1991) // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1989. - № 25. – ст. 481. (утратил силу).
20. Закон СССР «О кооперации в СССР» от 26.05.1988 № 8998-XI (ред. от 07.03.1991, с изм. от 15.04.1998) // Ведомости ВС СССР. – 1988. - № 22. – ст. 355. (утратил силу).
21. Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)» от 30 июня 1987 г. № 7284-XI // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1987. - № 26. – ст. 385. (утратил силу).
22. Указ Президента РФ «О мерах по обеспечению прав акционеров» от 27.10.1993 № 1769 (ред. от 31.07.1995) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1993. - № 44. – ст. 4192. (утратил силу).
23. Постановление Правительства РСФСР «Об утверждении Положения о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР» от 28.12.1991 № 78 // СП РФ. – 1992. - № 5. – ст. 26. (утратил силу).
24. Постановление Совмина РСФСР «Об утверждении Положения об акционерных обществах» от 25.12.1990 № 601 (ред. от 15.04.1992, с изм. от 24.11.1993) // СП РСФСР. – 1991. - № 6. – ст. 92. (утратил силу).
25. Постановление Совмина СССР «Об утверждении Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью и Положения о ценных бумагах» от 19.06.1990 № 590 // СП СССР. – 1990. - № 15. – ст. 82. (утратил силу).
26. Письмо Минфина РФ «О правилах совершения и регистрации сделок с ценными бумагами» от 06.07.1992 № 53 (вместе с «Инструкцией о правилах

совершения и регистрации сделок с ценными бумагами») // Бюллетень нормативных актов. – 1992. - № 9-10. (утратил силу).

27. Письмо Минфина РФ «О правилах выпуска и регистрации ценных бумаг на территории РФ» от 03.03.1992 № 3 (вместе с Инструкцией Минфина РФ от 03.03.1992 № 2 (ред. от 01.08.1995)) // Финансовая газета. – 1992. - № 11. (утратил силу).

Судебная практика российских судов:

28. Постановление Президиума ВАС РФ от 24.04.2012 № 16404/11 по делу № А40-21127/11-98-184 // Вестник ВАС РФ. – 2012. - № 10.

29. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.01.2015 № Ф05-15548/2014 по делу № А40-52404/14-104-447. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL : <http://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 26.08.2015).

30. Решение Арбитражного Суда Ярославской области от 06.06.2015 № А82- 10729/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL : <http://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 26.08.2016).

31. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 16.12.2014 № А33-3867/2014. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL : <http://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 26.08.2016).

32. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 16.12.2014 № А33-3867/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL : <http://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 26.08.2016).

33. Решение Арбитражного Суда Ханты-Мансийского Автономного Округа — Югры от 11.12.2014 № А75-3259/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL : <http://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 26.08.2016).

34. Решение Арбитражного Суда Красноярского Края от 06.08.2014 № А32-1966/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL : <http://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 26.08.2016).

Диссертации и авторефераты на русском языке:

35. Васильев А. А. Правовая доктрина как источник права : историко-теоретические вопросы : Дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007. 192 с.

36. Захаров А. Н. Привлечение основного общества к солидарной ответственности по обязательствам дочернего общества : Дис. канд. юрид. наук. М., 2015. - 156 с.

37. Зозуля А. А. Доктрина в современном праве : Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 232 с.

38. Любитенко Д. Ю. Правовая доктрина Конституционного Суда Российской Федерации: общетеоретический аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. 233 с.

39. Крылов О. Е. Доктрина в правовой системе Российской Федерации : Дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2012. 254 с.

Электронные ресурсы на русском языке:

40. Брокгауза Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/37778. (дата обращения : 15.10.2014).

41. Википедия [Электронный ресурс]. URL : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/24929>. (дата обращения : 15.10.2014).

42. Выступление Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А. А. Иванова на итоговом совещании председателей арбитражных судов России от 8 апреля 2011 г. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.arbitr.ru/press-centr/news/speeches/34406.html>. (дата обращения : 03.02.2015 г.).

43. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь Ефремовой. Т. Ф. [Электронный ресурс]. URL : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/159371>. (дата обращения : 15.10.2014).

44. Зеленкевич И. С. Правовая доктрина и правовая наука: некоторые вопросы соотношения и использования в качестве источников права [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://idea.svgu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=82:2011-03-17-22-55-17&catid=36:2011-03-16-22-58-12&Itemid=54. (дата обращения : 10.01.2015).

45. Малько А. В. Большой юридический словарь [Электронный ресурс]. URL: http://big_law.academic.ru/1036/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0. (дата обращения : 15.10.2014).

46. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL : <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=6875>. (дата обращения : 15.10.2014).

47. Пушкарская А. «Государство рискует лишиться крупных активов» : Антон Иванов о разногласиях в судебном сообществе [Электронный ресурс]. URL : <http://www.kommersant.ru/doc/1991007>. (дата обращения: 26.08.2015).

48. Савченко В. Н., Смагин В. П. Начала современного естествознания. Тезаурус [Электронный ресурс]. URL : <http://estestvoznanie.academic.ru/442/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0>. (дата обращения : 15.10.2014).

49. Словарь экономических терминов [Электронный ресурс]. URL : http://economics_ru.academic.ru/1311. (дата обращения : 15.10.2014).

50. Ушаков Д. Н. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. URL : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/792014>. (дата обращения : 15.10.2014).

Монографии и книги на русском языке:

51. Абдулаев М. И. Теория государства и права : Учебник для высших учебных заведений. М. : Финансовый контроль, 2004. 410 с.
52. Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. 364 с.
53. Григораш И. В. Зависимые юридические лица в гражданском праве. М.: Волтерс Клувер, 2007. 184 с.
54. Давид Р. Основные правовые системы современности / Пер. с франц. М. А. Крутоголова, В. А. Туманова. М. : Прогресс, 1967. 496 с.
55. Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози ; пер. с фр. В. А. Туманова. М. : Международные отношения, 1999. 400 с.
56. Дженкс Э. Английское право. Источники права. Судостроительство. Судопроизводство. Уголовное право. Гражданское право : Перевод с английского / Дженкс Э. ; Предисл. : Исаев М. И., Лунц Л. А. (Пер.) - М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. 378 с.
57. Долинская В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции. Монография / Долинская В. В. М. : Волтерс Клувер, 2006. 736 с.
58. Кашанина Т. В. Корпоративное право. М. : Норма-Инфра, 1999. 815 с.
59. Курс гражданского права : Часть общая. Т. 1 / Гамбаров Ю.С. - С.-Пб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. 793 с.
60. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М. : Статут, 2008. 511 с.
61. Могилевский С. Д., Самойлов И. А. Корпорации в России. Правовой статус и основы деятельности. М. : Изд-во «Дело», 2007. 480 с.
62. Петухов В. Н. Корпорации в российской промышленности. М. : Законодательство и практика. Научно-практическое пособие. М. : Городец, 1999. 208 с.
63. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 2009. 351 с.
64. Поляков. А. В. Общая теория права: Учебник / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. СПб. : Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. 472 с.
65. Рассолов М. М. Теория государства и права: учебник для вузов. М. : Юрайт, 2010. 635 с.
66. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное права. М. : Статут, 2014. 456 с.
67. Сырых В. М. История и методология науки : учебник. М. : Норма, 2012. 464 с.
68. Федчук В. Д. De facto зависимость de jure независимых юридических лиц: проникновение за корпоративный занавес в праве ведущих зарубежных стран. М. : Волтерс Клувер, 2010. 400 с.
69. Хужокова И. М. Доктрина добрых нравов и публичного порядка в договорном праве: сравнительное исследование / И. М. Хужокова. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 112 с.

70. Шершеневич Г. Ф., Редкол.: Ем В. С., Козлова Н. В. Курс торгового права. Т.1 : Введение. Торговые деятели. М. : Статут, 2003. 480 с.

71. Шиткина И. С. Холдинги: правовое регулирование и корпоративное управление: научно-практическое издание. М. : Волтерс Клувер, 2008. 648 с.

Научные статьи в периодических изданиях на русском языке:

72. Бошно С. В. Доктрина как форма и источник права // Журнал российского права. 2003. № 12. С. 70-79.

73. Будылин С. Л., Иванец Ю. Л. Срывающая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник ВАС РФ. 2013. №7. С. 80-125.

74. Быканов Д. Д. Снятие корпоративной вуали по праву США, Нидерландов и России // Закон. 2014. № 7. С. 71-80.

75. Верещагин А. Н. Фактор недостаточной капитализации в корпоративном праве Англии и США // Закон. 2010. № 4. С. 74-81.

76. Ветрова Г. Н., Мельникова Э. Б. Российская модель ювенальной юстиции (теоретическая концепция) // Правозащитник. 1996. № 1. С. 22-58.

77. Габов А. В. О субъекте, правомочном предъявлять требования о возмещении убытков членам органов управления корпораций после вступления в силу изменений в ГК РФ // Гражданское право. 2014. № 4. С. 18-21.

78. Герваген Л. Л. Развитие учения о юридическом лице // Журнал гражданского и уголовного права: Издание С.-Петербургского Юридического Общества. Кн. 10. 1888. С. 68-93.

79. Гутников О. В. Состояние и перспективы развития корпоративного законодательства в Российской Федерации // Журнал российского права. 2007. № 2. С. 24-37.

80. Крылов В. Г. Доктрина снятия корпоративной вуали в Германии // Гражданское право. 2014. №1. С. 19-22.

81. Любитенко Д. Ю. К вопросу о классификации правовых доктрин. Вестник Пермского университета. 2010. № 4. С. 22-26.

82. Магданов П. В. История возникновения корпораций до начала XX в. // Ars Administrandi (Искусство управления). 2012. № 4. С. 15-33.

83. Невская И., Стюарт Е. Доктрина «снятия корпоративной вуали» в английской и российской правоприменительной практике // Слияния & Поглощения. 2012. № 11 (117). С. 50-54.

84. Николаев Б. В., Емелин М. Ю. Понятие правовой доктрины в правовой системе США. Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. С. 143-146.

85. Тай Ю. В., Арабова Т. Ф. Неподъемная вуаль // Закон. 2013. № 10. С. 59-65.

86. Шиткина И. С. «Снятие корпоративной вуали» в российском праве: правовое регулирование и практика применения // Хозяйство и право. 2013. № 2. С. 3-26.

87. Шиткина И. С. Интервью с доктором юридических наук, профессором, руководителем магистерской программы «Корпоративное право» МГУ имени М. В. Ломоносова Ириной Сергеевной Шиткиной // Юрист. 2012. № 17. С. 3-12.

Нормативно-правовые акты зарубежных стран:

88. Aktiengesetz, AktG 1937 // RGBI. - 1937. - I S. 107.
 Burgerliches Gesetzbuch, BGB 1896 // RGBI. – 1896. - S. 195.
 Companies Act of June 30, 1948 // London, HER MAJESTY'S STATIONERY OFFICE.– 1948. - 11 & 12 Geo. 6 Ch. 38.
 Companies Act of November 8, 2006 // THE STATIONERY OFFICE LIMITED. - 2006. – Ch. 46.
89. Gesetz betreffend Gesellschaften mit beschränkter Haftung, GmbH 1892 // RGBI. – 1892. – S. 477.
90. Minnesota Statutes // State of Minnesota, Office of the Revisor of Statutes. - 2015. – Vol. 1 - Chapters 1 to 43 A.
 The Bank Holding Company Act of May 9, 1956 // 15 USC 80a-51. – 1956. – 54 Stat. 789.
91. The Code of Laws of the United States of America // Washington, Govt. Print. Off. – 1926. – Vol. 44 – P. 1.

Судебная практика зарубежных стран:

92. Acatos & Hutcheson v. Wattson [1995] 1 BCLC 218 (30 December 1994) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.justcite.com/Document/e7jsrUrxA0LxsKjIoXmdo4CdIIouDYL2CKL2y0L2BULezIOdm9baa/acatos-and-hutcheson-plc-v-watson>. (дата обращения: 05.01.2016).
93. Adams v. Cape Industries Plc. [1990] Ch. 433 (1990) [Электронный ресурс]. URL : https://en.wikipedia.org/wiki/Adams_v_Cape_Industries_plc. (дата обращения: 05.11.2015).
94. Amalgamated Inv. & Property Co. Ltd. v. Texas Commerce International Bank Ltd. [1982] Q.B. 84 (1982) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.justcite.com/Document/f7jsrUrxA0LxsKjIo2udm5CdnSiIs1jxAZrWAJrxAV5wsKjIoW0ha/amalgamated-investment-property-co-ltd-v-texas-commerce-international>. (дата обращения: 25.12.2015).
95. Antonio Gramsci Shipping Corporation & Ors v. Lembergs [2013] EWCA Civ. 730 (19 June 2013) [Электронный ресурс]. URL : [http://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWCA/Civ/2013/730.html&query=\(Antonio\)+AND+\(Gramsci\)](http://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWCA/Civ/2013/730.html&query=(Antonio)+AND+(Gramsci)). (дата обращения: 10.11.2015).
96. Apthorpe v. Peter Schoenhofen Brewing [1898] 4 TC 41 (1898) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.justcite.com/Document/d7jsrUrxA0LxsKjIoXudo2qdm4WIikvNCPnhzPngDP9MBjrmI6atF/apthorpe-surveyor-of-taxes-v-peter-schoenhofen-brewing-company>. (дата обращения: 12.10.2015).

97. Bank of Tokyo v. Karoon [1987] A.C. 45n (1987) [Электронный ресурс]. URL : https://en.wikipedia.org/wiki/Bank_of_Tokyo_Ltd_v_Karoon. (дата обращения: 25.11.2015).
98. Beckett Investment Management Group v. Hall [2007] EWHC 241 (QB) (16 February 2007) [Электронный ресурс]. URL : [http://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWHC/QB/2007/241.html&query=\(Beckett\)+AND+\(Investment\)+AND+\(Management\)+AND+\(Group\)+AND+\(v.\)+AND+\(Hall\)](http://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWHC/QB/2007/241.html&query=(Beckett)+AND+(Investment)+AND+(Management)+AND+(Group)+AND+(v.)+AND+(Hall)). (дата обращения: 05.11.2015).
99. BGH, 16.07.2007 - II ZR 3/04, BGHZ 173, 246 (TriHotel) [Электронный ресурс]. URL : <http://lexetius.com/2007,1959>. (дата обращения: 18.03.2015).
100. Burman v. Hedges & Butler [1976] 1 WLR 160 (1979) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.justcite.com/Document/f7jsrUrxA0LxsKjIo2utm5CZnSiIs1jxAZrWAJrxAV5wsKjIoW0ha/burman-v-hedges-butler-ltd>. (дата обращения: 19.03.2015).
101. Chandler v. Cape Plc. [2012] EWCA Civ. 525 (25 April 2012) [Электронный ресурс]. URL : [http://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWCA/Civ/2012/525.html&query=\(Chandler\)+AND+\(v.\)+AND+\(Cape\)+AND+\(Plc\)](http://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWCA/Civ/2012/525.html&query=(Chandler)+AND+(v.)+AND+(Cape)+AND+(Plc)). (дата обращения: 10.08.2015).
102. D.H.N. Food Distributors Ltd. v. Tower Hamlets London Borough Council [1976] 1 W.L.R. 852 (1976) [Электронный ресурс]. URL : https://en.wikipedia.org/wiki/DHN_Food_Distributors_Ltd_v_Tower_Hamlets_LBC. (дата обращения: 19.03.2015).
103. Daimler Co. Ltd. v. Continental tyre & rubber Co. Ltd. [1916] 2 A.C 307 (1916) [Электронный ресурс]. URL : [https://en.wikipedia.org/wiki/Daimler_Co_Ltd_v_Continental_Tyre_and_Rubber_Co_\(GB\)_Ltd](https://en.wikipedia.org/wiki/Daimler_Co_Ltd_v_Continental_Tyre_and_Rubber_Co_(GB)_Ltd). (дата обращения: 26.04.2015).
104. Erste Group Bank AG London Branch v. J 'VMZ Red October' & Ors. [2015] 1 CLC 706, [2015] EWCA Civ 379 (2015) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2015/379.html>. (дата обращения: 16.04.2015).
105. Everson v. Board of Education [1947] 330 US 1(1947) [Электронный ресурс]. URL : <https://www.supremecourt.gov/opinions/obtainopinions.pdf>. (дата обращения: 14.07.2016).
106. Firestone Tyre and Rubber v. Lewellin, [1957] UKHL J0214-1 (1957) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.justcite.com/Document/e7jsrUrxA0LxsKjIoXadm4edmWCdIIOuDYL2CKL2y0L2BULezIOdm9baa/firestone-tyre-and-rubber-co-ltd-as-agents-for-firestone-tire>. (дата обращения: 14.07.2016).
107. Foster & Anor v. Action Aviation Ltd., EWHC 2439 (Comm.) (08 August 2013) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Comm/2013/2439.html>. (дата обращения: 10.09.2015).
108. German Supreme Court (Bundesgerichtshof) «Autokran», BGHZ 95 (1989) 330 [Электронный ресурс]. URL : https://www.jurion.de/urteile/bgh/1989-02-20/ii-zr-167_88/. (дата обращения: 14.07.2016).

109. German Supreme Court (Bundesgerichtshof) February 25, 2002, GmbHR 2002, 549 e.s. [Электронный ресурс]. URL : <http://lexetius.com/2002,494>. (дата обращения: 15.08.2016).

110. German Supreme Court (Bundesgerichtshof) June 24, 2002, GmbHR 2002, 902 e.s. [Электронный ресурс]. URL : <http://lexetius.com/2002,1279>. (дата обращения: 15.08.2016).

111. German Supreme Court (Bundesgerichtshof) June 24, 2002, GmbHR 2002, 904 [Электронный ресурс]. URL : [https://www.jurion.de/urteile/bgh/2002-06-24/ii-zr-300_00/?q=German+Supreme+Court+\(Bundesgerichtshof\)+June+24%2C+2002%2C+GmbHR+2002%2C+904.&sort=1](https://www.jurion.de/urteile/bgh/2002-06-24/ii-zr-300_00/?q=German+Supreme+Court+(Bundesgerichtshof)+June+24%2C+2002%2C+GmbHR+2002%2C+904.&sort=1). (дата обращения: 15.08.2016).

112. German Supreme Court (Bundesgerichtshof) September 17, 2001, NJW 2001, 3622 e.s. [Электронный ресурс]. URL : <http://lexetius.com/2001,1224>. (дата обращения: 15.08.2016).

113. German Supreme Court (Bundesgerichtshof) September 23, 1991, BGHZ 115, 187 [Электронный ресурс]. URL : https://www.jurion.de/urteile/bgh/1991-09-23/ii-zr-135_90/. (дата обращения: 15.08.2016).

114. Gilford Motor Co. v. Horne [1933] Ch. 935 (1933) [Электронный ресурс]. URL : https://en.wikipedia.org/wiki/Gilford_Motor_Co_Ltd_v_Horne. (дата обращения: 01.07.2015).

115. Glasgow City Council v. Castrop Ltd., ScotCS 218 (6 September 2001) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.bailii.org/scot/cases/ScotCS/2001/218.html>. (дата обращения: 10.09.2015).

116. GramsciShipping v. Stepanovs [2011] EWHC 333 (Comm) (2011) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Comm/2011/333.html>. (дата обращения: 01.07.2015).

117. In re Darby, Brougham [1911] 1 KB 95 (1911) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.justcite.com/Document/f7jsrUrxA0LxsKjIo2Gdn3CZmSiIs1jxAZrWAJrxA V5wsKjIoW0ha>. (дата обращения: 03.08.2015).

118. IRC v. Burmah Oil Co Ltd. [1981] UKHL J1203-4 (1981) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.justcite.com/Document/e7jsrUrxA0LxsKjIoXadm5GJn4CdIIOuDYl2CKL 2y0L2BULezIOdm9baa/commissioners-of-inland-revenue-appellants-v-burmah-oil-company>. (дата обращения: 03.08.2015).

119. Jones v. Lipman [1962] 1 W.L.R. 832 (1962) [Электронный ресурс]. URL : https://en.wikipedia.org/wiki/Jones_v_Lipman. (дата обращения: 10.12.2014).

120. Kensington International Ltd v. Congo [2005] EWHC 2684 (Comm.) (28 November 2005) [Электронный ресурс]. URL : [http://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWHC/Comm/2005/2684.html&query=\(Gilford\)+AND+\(Motor\)+AND+\(Co.\)+AND+\(v.\)+AND+\(Horne\)](http://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWHC/Comm/2005/2684.html&query=(Gilford)+AND+(Motor)+AND+(Co.)+AND+(v.)+AND+(Horne)). (дата обращения: 10.08.2015).

121. Las Palmas Associates v. Las Palmas Center Associates [1991] 235 Cal. App. 3d 1220 (1991) [Электронный ресурс]. URL : <http://library.justis.com/default.aspx?ReturnUrl=%2fj-net%2fjlink.aspx%3fLink%3f0%263d%25201220%264%260LaudI4Zkg3YnwW66zqf>

lW%3d%3d&Link?0&3d%201220&4&OLaudI4Zkg3YnwW66zqflw==. (дата обращения: 17.09.2015).

122. Lee v. Sheard [1956] 1 QB 192 (1956) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.justcite.com/Document/f7jsrUrxA0LxsKjIo2yJmWiZnSiIs1jxAZrWAJrxAV5wsKjIoW0ha>. (дата обращения: 23.09.2015).

123. Littlewoods Mail Order Stores v. Inland Revenue Commissioners [1969] 1 W.L.R. 1214 (1969) [Электронный ресурс]. URL : https://en.wikipedia.org/wiki/Littlewoods_Mail_Order_Stores_Ltd_v_IRC. (дата обращения: 23.06.2015).

124. Marbury v. Madison [1803] 5 US (1 Cranch) 137 (1803) [Электронный ресурс]. URL : <https://www.supremecourt.gov/opinions/obtainopinions.pdf>. (дата обращения: 24.06.2015).

125. Merchandise Transport v. British Transport Commission [1961] EWCA Civ J0728-6 (1962) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.lexisnexis.com/uk/legal/api/version1/sr?sr=NORMCITE%281962+pre%2F1+2+pre%2F1+QB+pre%2F1+173%29&csi=296982&secondRedirectIndicator=true>. (дата обращения: 25.06.2015).

126. Minton v. Cavaney [1960] 1 WLR 1312 (1961) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.lexisnexis.com/uk/legal/api/version1/sr?sr=REPORT-CITATION%28%5B1960%5D+1+WLR+1312%29&csi=417192&secondRedirectIndicator=true>. (дата обращения: 27.06.2015).

127. Pierelli Cable Holding NV v. Inland Revenue Comm'rs [2006] 1 WLR 400 (2006) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/2006/4.html> (дата обращения: 12.09.2015).

128. Prest v. Petrodel Resources Ltd. & Ors. [2013] UKSC 34 (12 June 2013) [Электронный ресурс]. URL : [http://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/uk/cases/UKSC/2013/34.html&query=\(Wallersteiner\)](http://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/uk/cases/UKSC/2013/34.html&query=(Wallersteiner)). (дата обращения: 10.09.2015).

129. Rainham Chemical Works, Ltd. v. Belvedere Fish Guano Co [1921] 2 AC 465 (1921) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.lexisnexis.com/uk/legal/api/version1/sr?sr=NORMCITE%281921+pre%2F1+2+pre%2F1+AC+pre%2F1+465%29&csi=296986&secondRedirectIndicator=true>. (дата обращения: 10.01.2016).

130. Revlon Inc. v. Cripps & Lee [1980] FSR 85 (1980) [Электронный ресурс]. URL : [https://signon.thomsonreuters.com/?productid=CBT&lr=0&culture=en-US&returnto=https%3a%2f%2f1.next.westlaw.com%2fCosi%2fSignOn%3fredirectTo%3d%252fLink%252fDocument%252fFullText%253fcite%253d1980%252bfsr%252b85%2526FindType%253df%2526transitiontype%253dDefault%2526contextdata%253d\(sc.Default\)%2526originationcontext%253dRequestDirector%2526__lrTS%253d20170904105936636%2526firstPage%253dtrue&tracetoken=0904170600070BYcTHIOVUeDRdj128gjubJBcvBJAVJv_osvn_8MJ1FX0xSS91r6yIdWzIYWkdIBJcMVQLR64MTJdelen7k6VHuXHSI8_A9c8zgCiLMRhsastKtvt5DLyDBCCz5Of_limIZORWaEvzVGG90eEzSVh6o4ggZ0ywbBN8z1bGSeau7DMK6tMdfR5ohTvxoOUjc07KENAG0CbGaTABJZJ8fZJssmfq3dGwoLsoRHqSdM8sMdUBasjYfLeWomqOpnVEkgMPbe8mP](https://signon.thomsonreuters.com/?productid=CBT&lr=0&culture=en-US&returnto=https%3a%2f%2f1.next.westlaw.com%2fCosi%2fSignOn%3fredirectTo%3d%252fLink%252fDocument%252fFullText%253fcite%253d1980%252bfsr%252b85%2526FindType%253df%2526transitiontype%253dDefault%2526contextdata%253d(sc.Default)%2526originationcontext%253dRequestDirector%2526__lrTS%253d20170904105936636%2526firstPage%253dtrue&tracetoken=0904170600070BYcTHIOVUeDRdj128gjubJBcvBJAVJv_osvn_8MJ1FX0xSS91r6yIdWzIYWkdIBJcMVQLR64MTJdelen7k6VHuXHSI8_A9c8zgCiLMRhsastKtvt5DLyDBCCz5Of_limIZORWaEvzVGG90eEzSVh6o4ggZ0ywbBN8z1bGSeau7DMK6tMdfR5ohTvxoOUjc07KENAG0CbGaTABJZJ8fZJssmfq3dGwoLsoRHqSdM8sMdUBasjYfLeWomqOpnVEkgMPbe8mP)

0umPaPIG7QL6k3OVMwmLE_zwtQ6Bv9WQcnkEKVDknnYrbjW7S5-thp9zy&bhcp=1. (дата обращения: 10.02.2016).

131. Scottish Cooperative Wholesale Society v. Meyer [1958] UKHL J0724-1 (1958) [Электронный ресурс]. URL : <http://library.justis.com/default.aspx?ReturnUrl=%2fj-net%2fjlink.aspx%3fLink%3f0%26%255B1958%255D%2520SC%2528HL%2529%252040%264%2645cbgK0wp4c74ASvAYhwmQ%3d%3d&Link?0%26%25B1958%25D%20SC%28HL%29%2040&4&45cbgK0wp4c74ASvAYhwmQ==>. (дата обращения: 14.02.2016).

132. Smith, Stone & Knight Ltd. v. Birmingham [1939] 4 All ER 116 (1939) [Электронный ресурс]. URL : [http://web.lexis-nexis.com/professional/athens/apisearch?src=UK;ALLCAS&query=cite\(1939%20pre/1%204%20pre/1%20ALL%20ER%20pre/1%20116\)](http://web.lexis-nexis.com/professional/athens/apisearch?src=UK;ALLCAS&query=cite(1939%20pre/1%204%20pre/1%20ALL%20ER%20pre/1%20116)). (дата обращения: 16.02.2016).

133. St. Louis Breweries v. Apthorpe [1898] 4 TC 111 (1898) [Электронный ресурс]. URL : https://www.lexisnexus.com/start/shib/wayf?pkgName=Rosetta_UK_Legal&locale=en_GB&termscond=http%3A%2F%2Fwww.lexisnexus.com%2Fterms%2FIngp%2FUK&namespace=UK&returnURL=https%3A%2F%2Fwww.lexisnexus.com%2Fuk%2Flegal%2Fauth%2Fshibauthtokenprocess.do%3FsearchTerms%3DREPORT-CITATION%25284%2Bpre%252F1%2BTC%2Bpre%252F1%2B111%2529%26secondRedirectIndicator%3Dtrue%26ats%3Dt%26fromVerb%3Dsr%26rand%3D0.30512988932722573%26csi%3D274697%26uistoken%3D. (дата обращения: 14.03.2016).

134. Stone & Rolls v. Moore Stephen [2009] 1 AC 1391 (2009) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/2009/39.html>. (дата обращения: 15.03.2016).

135. The Print Factory (London) 1991 Ltd. v. Millam [2007] EWCA Civ 322 (1 August 2006) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2007/322.html>. (дата обращения: 15.03.2016).

136. Thompson v. The Renwick Group Plc. [2014] EWCA Civ. 635 (13 May 2014) [Электронный ресурс]. URL : [http://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWCA/Civ/2014/635.html&query=\(Thompson\)+AND+\(v.\)+AND+\(The\)+AND+\(Renwick\)+AND+\(Group\)+AND+\(plc.\)](http://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWCA/Civ/2014/635.html&query=(Thompson)+AND+(v.)+AND+(The)+AND+(Renwick)+AND+(Group)+AND+(plc.)). (дата обращения: 16.09.2015).

137. Trebanog Working Men's Club and Institute [1940] 1 KB 576 (1940) [Электронный ресурс]. URL : https://www.lexisnexus.com/start/shib/wayf?pkgName=Rosetta_UK_Legal&locale=en_GB&termscond=http%3A%2F%2Fwww.lexisnexus.com%2Fterms%2FIngp%2FUK&namespace=UK&returnURL=https%3A%2F%2Fwww.lexisnexus.com%2Fuk%2Flegal%2Fauth%2Fshibauthtokenprocess.do%3FsearchTerms%3DNORMCITE%25281940%2Bpre%252F1%2B1%2Bpre%252F1%2BKB%2Bpre%252F1%2B576%2529%26secondRedirectIndicator%3Dtrue%26fromVerb%3Dsr%26rand%3D0.04146100277337006%26csi%3D296982%26uistoken%3D. (дата обращения: 17.09.2015).

138. Trustor AB v. Smallbone, 1 W.L.R. [2001] EWHC 703 (Ch.) (12 March 2001) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.bailii.org/cgi->

bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWHC/Ch/2001/703.html&query=(Trustor)+AND+(AB)+AND+(v.)+AND+(Smallbone). (дата обращения: 18.09.2015).

139. VTB Capital Plc v. Nutritek International Corp and Others (Rev 1) [2013] UKSC 5 (6 February) [Электронный ресурс]. URL : [http://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/uk/cases/UKSC/2013/5.html&query=\(Adams\)+AND+\(v.\)+AND+\(Cape\)+AND+\(Industries\)+AND+\(Plc.\)](http://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/uk/cases/UKSC/2013/5.html&query=(Adams)+AND+(v.)+AND+(Cape)+AND+(Industries)+AND+(Plc.)). (дата обращения: 15.09.2015).

140. Walkovszky v. Carlton [1966] 276 NYS 2d 585 (2d Cir) (1966) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.justcite.com/Document/d7jsrUrxA0LxsKjIoZitnYadm0WIikvNCPnhzPngD P9MBjrMi6atF>. (дата обращения: 05.06.2016).

141. Wallersteiner v. Moir [1974] 1 W.L.R. 991 (1974) [Электронный ресурс]. URL : https://en.wikipedia.org/wiki/Wallersteiner_v_Moir. (дата обращения: 12.09.2016).

142. Woolfson v. Strathclyde RC [1978] UKHL 5 (15 February 1978) [Электронный ресурс]. URL : [http://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/uk/cases/UKHL/1978/1978_SC_HL_90.html&query=\(D.H.N.\)+AND+\(Food\)](http://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/uk/cases/UKHL/1978/1978_SC_HL_90.html&query=(D.H.N.)+AND+(Food)). (дата обращения: 12.09.2015).

Монографии и книги на иностранных языках:

143. Blumberg P. I. The Corporate Entity In An Era Of Multinational Corporations. 15 DEL. J. CORP. L., P. 283. 1990.

144. Blumberg P. I. The law of corporate groups. 3d ed., 1997. P. 584.

145. Cottrell P. L. Industrial Finance, 1830-1914. New York: Methuen, 1980. P. 47-50.

146. Fletcher. W. Cyclopedia of the law of private corporations. Rev. perm. ed. 1983 & Supp., 1988. P. 3.

147. Hamilton R.W. The Law of Corporations, In a Nutshell. 5-th ed. West Group. St. Paul. Minn, 2000. P. 146.

148. Kalls S., Nowotny Ch., Schauer M. Österreichisches Gesellschaftsrecht : Systematische Darstellung sämtlicher Rechtsformen. MANZ Verlag Wien, 2008. S. 867.

149. Owen Th.C. The Corporation under Russian Law, 1800-1917: A Study in Tsarist Economic Policy. Cambridge University Press, 1991. 240 p.

150. Palmer F. B., Morse J. Palmer's company law. 25 Sweet & Maxwell, 1992. P. 2205.

151. Powell F. J. Parent and Subsidiary Corporations. Chicago: Callaghan, 1931. Par. 5-6.

152. Saville J. Sleeping Partnerships and Limited Liability, 1850-1856. The Economic History Rev., P. 430. 1956.

Электронные ресурсы на иностранных языках:

153. American Jurisprudence, 2nd ed. Updated to 2013. WestLaw online edition [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://w3.nexis.com/sources/scripts/info.pl?153083> (дата обращения : 17.09.2015).

154. Hamilton R. W. Cases and Materials on Corporations, Including Partnerships and Limited Partnerships et Statutory Instruments [Электронный ресурс]. URL : http://www.persee.fr/doc/ridc_0035-3337_1982_num_34_2_3936 (дата обращения : 15.11.2015 г.).

155. McQueen R. A Social History of Company Law : Great Britain and the Australian Colonies 1854–1920 [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.academia.edu/8816146> (дата обращения: 09.06.2015).

156. Mitchell W. Disregard of the Corporate Entity [Электронный ресурс]. URL : <http://open.mitchellhamline.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2772&context=wmlr> (дата обращения : 15.11.2015 г.).

157. Palmer F. B. Private Companies, Their Formation and Advantages, Or, How to Convert Your Business Into a Private Company, and the Benefit of So Doing: With Notes on Single Ship Companies [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.goodreads.com/book/show/31649614> (дата обращения: 09.06.2015).

158. Perdelwitz A. Germany – Corporate Taxation. IBFD, Tax Research Platform : Country Analyses – Germany [Электронный ресурс]. URL : <http://online.ibfd.org/kbase> (дата обращения : 15.01.2016).

159. Seelam R. Lifting the Corporate Veil : The English and Indian Laws [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.legalindia.com/lifting-the-corporate-veil-the-english-and-indian-laws/> (дата обращения: 09.06.2015).

160. The Oxford Dictionaries Online by the Oxford University Press [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 10.06.2015).

Научные статьи в периодических изданиях на иностранных языках:

161. Parker K. M. Law «In» and «As» History: The Common Law in the American Polity, 1790-1900 // UC Irvine law review. 2011. Vol. 1. № 3. P. 587- 609.

162. Alting C. Piercing the Corporate Veil in American and German Law - Liability of Individuals and Entities : A Comparative View. 2 Tulsa J. Comp. & Int'l L. 187, 1994. P. 190.

163. Ballantine. H. W. Ballantine on corporations. Chicago : Callaghan and Company, 1946.

164. Barber D. Piercing the Corporate Veil. Willamette L. Rev. Vol. 17. № 1, 1981. P. 371, 376, 378.

165. Berle A. A. The Theory of Enterprise Entity, 47 Colum. L. Rev. 343, 352–54, 1947.

166. Blumberg P. I. Limited Liability and Corporate Groups. 11 J. CORP.L. 591-595, 605-607, 1986.

167. Cheng T. K. The Corporate Veil Doctrine Revisited : A Comparative Study of the English and the U. S. Corporate Veil Doctrines. 34 B. C. Int'l & Comp. L. Rev., 2011.
168. Dewey J. The Historic Background of Corporate Legal Personality. 35 YALE L. J. 655 passim, 1926.
169. Freedland F. History of Holding Company Legislation in New York State: Some Doubts as to the «New Jersey First» Tradition // Fordham L. Rev. Vol. 24. № 3, 1955.
170. Gevurtz F. A. Piercing : An Attempt to Lift the Veil of Confusion Surrounding the Doctrine of Piercing the Corporate Veil. 76 Or. L. Rev. 853, 853, 1997. P. 889.
171. Handlin O., Handlin M. Origins of American Business Corporation. The Journal of Economic History, Vol. 5, Iss. 01, 1945. P. 106.
172. Kahn-Freund O. Some Reflections on Company Law Reform. 7 Modern Law Rev., 1944. P. 54.
173. Krendl C. S., Krendl J. R. Piercing the Corporate Veil: Focusing the Inquiry. Denv. L. J. Vol. 55. 1 e. s., 1978. P. 23-24.
174. Landers. Another Word on Parents, Subsidiaries and Affiliates in Bankruptcy, 43 U.CHI. L. REV., 1976. P. 620.
175. Maine H. S. Ancient Law. New York : Henry Holt & Company, 1888. P. 121-122.
176. Matheson J. H. The Modern Law of Corporate Groups: An Empirical Study of Piercing the Corporate veil in the Parent-Subsidiary Context. North Carolina Law Rev. 87, 2009. P. 1118.
177. McQueen R. Life without Salomon. 27 Fed Law Rev., 1999. P. 181-183.
178. Montano M. The Single Business Enterprise Theory in Texas : A Singularly Bad Idea? 55 Baylor L. Rev., 2003. P.1163.
179. Ramberg R. Piercing the Corporate Veil: Comparing the United States with Sweden. 17 New Eng. J. Int'l & Comp. L., P. 6.
180. Reich-Graefe R. Changing Paradigms : The Liability of Corporate Groups in Germany. 37 Conn. L. Rev. Vol. 37, 2005. P. 794-798.
181. Smith G. B., Hall T. J. Piercing the Corporate Veil Claims and Discovery // New York Law Journal. 2010. Vol. 243. № 73. P. 1.
182. Strasser K. A. Piercing the Veil in Corporate Groups. Connecticut L. Rev. Vol. 37, 2005. P. 646-648.
183. Thompson R. B. Piercing the Corporate Veil: An Empirical Study. 76 Cornell L. Rev., 1991. P. 1036.
184. Todd J., Some Aspects of Joint Stock Companies, 1844-1900. The Economic History Rev., Vol. a4, No. 1, 1932. P. 46-71.
185. Wooldridge F. Groups of Companies : The Law and Practice in Britain, France and Germany. Institute of Advanced Legal Studies (University of London), 1981. P. 1317.
186. Wormser I. M. «Piercing the Veil of Corporate Identity», 12 Columbia L. Rev, 1912. P. 496–524.

187. Wormser I. M. *Frankenstein, incorporated*. N. Y. New York: McGraw-Hill, 1931. 242 p.